

ИРВИН ШОУ НОЧНОЙ ПОРТЪЕ

...Он был ночным портъе. Маленьким человеком, не надевшимся на перемены к лучшему. Но таинственная гибель одного из постояльцев отеля открыла для него дверь в другую жизнь — яркую, шикарную, порой — авантурную и опасную, но всегда — стремительную и увлекательную...

Посвящается Герде Нильсен

Ночь... Сажу один-одинешенек, огражденный пуленепробиваемым стеклом в запертой на ключ конторке. За окном Нью-Йорк в тисках угрюмой январской ночи. Вот уже два года шесть раз в неделю я прихожу сюда за час до полуночи и остаюсь до восьми утра. В конторке тепло и с разговорами никто не лезет. Работа мне не то чтобы нравится, но и не противна. Служебные обязанности оставляют мне время и для личных занятий, установленный ночной распорядок течет, как ему положено. Часок-другой я провожу за изучением программы скачек «Racing Form» и продумываю свои ставки на следующий день. Это очень живо составленная программа, полная оптимизма и с каждым выпуском вселяющая новые надежды. Покончив с прикидкой таких показателей, как вес лошади, ее резвость, дистанция, ожидаемая погода, я принимаюсь за духовную пищу, постоянно заботясь о том, чтобы иметь под рукой книги по своему вкусу. Ночной харч — сэндвич и бутылку пива — я покупаю по дороге на работу. В течение ночи обязательно проделываю изометрические упражнения для рук, ног и живота. Несмотря на сидячую работу, я в тридцать три года чувствую себя лучше, чем в двадцать лет. Люди удивляются, что при моем росте — меньше шести футов — вешу я сто восемьдесят пять фунтов. Однако мой вес меня не огорчает. Мне бы только хотелось быть повыше ростом. Женщины говорят, что у меня еще юношеский вид, но я не считаю это комплиментом. Я никогда не был маменькиным сыночком. Подобно большинству мужчин, я бы хотел походить на таких персонажей из телефильмов, как отважный морской капитан или искатель приключений. Составляя отчет за прошедшие сутки для дневной смены, я работал на счетной машинке. Когда нажимал клавиши, машинка жужжала, как большое рассерженное насекомое. Вначале звук этот досаждал мне, но теперь я привык. За стеклом моей конторки в вестибюле было темным-темно. Хозяин экономил на электроэнергии, как, впрочем, и на всем остальном. Пуленепробиваемое стекло в конторке появилось после того, как работавший до меня ночной портье был дважды зверски избит и ограблен. Ему наложили сорок три шва, и он решил переменить службу. Следует признать, что с цифрами я умею обращаться лишь благодаря тому, что мать в свое время заставила меня пройти в колледже годичный курс счетоводства и бухгалтерии. Она настаивала, чтобы за четыре года учебы в колледже я научился хотя бы одной полезной, как она говорила, вещи. Окончил я колледж одиннадцать лет назад, и моей матери теперь уже нет в живых. Отель, в котором я служу, называется «Святой

Августин». Трудно сказать, из каких побуждений дал это имя отелю его первый владелец. Ни на одной стене вы не увидите распятия, его нет даже в вестибюле, где в четырех запыленных кадках стоят какие-то каучуковые растения якобы тропического вида. Снаружи отель еще выглядит достаточно солидно — он знавал лучшие дни и лучших постояльцев. Плата сейчас тут небольшая, но и на какие-нибудь особенные удобства и обслуживание рассчитывать не приходится. За исключением двух-трех постояльцев, приходящих поздно, мне не с кем и словом перекинуться. Но я и не искал такой работы, где требуется общительность. Часто за целую ночь нигде в здании не зажжется свет. Платят мне сто двадцать пять долларов в неделю. Живу я в однокомнатной квартире, с кухней и ванной, в Восточной части Нью-Йорка на Восемьдесят первой улице. Этой ночью меня потревожили только однажды, во втором часу, когда какая-то проститутка спустилась по лестнице в вестибюль и потребовала, чтобы я выпустил ее на улицу. Пришла в отель она до того, как я заступил на дежурство, так что я не знал, в каком номере она была. Возле парадной двери имелась кнопка-звонок, предназначенная для того, чтобы дверь автоматически открывалась, но неделю назад звонок вышел из строя. Когда я отомкнул дверь, холодный ночной воздух пахнул мне в лицо, и, пожившись, я с удовольствием вернулся в свою теплую конторку. Программа скачек на следующий день в Хайалиа лежала у меня на столе. У них на юге сейчас празднично и тепло. Я уже сделал свой выбор: во втором заезде поставить на Глорию. Возможный выигрыш в случае ее победы был бы один к пятнадцати. Игроком я стал давно. Добрую часть времени в колледже я провел за игрой в покер в нашем студенческом землячестве. Работая затем в штате Вермонт, я каждую неделю садился за карточный стол и за время пребывания там выиграл несколько тысяч долларов. С тех пор мне не особенно везло. Страсть к игре и привела меня на службу в отель «Святой Августин». Когда меня впервые занесло в Нью-Йорк, я в баре случайно познакомился с одним букмекером,^[1] который жил как раз в этом отеле и здесь же расплачивался со своими клиентами. Он открыл мне кредит, а в конце недели мы с ним подводили итоги. Я тоже поселился в этом же отеле: мои средства не позволяли выбрать что-нибудь лучшее. Когда мой долг букмекеру достиг пятисот долларов, он перестал принимать мои ставки. Однако сообщил, что, к моему счастью, ночной портье отеля уходит с работы и хозяин ищет замену. «Вы производите впечатление, — сказал букмекер, — человека образованного, окончившего колледж и, наверное, знакомого с правилами сложения и вычитания». Поступив на эту работу, я сразу же выехал из «Святого Августина». Находиться там круглые сутки было испытанием, которое едва ли кто мог вынести. Из недельных получек я стал выплачивать долг

букмекеру, и когда погасил его, он снова открыл мне кредит. Однако теперь я опять должен ему сто пятьдесят долларов. Как мы условились с самого начала, я указывал в записке свою ставку на ту или иную лошадь, клал записку в конверт и опускал в ящик букмекера в отеле. Вставал букмекер поздно и раньше одиннадцати утра не заглядывал в свой ящик. В эту ночь я решил поставить пять долларов. В случае выигрыша я получил бы семьдесят пять долларов, что покрыло бы половину моего долга. На моем столе рядом с программой скачек лежала Библия, открытая на Книге псалмов. Я вырос в религиозной богобоязненной семье и временами по привычке перечитывал Библию. Моя вера в Бога была уже не такой, как когда-то в детстве, но мне еще доставляло удовольствие заглядывать в Священное Писание. Тут же на столе примостился роман «Мерзкая плоть» Ивлины Во и «Каприз Олмейера» Джозефа Конрада. За два года ночной работы я значительно расширил свое знакомство с английской и американской литературой. Усевшись за счетную машинку, я бросил взгляд на открытую страницу из Книги псалмов: «Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его. Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гусях. Хвалите Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе». Вполне приемлемо было для Иерусалима, подумал я. Но где в Нью-Йорке вы найдете тимпан? Из небесной дали, проникая сквозь бетон и сталь, донеслось в эту минуту гудение реактивного самолета, летевшего над Нью-Йорком. Я прислушался, представив себе ровную взлетно-посадочную полосу, молчаливых диспетчеров на контрольной вышке, мерцание приборов, обзор ночного неба радаром. «Ох, Боже мой», — произнес я. Закончив щелкать на счетной машинке, я отодвинул стул, взял лист бумаги, положил его на колени и посмотрел на настенный календарь. Потом стал медленно, дюйм за дюймом, поднимать бумажный лист, не спуская глаз с календаря. Увы, заметил я бумагу, лишь когда край листа поравнялся с моим подбородком. Чуда опять не произошло. «Ох, Боже мой», — повторил я и, скомкав лист, в сердцах швырнул его в корзину для бумаг. Потом, аккуратно сложив счета, я принялся рассортировывать их в алфавитном порядке. Делал это механически, мысли были заняты совсем другим, и я не обращал внимания на дату выписанных счетов. Случайно она вдруг бросилась мне в глаза. 15 января. Годовщина. Своего рода. Я печально усмехнулся. Как раз три года тому назад это и случилось. 2

Облака заволкли Нью-Йорк, но когда, идя на север, мы прошли над Пикскиллом, небо очистилось и заголубело. В лучах солнца заискрился на

холмах снег. Я вел небольшой самолет «Сессна» на промежуточную посадку в аэропорту Тетерборо и краем уха слышал, как у меня за спиной пассажиры поздравляли друг друга с хорошей погодой и только что выпавшим снегом. Мы летели на небольшой высоте, около двух тысяч метров, поля под нами походили на хорошо расчерченные шахматные доски, где деревья чернели на белоснежном покрове. Короткие рейсы в это время года были мне особенно по душе. И было радостно и как-то уютно, когда-то там, то здесь узнавал я знакомые мне отдельные фермы, дорожные перекрестки, речки и речушки. Хороша зимой северная часть штата Нью-Йорк, а особенно в пригожий день в начале зимы, когда видишь ее с воздуха. В который раз я уже порадовался тому, что никогда не привлекала меня работа на дальних авиалиниях, где большую часть жизни проводишь на высоте более десяти тысяч метров, а земля скрыта от тебя плотным слоем облаков или выглядит как безликая географическая карта. В самолете на этот раз было трое пассажиров — Вейлс, его жена и их дочь, упитанная девочка лет двенадцати с торчащими передними зубами, которую звали Диди. Все они были страстными лыжниками, и я уже несколько раз до этого возил их. На Берлингтон, куда мы летели, ходили самолеты регулярной авиалинии, но Вейлс, человек очень занятой, как он любил повторять, отправлялся на лыжные прогулки в удобное для него время и не желал зависеть от расписания. Владелец рекламной фирмы в Нью-Йорке, он не стеснялся в расходах. Заказывая самолет, Вейлс обычно просил, чтобы пилотировал я, — наверно потому, что иногда я шел с ними, вел на спусках, которые знал лучше их, и тактично обучал лыжной технике. Вейлс и его жена, сильная, спортивного склада особа, неистово соревновались друг с другом, так что один из них когда-нибудь непременно должен был сломать себе шею. Об их досаде и раздражении я мог судить по резко подчеркнутым обращениям «дорогой» или «дорогая» в напряженные моменты соперничества. Их дочь Диди была серьезной, не улыбкающей девочкой, вечно с книгой в руках. Усевшись в самолете, она не отрываясь читала до самой посадки. В этом полете она была всецело поглощена романом Эмили Бронте «Грозовой перевал». Я сам в детстве читал запоем (моя мать часто ворчала: «Прекрати, Дуглас, изображать из себя героев прочитанных книг»), и мне было интересно следить от зимы к зиме, какие книги берет Диди с собой в самолет. Она гораздо лучше своих родителей ходила на лыжах, но они не разрешали ей скатываться на спусках. Как-то утром в пургу, когда ее родители засиделись в веселой компании за коктейлями, мы отправились с ней вдвоем, и она показалась мне совсем другой девочкой. Бесстрашно, с блаженной улыбкой на лице, Диди радостно скользила рядом со мной по склону, как зверек, которому посчастливилось вырваться из клетки на волю. У папаши Вейлса была

широкая натура, и он имел обыкновение после каждого рейса делать мне подарок: то свитер, то пару прекрасных лыжных палок, то бумажник или еще что-нибудь в этом роде. Я, конечно, мог сам купить, что мне нужно, и не любил чаевых в какой бы то ни было форме, но мне не хотелось обидеть его отказом. Кроме того, он был приятным и вполне преуспевающим человеком.— Прекрасное утро, Дуг, верно? — услышал я за спиной голос Вейлса. Даже в маленьком самолете он не мог усидеть на месте, шныряя то туда, то сюда. Пилот из него вышел бы ужасный. В летную кабину он принес с собой запах алкоголя, так как подкреплялся в пути из небольшой фляжки, которую всегда брал с собой.— Н-не п-плохая, — подтвердил я. С детских лет я заикался, а потому старался как можно меньше говорить, хотя и не позволял себе стыдиться этого недостатка.— На лыжах сегодня чудесно.— Чудесно, — кивнул я. За управлением я особенно не любил разговаривать, но было как-то неудобно сказать об этом Вейлсу.— Останетесь здесь на этот уик-энд?— Н-наверное. Я д-договорился встретиться с одной знакомой. Мою знакомую звали Пэт Майнот. Ее брат работал в конторе нашей авиалинии, и он познакомил меня с ней. Она была учительницей истории в средней школе, и мы условились встретиться после окончания занятий. Превосходная лыжница, она к тому же была очень хорошенькой. Небольшого роста, смуглая, сильная и ловкая. Я знал ее более двух лет, последний год мы стали близки, но встречались от случая к случаю. То она под разными предлогами отказывалась увидеться и едва замечала меня, когда мы случайно сталкивались, то внезапно сама предлагала провести вечер вместе. По тому, как она улыбалась мне, я уже мог сказать, хочет ли она быть со мной. Пэт была упряма и своенравна. По словам ее брата, почти каждый из его друзей приударял за ней. Я не мог похвастаться амурными успехами, был застенчив и неловок с девушками и не добивался близости с ней. Она тоже как будто не имела никаких видов на меня. Это случилось как-то само собой, когда в конце недели мы два дня провели на лыжных прогулках. После первой ночи я признался ей: «Это самое лучшее, что было в моей жизни». «Перестань», — буркнула она. И это все, что она сказала. Я не задумывался над тем, люблю ли я ее или нет. Если бы она постоянно не приставала ко мне с тем, чтобы я лечился от заикания, я бы, наверное, попросил ее выйти за меня замуж. Однако подходили свободные дни в конце недели, а я никогда не мог предугадать, в каком она настроении. И я решил быть осторожным.— Прекрасно, — с воодушевлением подхватил мои слова Вейлс. — Давайте сегодня все вместе пообедаем.— Благодарю, Д-джордж. — Он настоял, чтобы с первого дня знакомства я называл его и его жену просто по имени. — Б-было бы о-очень п-приятно. Такой обед дал бы мне возможность снова отложить окончательное решение.— Так можно

ожидать вас в гостинице?— Б-боюсь, что нет. У меня с-сегодня м-медосмотр.— У вас, Дуг, что-то маловато свободных дней.— Т-только в лыжный сезон.— В начале февраля я с женой отправляюсь в Цюрих. Мы всегда ухитряемся выкроить недельки три, чтобы провести их в Альпах. Бывали ли вы в Альпах?— Н-никогда не был за границей.— У вас появится такая возможность, и нам будет приятно, если вы поедете с нами. Я член нью-йоркского лыжного клуба «Кристи». Клуб фрахтует самолеты и организует путешествия в Альпы. Удивительно дешево. Всего триста долларов с носа. И дело не только в деньгах, а и в людях, с которыми вы познакомитесь и сможете выпить, сколько в вас влезет. И притом никаких беспокойств с багажом и швейцарской таможней. Они только машут вам рукой и улыбаются. У меня знакомая в офисе этого клуба, ее фамилия Менсфилд. Я скажу ей, что вы мой друг, и она все вам устроит. Подумайте об этом, у вас еще впереди достаточно времени.— Н-не искушайте рабочего человека, — усмехнулся я.— Какого черта, всем надо отдыхать.— Спасибо, п-подумаю. Он вернулся на свое место в самолете, оставив у меня в кабине стойкий запах виски. Я уставился на дальний горизонт, обозначавшийся четкой светлой линией на ясном зимнем небе, стараясь подавить зависть к Вейлсу, плохому лыжнику, имеющему, однако, возможность пробыть три недели в Швейцарии и кататься с Альпийских гор, истратив на все про все тысячу долларов. Выяснив в конторе, что до конца недели полетов у меня больше нет, я поехал в своем «фольксвагене» на медосмотр, проводившийся два раза в год доктором Райяном, который был глазным врачом, но служил у нас по всей медицине, продолжая на стороне ограниченную практику по специальности. Вот уже пять лет этот добродушный медлительный старик выслушивал мое сердце, измерял кровяное давление, проверял зрение и мышечные рефлексы. За исключением того случая, когда я заболел легким гриппом, ему не случалось прописывать мне что-либо, кроме аспирина. «В полной форме для скачек. Годен брать призы», — каждый раз говорил он, заканчивая осмотр. Он разделял мой интерес к скаковым лошадям и даже однажды приехал ко мне домой, чтобы рассказать об одной удивительной лошади, которая, по его мнению, добьется огромных успехов на скачках. Осмотр на этот раз проходил обычным порядком, и доктор одобрительно кивал на каждой стадии проверки. Однако все изменилось, когда он начал проверять мое зрение. Буквы на таблицах я читал бегло, но когда он с помощью лупы стал исследовать мои глаза, лицо у него вытянулось. Он дважды досадливо отмахнулся от медсестры, которая напоминала ему, что в приемной ожидают вызванные им пациенты, и подверг меня целой серии испытаний, чего прежде никогда не делал. Наконец, убрав свои инструменты, он тяжело уселся за стол и устало потер лоб и глаза.— Мистер Граймс, боюсь,

что у меня плохие новости для вас. То, что он затем сообщил мне в этот ясный солнечный день в своем большом старомодном кабинете, в корне изменило всю мою последующую жизнь.— У вас заболевание глаз,— сказал доктор Райян,— которое называется ретиношизис. При этой болезни происходит расслоение сетчатой оболочки глаза и образуется киста. Течение болезни хорошо известно. В большинстве случаев она не прогрессирует, но ее последствия необратимы. Иногда мы пытаемся задержать ее развитие путем операции с применением лазерного луча. Однако существенное последствие этой болезни — ограничение периферийного видения. В вашем случае — нисходящего видения. Такая ограниченность зрения, увы, весьма важный недостаток для летчика, который должен всегда иметь полный обзор, следить за приборами, а также наблюдать за горизонтом. В остальном же вы можете считать себя вполне нормальным человеком. Сможете читать, писать, заниматься спортом и прочее.— Нормальным?! — вскричал я.— Какой же я нормальный, доктор, если не смогу летать? Для этого я учился, в этом вся моя жизнь.— Свое заключение, мистер Граймс, я с величайшим сожалением должен представить сегодня же. Вы, конечно, можете обратиться и к другим врачам, но, по моему мнению, это вряд ли что изменит. Я же обязан заявить, что с сегодняшнего дня летная работа вам противопоказана. Я выскочил из кабинета врача, не пожав ему руки, исступленно повторяя: «Проклятье, проклятье!» Люди, ожидавшие в приемной, и те, кто повстречался мне на улице, с удивлением глядели мне вслед, когда, продолжая громко браниться, я завернул в ближайший бар. Я чувствовал, что не смогу вернуться на летное поле и рассказать то, что случилось со мной, если основательно не подкреплюсь. Бар был обставлен наподобие английского паба. Стойка из темного дерева и на полках по стенам высокие оловянные кружки. Худой старик в куртке цвета хаки и в красном охотничьем кепи стоял у стойки с кружкой пива.— Они и у нас отравили все озеро,— громко произнес старик с жестким вермонтским акцентом.— Отходы бумажной фабрики. Через пять лет наше озеро станет таким же мертвым, как и озеро Эри. Дороги они посыпают солью, чтобы идиоты из Нью-Йорка могли как сумасшедшие мчаться на лыжные курорты,— продолжал старик.— А когда снег тает, всю соль уносит в озера, пруды и реки. Скоро во всем штате нигде не останется рыбы. И никому до этого нет дела. Так что я даже рад, что не доживу до этого всеобщего похабства. Я выпил еще виски. Первая рюмка, как видно, не подействовала на меня. Впрочем, и вторая — тоже. Расплатившись, я вышел из бара. Мне вспомнилось озеро Шамплейн, где мальчиком я провел много чудесных летних дней на парусной лодке за ловлей рыбы. Мысль о том, что и оно умрет, была печальной и показалась даже печальнее всего,

что случалось со мной в жизни. Когда я вошел к Каннингему, бывалому летчику-истребителю времен второй мировой войны, а ныне президенту и единоличному владельцу нашей маленькой авиалинии, то по его лицу догадался, что доктор Райян уже звонил ему.— П-проходил п-проверку, Фредди, — сказал я.— Да, знаю. Очень жаль, — он смущенно повертел в пальцах карандаш. — Но мы обязательно найдем какое-нибудь место у нас. В конторе, например. Или, может, на обслуживании самолетов. — Голос его пресекся, и он молча уставился на карандаш, сжав его в своей большой руке.— Спасибо, Фредди, но я уйду. Это я уже твердо решил, так как не хотел быть хромой птицей на летном поле и тоскливо глядеть, как мои товарищи взмывают в воздух. И не хотел, чтобы на меня глядели с жалостью, которую я видел сейчас на честном лице Фредди Каннингема и увижу на лицах других товарищей.— Все же. Дуг, подумай, — предложил Каннингем.— Н-нет, я уже решил.— Что же думаешь делать?— Прежде всего уехать из города.— Куда?— Куда-нибудь.— А затем?— Попытаюсь присмотреться, чем мне еще заняться в жизни. Произнося «в жизни», я дважды заикнулся. Каннингем кивнул, избегая встречаться со мной взглядом и по-прежнему уставясь на карандаш в руке.— Как у тебя с монетой?— На первое время хватит.— Так помни, если что не так, тебе есть куда прийти.— Буду помнить. А сейчас мне пора, — сказал я, взглянув на часы.— У меня свидание.— Ишь ты! — со смехом воскликнул Каннингем, встал и крепко пожал мне руку. Больше я ни с кем не простился. Поставив свою машину на стоянке, я вышел и стал ждать. Из большого кирпичного здания с развевающимся флагом на фронте и латинской надписью по фасаду доносился нестройный приглушенный шум, такой знакомый и живо напоминавший о собственных школьных годах. Пэт, наверно, сейчас на уроке. Рассказывает о Гражданской войне Севера и Юга Америки или о престолонаследии английских королей. Она весьма серьезно относится к преподаванию истории. «Это наиболее релевантный предмет», — однажды сказала она мне, употребив модное в те дни среди педагогов слово, которым они обозначали уместность. «Все, что происходит сегодня, — пояснила она, — это следствие того, что происходило в прошлом». Вспомнив эти ее слова, я криво усмехнулся. Итак, значит, тем, что я родился заикой и вырос, чтобы стать забракованным летчиком, я был обязан Миду, разгромившему при Геттисберге генерала Ли, либо же Кромвелю, который обезглавил короля Карла I? Пожалуй, Пэт позабавится, когда мы обсудим это на досуге. В школе прозвенел звонок. Сдержанный академический гул превратился в счастливый рев по случаю долгожданной свободы, и несколько мгновений спустя нестройная орда учеников в ярких цветастых парках и шерстяных шапочках высыпала из всех дверей. Как обычно, Пэт вышла одной из последних. Она была

чрезвычайно добросовестной учительницей, и обыкновенно двое или трое учеников окружали ее у стола после урока, задавая вопросы, на которые она обстоятельно и терпеливо отвечала. Когда я наконец увидел ее, лужайка перед школой уже опустела, сотни детей исчезли, словно растаяли в лучах всегда бледного зимнего солнца в близком моему сердцу штате Вермонт. Вначале Пэт не заметила меня. Она была близорука, но из смешной суетности не носила очки, а надевала их лишь при чтении или в кино. В ходу у меня была шутка, что она даже рояля в комнате не заметит. Я стоял прислонившись к дереву и молча следил, как она, все еще не замечая меня, приближается ко мне, прижимая к груди папку со школьными тетрадами. Она была в коротком голубом пальто, красных шерстяных чулках и замшевых лыжных ботинках. Шла она, по своему обыкновению, быстрым шагом, сосредоточенно глядя перед собой. Ее головка с темными волосами, собранными в узел на затылке, была наполовину скрыта большим поднятым воротником пальто. Увидев наконец меня, она улыбнулась, но не отчужденно, а приветливо. Объяснение, следовательно, предстояло более трудное, чем я ожидал. Мы не поцеловались. Всегда надо было считаться с тем, что кто-нибудь увидит из окна школы.— Ты вовремя. Мои вещи там, — махнула она рукой по направлению к стоянке, где примостилась ее старенькая обшарпанная машина. Добрая часть ее жалованья уходила на взносы помощи беженцам из Биафры, голодающим индийским детям, политзаключенным в разных частях света. Дома у нее было, вероятно, не больше трех платьев.— Говорят, что лыжня сегодня очень хороша. Походим на славу, — продолжала она, поворачиваясь, чтобы идти к стоянке. Я удержал ее за руку.— П-погоди м-минутку, — с трудом выговорил я, не обращая внимания на то, что она слегка покривилась от моего заикания. — Мне нужно что-то с-сказать тебе. Я н-не п-поеду.— О! — с некоторым удивлением негромко воскликнула она. — А я думала, что ты свободен.— Я с-свободен и н-не п-пойду на лыжах. Я у-уезжаю.— На субботу и воскресенье?— С-совсем. Она прищурилась, словно внезапно потеряла меня из виду:— И тебе больше нечего сказать мне?— Н-ничего.— Ах, нечего, — резко отозвалась она. — Может, все же сообщишь, куда уезжаешь?— Еще с-сам н-не знаю.— И не соизволишь объяснить, почему?— С-скоро с-сама узнаешь.— Если у тебя несчастье, — тон у нее смягчился, — и я могу помочь...— П-помочь н-не с-сможешь.— Будешь писать мне?— П-постараюсь. Она поцеловала меня, не боясь, что могут увидеть из окон школы. И никаких слез. И ни слова любви. А ведь все могло быть иначе, если бы она сказала, что я дорог ей, что она любит меня.— У меня скопилось много непроверенных работ. А снег еще долго пролежит. — Кивнув мне, она криво улыбнулась. — Желаю удачи везде и во всем. Я проводил ее взглядом, когда она зашагала к стоянке.

Маленькая, скромная, прежде такая близкая. Потом я сел в свою машину и, захлопнув дверцу, уехал. В этот же день в шесть часов вечера я покинул свою просто обставленную квартиру, оставив в ней лыжное снаряжение и ботинки, только подбитую мехом парку я уложил в туристский мешок, чтобы передать брату Пэт, который был примерно одного роста со мной. Хозяйке я сказал, чтобы она взяла себе мои книги и все, что осталось после меня в квартире. Я решил уехать на юг налегке, покинув город, где, как теперь понял, прожил счастливо более пяти лет. У меня не было определенной цели. Я собирался, как и сказал Фредди Каннингему, присмотреться, чем мне дальше заняться в жизни, и было все равно, где начинать.³

Рассчитать свою дальнейшую жизнь... Времени для этого у меня было сколько угодно. Сидя за рулем своей маленькой машины, мчавшейся на юг вдоль всего Восточного побережья Америки, я был предоставлен самому себе. По широким автострадам я уже миновал Вашингтон, Ричмонд, Саванну. Ничто не привлекало моего внимания, я находился в том состоянии полного одиночества, что погружает в философские размышления. Я думал о своих отношениях с Пэт и о многом другом в прожитой жизни. Из английской литературы я вынес, по крайней мере, тот взгляд на жизнь и отношения людей, что твой характер — это твоя судьба, а твои успехи и неудачи — следствие твоих достоинств и недостатков. Однако теперь я уже не был в этом уверен. Я, конечно, не считал себя безупречным человеком, но, однако, был хорошим сыном, верным другом, добросовестным работником. Я не был жестоким, не нарушал законов, не соблазнял женщин, никогда не дрался, если не считать потасовок на школьном дворе. И все же... все же пришел к печальному концу в кабинете доктора Райяна. Судьба человека — его характер. Но разве от этого зависела судьба тридцати миллионов европейцев, погибших во второй мировой войне, или тех, кто от голода падал замертво на улицах Калькутты, или тех жителей древней Помпеи, которые были заживо сожжены огненной лавой? Господствует случайность. Бросишь ли игральные кости, откроешь ли карту. Впредь следует, подобно игроку, полагаться лишь на свою удачу. Быть может, у меня — характер игрока, судьба теперь подтолкнула меня, и я сумею найти новый путь в жизни. Приехав во Флориду, я стал проводить дни на скачках. Вначале все шло хорошо. Я выигрывал достаточно часто, чтобы жить припеваючи и не думать пока о работе. Никто ее, кстати, мне не предлагал, да я и сам не знал, за что именно взяться. Жил я сам по себе, не заводил

друзей, не сближался с женщинами. С некоторым удивлением я обнаружил, что у меня, по существу, нет никаких желаний. Меня не занимало, надолго ли это. Просто сейчас я не хотел никакого общения, никаких привязанностей. С горьким наслаждением я ушел в себя, довольствуясь тем, что залитые солнцем длинные дни коротал на скачках, ел и пил в одиночестве, а вечерами изучал породу и чистоту кровей скакунов да повадки жокеев и тренеров. У меня оставалось много времени для чтения (доктор Райян заверил меня, что это не отразится на моем зрении), и я без разбору проглатывал массу дешевых книг в бумажных обложках, не находя, впрочем, в них ни пользы, ни вреда. Я жил в маленьких отелях, переезжая из одного в другой, как только соседи становились чересчур навязчивыми. Когда окончился сезон скачек во Флориде, оказалось, что я выиграл несколько тысяч долларов, с которыми и прибыл в Нью-Йорк. Там я не стал ходить на ипподром — мне это уже наскучило — а продолжал играть через букмекеров. В то же время я часто бывал в театрах и кино, уходя на несколько часов в ирреальный мир. Нью-Йорк вполне подходит для человека, который предпочитает одиночество. Самый удобный в этом смысле город, где без всяких усилий сразу почувствуешь себя одиноким и никому не нужным. Однако в Нью-Йорке счастье изменило мне, и в начале зимы, чтобы как-то прожить, мне уже надо было искать работу. И тут как раз подвернулось место ночного портье в отеле «Святой Августин». Было три часа ночи, когда я подытожил последние счета от 15 января. Почувствовав голод, я потянулся за сэндвичем и бутылкой пива и в это время услышал шаги женщины, быстро спускавшейся по лестнице. Включив свет в вестибюле, я увидел, как женщина торопливо, почти бегом, устремилась к моей конторке. Она выглядела неестественно высокой в туфлях на толстых подошвах и огромных каблуках. На ней была белесая шуба из искусственного меха и блондинистый парик, который никого не мог бы ввести в заблуждение. Я узнал в ней ту шлюху, которая вскоре после полуночи пришла с мужчиной из 610-го номера. Шел четвертый час ночи; ее пребывание в номере слишком уж затянулось, что и было заметно по ней. Она подбежала к запертой парадной двери, тщетно надавила кнопку испорченного звонка, а потом кинулась к моей конторке. Постучав в пуленепробиваемое стекло, она громко крикнула:— Откройте дверь. Я уйду. Достав ключ из ящика стола, где держал и пистолет, я вышел из своей конторки в примыкавшую клетушку, уставленную сейфами. Еще в ней громоздился допотопный несгораемый шкаф исполинских размеров. Шкаф и сейфы остались от прежних дней — я же упоминал, что отель знавал лучшие времена. Теперь хранить сокровища было некому, и сейфы пылились за ненадобностью. Я отомкнул дверь каморки и вышел в вестибюль. Женщина последовала за мной. Дышала она тяжело. Ее

профессия была явно неспортивной и не могла научить ее быстро бегать по лестницам среди ночи. На вид ей было лет тридцать, но, едва взглянув на нее, вы сразу бы заметили, что жизнь у нее не из легких. Вот такие женщины, шмыгавшие по ночам в отель, были для меня веским доводом в пользу безбрачия.— Почему вы не спустились в лифте?— Вызвала его, но тут какой-то чокнутый голый старик выскочил из номера и кинулся ко мне. Он дико хрипел и замахивался на меня.— Чем з-замахивался?— Не могла понять. Не то палкой, не то, может, бейсбольной битой. Вы же, ублюдки, экономите на освещении, и в коридорах почти совсем темно. — Голос у нее был хриплым от виски. — Я не стала ждать, чем это кончится, и убежала. Если вам нужно, найдете его на шестом этаже. Откроете вы наконец эту проклятую дверь? Я хочу домой. Я отпер большие зеркальные двери, усиленные чугуновой решеткой (хозяин нашего отеля был человек предусмотрительный). Женщина нетерпеливо толкнула их и выскочила на темную улицу. Я постоял немного в дверях в надежде увидеть патрульную полицейскую машину и попросить полисмена сходить вместе со мной на шестой этаж, поскольку платы за героизм мне не полагалось. Однако улица была пустынна, и лишь вдалеке, на Парк-авеню, слышался звук сирены. Заперев двери, я не спеша побрел к себе в конторку, с грустью размышляя о том, что мне, как видно, суждено провести остаток дней своих, впуская и выпуская шлюх по ночам. Хвалите Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе. Положив обратно ключ, я поглядел на пистолет, но решил не брать его. Он не помог моему предшественнику, когда как-то ночью двое наркоманов, ограбив кассу, избили его и оставили лежать в луже крови с пробитой головой. Надев пиджак, дабы выглядеть посolidней, я собрался на шестой этаж. У лифта в нерешительности остановился, подумав, что, быть может, плюнуть на все, вернуться в конторку, забрать пальто, сэндвич и пиво и убраться подобру-поздорову. На кой черт мне такая работа? Но в самый последний миг, когда двери лифта уже начали закрываться, я ступил в кабину. На шестом этаже я нажал кнопку, чтобы двери лифта оставались открытыми, и осторожно вышел в коридор. Из приоткрытой двери 602-го номера, который находился наискосок от лифта, падала полоса света. На потертом ковре коридора ничком лежал голый мужчина. Голова и спина его были в тени, а сморщенные старческие ягодицы и исхудалые ноги на самом свету. Левая рука была вытянута, пальцы скрючены, словно, падая, он пытался что-то схватить. Правую руку он подогнул под себя. Наклонившись к нему, чтобы повернуть его, я понял, что уже никто и ничто ему не поможет. Тело этого грузного человека с большим отвисшим животом было очень тяжелым, я с трудом повернул его на спину. И тут я увидел то, чем он, по словам шлюхи, замахивался на нее. То был тубус — большой продолговатый футляр для чертежей. Его-то

в полутьме шлюха и приняла за палку. Человек еще сжимал его в правой руке. Я бы и сам испугался, если бы в полутемном коридоре на меня вдруг бросился голый мужчина, замахиваясь каким-то большим предметом. Когда я взглянул на лицо мертвеца, мурашки побежали у меня по спине. Его широко открытые глаза неподвижно уставились в пространство, рот искривился и застыл в последней мучительной гримасе, с плешивого черепа клочьями свисали седые волосы. Не было ни крови, ни следив какого-либо ранения. Толстое круглое лицо старика с большим мясистым носом было мне совершенно незнакомо. Борясь с тошнотой, подступившей к горлу, я опустился на одно колено и приник ухом к груди старика. Грудь у него была, как у старой женщины, почти безволосая. В нос мне ударил кисловатый запах старческого пота. Никаких признаков жизни. «Господи, старик, — подумал я, — неужто ты не мог умереть не в мое дежурство?» Я нагнулся, схватил безжизненное тело под мышки и затащил его обратно в номер. У меня уже был достаточный опыт службы в отеле, чтобы знать, что мертвеца нельзя оставлять лежать в коридоре, а надо поскорей все скрыть от других постояльцев. Когда я тащил мертвеца, футляр выкатился из-под него и остался в коридоре. Я оставил тело на полу рядом с кроватью, на которой в беспорядке разбросаны были смятые простыни и одеяла. Простыни и подушки были перепачканы губной помадой. Должно быть, той дамочки, которую я выпустил около часа ночи. С некоторой жалостью я посмотрел на немощное старческое тело, распростершееся на линялом ковре, на жалкую стариковскую плоть. Надо же так — последнее наслаждение. И сразу за ним — смерть. На столике возле кровати стоял открытый чемоданчик из дорогой кожи. Рядом лежал потертый бумажник и кошелек с золотым тиснением. В чемодане я разглядел три аккуратно сложенные чистые рубашки. На столике была разбросана кое-какая мелочь. Я сосчитал деньги в кошельке. Сорок три доллара. Положив кошелек на место, я взял в руки бумажник. Обнаружив в нем десять новехоньких хрустящих стодолларовых купюр, я присвистнул от удивления. Что бы тут ни произошло ночью; старик не был ограблен. Сунув деньги обратно в бумажник, я аккуратно положил его на то же место на столике. Я знал заповедь «не укради» и соблюдал ее. Как, впрочем, и многие другие. Я снова кинул взгляд на открытый чемодан. Помимо рубашек, в нем были две пары мужских трусов старого образца, полосатый галстук, две пары носков и синяя пижама. Да, теперь постоялец номера 602, кто бы он ни был, задержится в Нью-Йорке дольше, чем собирался. Вид мертвого тела угнетал меня, и потому я стащил с кровати одно из одеял и накрыл его с головой. Стало как-то легче, когда смерть обрела только геометрические очертания тела, лежащего на полу. Затем я вышел в коридор и подобрал футляр. На нем не было никаких ярлыков или

надписей. Когда я внес его в номер, то заметил, что он с одного края немного надорван. Я было собрался сунуть этот футляр к другим вещам, как вдруг мне бросился в глаза торчащий в надорванном месте зеленый уголок банкноты. Я вытащил ее, и это оказалась стодолларовая бумажка. В отличие от новеньких денег в бумажнике, эта была старой и измятой. Внимательно осмотрев футляр, я увидел, что он туго набит стодолларовыми купюрами. Придя в себя от удивления, я засунул обратно сотенную бумажку и тщательно закрыл надорванный край футляра. Сунув футляр под мышку, я выключил свет в номере и запер его. Все мои движения были быстры и уверенны, как у хорошо отрегулированного автомата, словно я всю жизнь готовился к такому случаю и ничего иного тут и быть не могло. Я вернулся к себе и прошел в маленькую, глухую, без окон, комнатку, примыкавшую к моей конторке. В ней полки были завалены канцелярскими принадлежностями, старыми счетами, потрепанными журналами прошлых лет, забытыми в номерах. Они пестрели фотографиями ушедших в небытие политиканов, голых девочек (их теперь, увы, уже не стоило снимать), ослепительно притягательных женщин, убийц с моноклями, кинозвезд, тщательно позирующих писателей — словом, обычное месиво прошлой и современной Америки. Не колеблясь, засунул я чертежный футляр с деньгами в этот ворох скандалов, сплетен и восторгов. Потом я вызвал по телефону «скорую помощь» и уселся за стол, занявшись сэндвичем и бутылкой пива. За едой я отыскал запись в книге регистрации приезжающих, указавшую, что 602-й номер занял за день до этого Джон Феррис, домашний адрес: Чикаго, Северное Мичиганское авеню. Едва только я допил пиво, как услышал звонок и увидел снаружи машину «скорой помощи» и вышедших из нее двоих мужчин. Один был в белом халате со свернутыми носилками в руках; другой, в синей форме, нес черную сумку, однако я знал, что и он не был врачом. В Манхэттене^[2] не тратились на врачей, а посылали по вызовам «скорой помощи» санитаров, которые могли оказать на месте первую помощь, не доконав пациента. Когда я открыл входную дверь, подъехала патрульная полицейская машина, из которой вылез коренастый полисмен с тяжелым подбородком и темными, нездоровыми кругами под глазами. — Что у вас тут случилось? — спросил он. — На шестом этаже старик загнулся, — ответил я. — Пройду с ними, Дэйв, — сказал полисмен своему напарнику, сидевшему за рулем. Было слышно, как у них в машине служебное радио передавало сообщения о несчастных случаях, избиениях жен, самоубийствах и названия улиц, где были замечены подозрительные личности. Я повел их как ни в чем не бывало. Молодой санитар поминутно зевал, словно не спал неделю. Я заметил, что работающие ночью выглядят так, будто несут наказание за какой-то тяжкий неведомый грех. Тяжелые

шаги полисмена гулко отдавались в пустом вестибюле, впечатление было такое, что он шествовал один. Все молчали, поднимаясь в лифте, который наполнился специфическим больничным запахом. Бог с ним, с запахом, подумалось мне, а вот полисмена лучше бы не было. Когда мы поднялись на шестой этаж, я провел их в 602-й номер. Санитар сдернул одеяло с мертвеца и наклонился к нему, приложив к его груди стетоскоп. Полисмен остановился у кровати, внимательно разглядывая смятые простыни со следами губной помады, одеяла и вещи на столике.— А вы здесь кем? — спросил он меня.— Ночной портье.— Ваша фамилия? Полисмен задавал вопросы таким тоном, словно заранее был уверен, что любое имя, которое я назову, будет липовым. Интересно, что бы он сделал, если бы я ответил: «Меня зовут Озиманидиас. Царь царей». Возможно, вынул бы свою черную записную книжку и записал: «Свидетель назвался Озиманидиасом. Вероятно, кличка». Это, конечно, был настоящий ночной полицейский, обреченный бродить в темноте по городу, кишачему преступниками.— Моя фамилия Граймс.— А где женщина, что была здесь с ним?— Понятия не имею. Я выпустил одну этой ночью. Может быть, это она и была.— Про себя я удивился, что говорю совершенно не заикаясь. Санитар поднялся, вынул из ушей резиновые трубки стетоскопа и без всякого выражения произнес:— Обнаружен мертвым. Это я мог сказать и без него. Вообще меня удивило, как много в большом городе формальностей, связанных со смертью.— Причина смерти? Ранения есть?— Нет. Наверно, отказало сердце.— Что-нибудь еще надо сделать?— Ничего. Теперь уже все, — ответил санитар. Однако он снова наклонился, оттянул веко и взгляделся в остекленевший глаз мертвеца. Затем пощупал пульс у горла. Движения его были ловкими и умелыми.— Вы, видно, знаете, как обращаться с мертвецами, дружок, — заметил я.— Должно быть, большая практика.— Второй год на медицинском. А этим занимаюсь, только чтоб прокормиться. Полисмен подошел к столику и взял в руки кошелек.— Здесь сорок три доллара, — сказал он и открыл бумажник. Его густые брови удивленно поднялись, когда, вытащив деньги, он, шелестя бумажками, сосчитал их.— Ого, тысяча.— Вот те на! — громко изумился я. Это был неплохой ход с моей стороны, хотя по тому, как полисмен взглянул на меня, я заключил; что мое удивленное восклицание не произвело на него впечатления.— Сколько тут было денег, когда вы обнаружили труп? — спросил он. Его вопрос звучал весьма недружелюбно. Возможно, в дневную смену он был другим человеком.— Не имею ни малейшего представления, — твердо ответил я. То, что я не заикался, было подлинным триумфом.— Вы хотите сказать, что не посмотрели...— Совершенно верно.— Та-ак. А почему?— Как почему? — с

невинным видом переспросил я.— Почему не посмотрели?— Мне это в голову не пришло.— Та-ак, — снова повторил полисмен и опять пересчитал деньги. — Одни сотенные. Странно, что человек с такими деньгами при себе не мог найти лучшего места, чем ваш задрипанный отель. — Положив деньги обратно в бумажник, он прибавил: — Полагаю, лучше забрать их в участок. Кто-нибудь желает пересчитать?— Мы вам доверяем, — сказал санитар с едва уловимой иронией в голосе. Санитар был молод, но уже искушен и в смертных случаях, и в житейских делах. Толстыми, похожими на обрубки пальцами полисмен обшарил остальные отделения бумажника.— Странно, — пожал он плечами.— Что странно? — поинтересовался санитар.— В бумажнике нет ни кредитных, ни служебных карточек. Нет даже водительских прав. И это у человека, который носит при себе более тысячи долларов наличными. — Недоуменно покачав головой, полисмен сдвинул фуражку на затылок. — Нормальным это не назовешь, не так ли? — недовольно произнес он, словно мертвец вел себя не так, как положено американцу, который должен знать, что и после смерти, как и при жизни, о нем будет бдительно заботиться полиция. — Вы знаете, кто он такой? — обратился он ко мне.— Никогда прежде в глаза не видал, — отвечал я. — Он из Чикаго, фамилия его Феррис. Я покажу вам запись в книге регистрации приезжающих. Полисмен положил бумажник к себе в карман, быстро осмотрел рубашки, носки и белье покойного. Затем открыл стенной шкаф и обыскал карманы висевших там пальто и костюма.— Ничего, — буркнул он. — Ни записной книжки, ни писем. Совершенно ничего. И это у человека с плохим сердцем. У иных людей, как видно, здравого смысла не больше, чем у лошади. Итак, приступаю к описи вещей в присутствии свидетелей. Составление описи не отняло у него много времени.— Вот здесь подпишитесь, — указал он мне. Я бегло пробежал взглядом по списку («Одна тысяча сорок три доллара наличными, чемодан коричневый один, не запертый, костюм один, пальто серое одно, шляпа одна...») и расписался вслед за полисменом.— Кто набросил на него одеяло? — спросил затем полисмен.— Я набросил.— Вы нашли его здесь на полу?— Нет, он лежал в коридоре.— Голый, как и сейчас?— Да, голый. И я втащил его сюда.— Для чего вам это понадобилось? — как-то сокрушенно спросил полисмен. По лицу его было видно, что он силится понять.— Здесь же отель, — пояснил я. — Мы должны соблюдать порядок. Делать вид, что ничего не произошло.— Вы что, хотите быть умнее всех? — проворчал полисмен.— Вовсе нет. Но если бы я оставил покойника лежать в коридоре и кто-нибудь из наших постояльцев увидел его, то хозяин сжил бы меня со свету.— В следующий раз, где бы вы ни нашли мертвое тело, не трогайте его до прибытия полиции. Поняли?— Да, сэр.— Ночью вы один в

отеле?— Да, один.— Всю работу делаете сами?— Конечно.— Как случилось, что вы очутились здесь? Вам позвонили по телефону или кто-нибудь пришел и сообщил?— Женщина, уходившая из отеля, сказала мне, что на шестом этаже какой-то голый сумасшедший старик пристал к ней, — словно прислушиваясь со стороны, я отметил, что, отвечая полисмену, ни разу не заикнулся.— Хотел, что ли, переспать с ней?— Именно это она и подразумевала.— Что это была за женщина?— Должно быть, проститутка.— Вы когда-либо прежде видели ее?— Нет.— К вам в отель приходит много женщин, не так ли?— Я бы не сказал, что так уж много. Полисмен опустил голову и уставился на посиневшее искажившееся лицо старика. Потом обратился к санитару:— Послушайте, приятель, как давно он умер, по-вашему?— Трудно сказать. Что-нибудь от десяти минут до получаса. Вы вызвали нас сразу, как только нашли тело? — спросил у меня санитар. — Ваш вызов поступил в три пятнадцать.— Сперва я послушал, бьется ли у него сердце. Потом втащил сюда, накрыл одеялом. После этого спустился вниз и позвонил вам.— Вы пытались привести его в чувство?— Нет, не пытался.— Почему? В вопросе санитара не было придирки. Был очень поздний час, он, конечно, устал и спросил лишь для проформы.— Мне не пришло в голову.— Уж очень многое не приходило вам в голову, — мрачно заметил полисмен. Подобно санитару, он также вел себя по установленному распорядку, в который входило и подозрение. Однако, по существу, все это было ему безразлично и даже, казалось, давно надоело.— Что ж, давайте мы заберем его, — предложил санитар. — Нет смысла зря терять время. Когда свяжетесь с его семьей, — снова обратился он ко мне, — узнайте, как они собираются хоронить его, и сообщите в морг.— Сейчас же отправлю телеграмму в Чикаго, — пообещал я. Санитар и шофер «скорой помощи» уложили тело на носилки.— Тяжеленный, сукин сын, — заметил шофер. — Жрал, видно, в три горла, старый козел. Ишь ты, голым приставал к бабенке. И хоть бы было чем! Завернув труп в простыню, они пристегнули его ремнями к носилкам. В лифте носилки пришлось поставить почти стоймя, иначе они не помещались.— Беспокойная была ночь? — спросил я санитара, когда мы спускались в лифте.— Четвертый вызов, — ответил он. — Могу поменяться с вами работой.— Ну да, охота вам просиживать ночи напролет за счетной машинкой, когда скоро вы начнете загребать денежки. В газетах вон пишут, что врачи у нас зарабатывают больше всех.— Боже, услышь это и благослови Америку, — воскликнул санитар, выходя из лифта. Я открыл им парадную дверь и глядел, как ловко они поставили носилки с телом в санитарную машину. В патрульной машине второй полисмен крепко спал за рулем, негромко посапывая. Завыла сирена, и «скорая помощь» быстро

скрылась из виду.— Какого черта они торопятся? — сказал полисмен, стоявший рядом со мной на ступеньках.— А напарник-то ваш заснул.— Проснется, если будет вызов. Чутье у него, как у собаки. Пусть пока отдохнет. Хотел бы я иметь его нервы, — со вздохом добавил он. — Пойдемте заглянем в вашу книгу регистрации приезжающих. Мы вернулись в мою конторку. Проходя через смежную комнатку, я старался не глядеть на полку, где среди канцелярских принадлежностей и старых журналов лежал принесенный мной футляр.— Если хотите выпить, у меня есть бутылка виски, — предложил я, радуясь про себя тому, что пока все идет благополучно. Мной словно управлял компьютер, в который правильно заложили все необходимые данные. Но все же требовалось некоторое усилие, чтобы не глядеть на полку, где лежал футляр.— Я же на службе, — протянул полисмен. — Но глоточек все же не повредит. Я отыскал в книге регистрации приезжающих запись о въезде постояльца в 602-й номер, и полисмен старательно переписал ее в свою записную книжку. История Нью-Йорка, по-видимому, наиболее верно отражена в записях этих полицейских книжек. Считите это, пожалуйста, интересным археологическим открытием.— Стакана, извините, нет, — заметил я, откупоривая бутылку виски.— Ничего, из горлышка сойдет, — сказал полисмен. — Лехаим, — добавил он, приветственно приподнял бутылку и основательно отхлебнул из нее.— Вы еврей? — полюбопытствовал я, когда полисмен протянул бутылку мне.— Нет. Напарник научил. А он еврей. «Лехаим». За жизнь! Это я помнил с тех пор, как посмотрел на Бродвее знаменитый мюзикл «Скрипач на крыше».— Пожалуй, последую-ка я вашему примеру, — произнес я, поднося бутылку ко рту. — Эта ночь мне еще долго сниться будет.— Ну, эта ночь — пустяки. Нам часто и похуже приходится.— Да уж, представляю себе.— Однако пора идти, — сказал полисмен. — Утром к вам пожалует инспектор. Чтоб до его прихода номер был заперт, понятно?— Передам утром моему сменщику.— Эх, ночная работа, — вздохнул полисмен. — Вы хорошо спите днем?— Прекрасно.— А вот я не могу, — он печально покачал головой. — Видите, какие круги под глазами. Я проводил его к выходу и следил, как не спеша, вразвалку подошел он к патрульной машине, вскарабкался в нее и разбудил напарника. Они медленно покатали по молчаливой пустынной улице, а я поспешил к себе, чтобы отправить телеграмму. Прозвучало по меньшей мере десять гудков, пока мне ответили. Страна в полном упадке, подумал я, ожидая. Никакого движения, никто не отвечает.— Вестерн юнион, — наконец послышалось в трубке.— Примите телеграмму в Чикаго, — сказал я, затем продиктовал адрес и по буквам фамилию адресата.— Прошу текст.— Сожалением извещаем кончине Джона Ферриса сегодня тринадцать тчк Прошу немедленно сообщить ваши указания тчк Друзек

отель Святой Августин Манхэттен Нью-Йорк, — продиктовал я. К тому времени, когда придет ответ, Друзек уже появится в отеле, а мое дело сторона. И вовсе ни к чему, чтобы в Чикаго знали мое имя. Мне сообщили стоимость телеграммы, и я пометил ее на листке с текстом. Старина Друзек поставит ее, конечно, в счет Феррису. Глотнув еще виски, я уселся во вращающемся кресле и раскрыл Библию. За ней я решил провести время до прихода моего сменщика.⁴

Рассказав утром сменщику обо всем (или, точнее, почти обо всем), что случилось прошедшей ночью, я поехал домой на такси. Как обычно, оставил в конверте записку букмекеру, в которой указывалось, что ставлю пять долларов на Глорию во втором заезде в Хайалиа. Пока что было бы разумно вести себя так, как будто ничего не случилось. Ограбления, причем в любое время суток, отнюдь не были редкостью даже в районе Восьмидесятых улиц восточной части Манхэттена, где я жил. Ехать в такси было, конечно, роскошью, но уж больно мне не хотелось, чтобы меня грабанили именно сегодня. Улучив минутку, когда сменщик был занят, я достал с полки футляр. В вестибюле, никого не было, да если бы кто и встретился, — ничего нет особенного в том; что человек несет с собой картонный футляр для чертежей. Хотя я не спал всю ночь голова была ясная. Обычно, когда погода, позволяла, весь путь до дома (тридцать кварталов или чуть больше) я преодолевал пешком, заходил позавтракать в бистро на Второй авеню и, возвратясь домой, заваливался спать часов до двух пополудни. Но сегодня я не хотел да и не мог заснуть. Войдя в свою однокомнатную квартирку — окна в ней запотели от ночного холода, — я, даже не сняв пальто, прошел на кухню и открыл бутылку пива. Потягивая пиво, ножом разрезал футляр и окончательно убедился, что сверху донизу он набит стодолларовыми бумажками. Одну за другой я осторожно вытаскивал их, тщательно разглаживал и раскладывал на кухонном столе пачками по десять штук в каждой. Когда я кончил, на столе лежало сто пачек. Сто тысяч долларов. Они покрыли весь стол. Молча уставился я на деньги, лежащие на столе. Допил пиво. Я не ощущал ни страха, ни радости, ни раскаяния — вообще ничего. Машинально взглянул на часы. Без двадцати девять. Банки откроются через двадцать минут. Достав из стенного шкафа небольшую сумку, я уложил в нее все деньги. Ключ от квартиры был лишь у меня одного, но тем не менее не следовало рисковать. С сумкой в руках я спустился вниз и вышел на улицу. За углом в магазине канцелярских принадлежностей купил пакет резинок и три плотных больших конверта, самых больших, что были в

магазине. Вернувшись обратно к себе, я запер дверь и на этот раз снял пальто и пиджак. Затем уселся и не торопясь, аккуратно обвязав резинкой каждую пачку денег, складывал их в конверты. Тысячу долларов положил к себе в бумажник на всякие расходы. Запечатывая конверты, я морщился от вкуса клея, когда облизывал края. Открыл еще бутылку пива и пил маленькими глотками, не сводя глаз с толстых конвертов на столе. Квартирку я снял полностью обставленной. Из моих вещей в ней были только книги. Да и тех немного. Обычно я выбрасывал книги по прочтении. Поскольку тепла в квартире никогда не хватало, мне приходилось, сидя за книгой, натягивать на себя подбитую мехом лыжную куртку. В это утро было, как всегда, прохладно, но, хотя я был в одной рубашке, мне было даже жарко. У меня уже созрело решение, что следует предпринять. Прежде всего уйти с работы, уехать из города. На дальнейшее пока не было никаких планов, но я понимал, что вскоре несомненно появится тот, кто ищет эти сто тысяч долларов. В банке на двух специальных карточках я начертал образец своей подписи. Рука у меня была совершенно твердой. Запечатанные конверты с деньгами лежали передо мной на столе, за которым я сидел. Принимал меня молодой, очень вежливый банковский клерк с бесполом лицом монаха. Беседа с ним была короткой и деловой. До этого я побрился и тщательно оделся. От прежних дней у меня остались два вполне приличных костюма, и я надел тот, что выглядел более строгим. Мне хотелось производить впечатление солидного человека, хотя, может, и небогатого (конечно же, небогатого), но скромно преуспевающего, осмотрительного, у которого могут быть облигации и другие денежные документы, слишком ценные, чтобы держать их у себя дома.— Пожалуйста, ваш адрес, мистер Граймс. Я назвал адрес отеля «Святой Августин». Если кто-нибудь, разыскивая меня, забредет в этот банк (а это весьма маловероятно), то ничего нового обо мне не узнает.— Вы один будете иметь доступ в сейф? Уж наверняка никого другого не нужно, подумал я, но вслух просто сказал:— Да, я один.— Оплата двадцать три доллара в год. Как вы желаете уплатить, наличными или чеком?— Наличными, — ответил я и протянул клерку сто долларов. На его лице ничего не отразилось. Очевидно, он считал, что я вполне похожу на клиента, который запросто носит с собой стодолларовые бумажки. Я счел это хорошим предзнаменованием. Благоговейно разгладив кредитку, клерк отправился в кассу. Я же непринужденно сидел у стола, кончиками пальцев притрагиваясь к своим конвертам. Как это ни удивительно, все это время я совсем не заикался. Мне вручили сдачу и квитанцию, и я последовал за клерком в банковский подвал. Там царил невозмутимая, почти набожная тишина, побуждавшая говорить шепотом. Цветные витражи в окнах были к месту в этом подвале, хранившем

легенды о способностях и талантах вкладчиков. Служитель подвала дал мне ключ от моего сейфа и повел в глубь молчаливого храма денег. Идя со своими конвертами в руках, я невольно спрашивал себя, откуда все эти богатства, как были собраны банкноты, акции, облигации, драгоценности, хранящиеся здесь в запертых ящиках, сколько было пролито пота и крови, сколько совершено преступлений, через сколько жадных рук прошли все эти ценности и деньги, чтобы залечь потом в этой священной стальной пещере. Я бросил взгляд на служителя, когда он своим и моим ключом отпер два разных замка и вытащил из гнезда мой ящик. То был старик с нездоровым, бледным от постоянного пребывания в стальном подземелье лицом. Он производил впечатление человека, безразличного ко всему и мало о чем размышляющего. По-видимому, сюда подбирали именно таких людей. Пытливый человек тут быстро сошел бы с ума. Не мешкая, служитель отвел меня в уютную кабинку с занавесками и, уважая тайну частной собственности, оставил наедине с моим ящиком. Я вскрыл конверты и переложил все деньги в ящик. Глядя на аккуратно уложенные пачки долларов, я тщетно пытался предугадать, к чему же в конце концов они меня приведут. У меня было такое ощущение, будто я гляжу на еще не включенную мощную машину, обладающую страшной силой. Я закрыл ящик, крышка его захлопнулась, тихонько лязгнув. Вместе со служителем мы прошли вдоль длинного ряда сейфов к тому месту, где он поставил в гнездо мой ящик, заперев его на два замка. Свой ключ я опустил в карман. — Благодарю вас, — сказал я тем тоном, каким благодарят вежливые полицейские. — Счастливо оставаться. — Хе-хе, — хрипло отозвался старик. У него, должно быть, с детских лет не было счастливого дня. Я вышел из подвала на залитый зимним солнцем проспект. Пока все хорошо, подумал я. Дома я быстро собрался, захватив с собой лишь самые необходимые вещи. В короткой записке известил хозяйку, что оставляю квартиру. Долгов за мной не было, квартирная плата вносилась за месяц вперед. Записку и ключ от квартиры я вложил в конверт, который опустил внизу в почтовый ящик хозяйки. И ушел из дома, ни разу не оглянувшись. Сев в такси, я попросил отвезти меня в отель в Центральном парке — это противоположная, западная часть Манхэттена. В этом районе жить мне не приходилось, да и посещал я его довольно редко. Хотя я и работал по ночам и вообще вел затворнический образ жизни, в Ист-Сайде были люди, которые меня знали. Взять хотя бы моего букмекера, или бармена из бистро, в котором я время от времени пропускаю рюмочку-другую, или официантку из итальянского ресторанчика... Любой из них и наверняка кое-кто еще могли опознать меня в том случае, если бы кому-то пришло в голову всерьез взяться за мои поиски. Со временем мне, конечно, придется перебраться еще подальше, но пока подойдет и

противоположный от Ист-Сайда конец Центрального парка. Кстати говоря, бежать куда глаза глядят я не собирался, прекрасно понимая, что следует хотя бы один день спокойно обо всем подумать и решить. В этом отнюдь не шикарном деловом отеле, куда вряд ли приехал бы тот, кому неожиданно свалилось большое богатство, я попросил номер с ванной. Зарегистрировался под именем Теодора Брауна из города Камдена, штат Нью-Джерси, где никогда в своей жизни не бывал, и в сопровождении посыльного, понесшего мои вещи, направился в отведенный мне номер. Я присматривался к шагавшему рядом со мной посыльному, к его узкому несимпатичному лицу. Он был молод, но не было душевной простоты в его бегающем настороженном взгляде и сжатых кривившихся губах, свидетельствовавших о порочности и продажности. Когда мы вошли в номер с окнами, выходящими в парк, посыльный нарочито засуетился (перекладывал с места на место два моих чемодана, зажег свет в ванной), явно стараясь выжать из меня чаевые.— Не можете ли вы оказать мне услугу?— сказал я, вынимая пять долларов. При виде денег глаза посыльного заблестели, но он сказал:— Смотри какую. Управляющий не любит, чтоб приводили девочек.— Не о том речь. Мне бы хотелось сыграть на скачках, но я приезжий... — Входя в новую жизнь, я не отказывался от старых привычек. Из конюшен недавних надежд легким галопом опять выскочила Глория. Посыльный показал плохие зубы, что у него, очевидно, означало улыбку.— У нас есть свой букмекер. Через пятнадцать минут я приведу его к вам.— Очень хорошо,— кивнул я и дал ему пять долларов.— Весьма благодарен, сэр,— оживился посыльный, и бумажка тут же исчезла из виду.— А не скажете ли, на кого собираетесь поставить?— На Глорию.— Ставки на нее один к пятнадцати,— заметил посыльный, бывший, надо полагать, вполне в курсе этих дел.— Совершенно верно.— Ин-те-рес-но,— протянул он. И можно было не сомневаться, как он намерен использовать полученные деньги. Ловкач и проныра, он все же проживет и умрет в бедности. Когда он ушел, я ослабил узел галстука и прилег на кровать, хотя вовсе не устал. Подходящее утречко, чтобы пустить на ветер немного денег, усмехнулся я про себя. Потом отметил, что рассуждаю примерно так же, как зазывалы из телевизионных реклам. Букмекер не заставил себя ждать. Рослый грузный толстяк в поношенном костюме с тремя авторучками в нагрудном кармане, он пыхтел, когда двигался, или же, сидя, говорил высоким тонким голосом, весьма удивительным для этого массивного существа.— Привет, дружище,— фамильярно обратился он, войдя ко мне и оглядев меня и всю комнату быстрым оценивающим взглядом, ничего не упускавшим из виду.— Морис сообщил, что у вас небольшое дельце ко мне.— Да, небольшое,— кивнул я.— Хочу поставить на Глорию во втором заезде в

Хайалиа... — на мгновение я замялся. — Триста долларов. С утра ставки принимали из расчета один к пятнадцати, — заключил я с такой беспечностью, как если бы взлетел в открытом самолете на высоту в семь тысяч метров без кислородной маски. Толстяк вынул из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и, водя по строчкам, некоторое время сосредоточенно изучал записи. — Могу принять один к двенадцати, — наконец сказал он. — Ладно, — согласился я и вручил ему три сотенные. Букмекер тщательно, на ощупь и на свет проверил каждую сотенную, изредка при этом поглядывая на меня с осторожной, еще неуверенной почтительностью. — Моя фамилия... — начал я. — Я уже знаю вашу фамилию, мистер Браун, — перебил букмекер и, выхватив из нагрудного кармана одну из авторучек, сделал пометку на своем листе бумаги. — Расплачиваюсь я в шесть часов вечера внизу в баре. — Увидимся в шесть. — Надейтесь на лучшее, — без улыбки пожелал он мне. — В любом случае Морис всегда знает, где найти меня. После его ухода я распаковал вещи. Когда в числе прочего доставал бритву, она упала на пол и отскочила под комод. Шаря рукой под комодом, я вместе с бритвой и кучей пыли вытащил также и серебряный доллар. Как видно, в этом отеле не очень-то старательно убирались в номерах. Тем хуже для них, подумал я, обтер доллар и сунул его в карман. Сегодня мне определенно везло во всем. Взглянув на часы, я увидел, что уже около двенадцати. Решительно сняв трубку, я попросил, чтобы меня соединили со «Святым Августином». По обыкновению прошло не менее тридцати секунд, пока мне оттуда ответили. Наша телефонистка Клара относилась ко всем вызовам как к неуместному вторжению в ее личную жизнь, которая, насколько мне было известно, заключалась главным образом в чтении журналов по астрологии. И потому она считала, что следовало доступными ей средствами наказывать тех, кто своими звонками отрывал ее от поисков самого лучшего гороскопа, который предскажет ей богатство, славу и встречу с молодым, красивым и смуглым незнакомцем. — Алло, Клара, — сказал я. — Хозяин пришел? — Конечно. Все утро сидит у меня на шее, чтобы я дозвонилась к вам. Какой же у вас, черт возьми, номер телефона? Нигде не могу найти. Звонила в отель, что указан как ваш адрес, но там ничего не знают о вас. — То было два года назад. Я переехал. — И действительно, за это время я четыре раза переезжал. Как истый американец, я постоянно стремился на новые места. — У меня нет телефона, Клара. — О, счастливцев. — Повторите это еще раз, Клара, и соедините меня с хозяином. — Боже мой, Граймс, — услышал я в трубке возбужденный голос хозяина, — из-за вас я попал в очень неприятное положение. Сейчас же приезжайте и помогите все выяснить. — Мне очень жаль, мистер Друзек, — проговорил я как можно более огорченным

тоном, — но сегодня я чрезвычайно занят. А в чем дело?— Вы еще спрашиваете? — заорал Друзек. — В десять утра пришел ответ, что нет никакого Джона Ферриса по тому адресу, куда вы послали телеграмму.— При регистрации он сообщил тот адрес, который с его слов записан в книге.— Приезжайте и скажите это полиции. Утром у нас был инспектор, а потом приходили два каких-то типа. Даю голову на отсечение, что они были с оружием. Разговаривали со мной так, будто я что-то скрываю от них. Спрашивали, не оставил ли им Феррис записку. Он оставил какую-нибудь записку?— Нет, не видел.— Так вот, они обязательно хотят поговорить с вами.— Почему со мной? — с притворным удивлением спросил я.— Я им объяснил, что покойника обнаружил ночной портье, который будет сегодня на дежурстве после одиннадцати вечера. А они заявили, что не могут так долго ждать, и потребовали ваш адрес. И вы знаете, Граймс, никто в нашем чертовом отеле не знает, где вы живете. Естественно, что эти два типа не поверили мне. Они снова придут в три часа. И предупредили, что для меня же лучше найти и вызвать вас, а не то... Просто жутко. Не думайте, что это длинноволосые мелкие хулиганы, они одеты как солидные биржевые маклеры. Абсолютно спокойны и глазом не моргнут, как шпионы в кино. Они не шутят. Вовсе не шутят. Так приезжайте, потому что я ухожу обедать, и надолго, очень надолго...— По этому поводу я и хочу переговорить с вами, мистер Друзек, — невозмутимо сказал я, в первый раз со времени поступления на работу радуясь возможности поговорить с хозяином. — Я звоню, чтобы попрощаться с вами.— Попрощаться? — рявкнул Друзек. — Кто так прощается?— Я вот так прощаюсь, мистер Друзек. Прошлой ночью я окончательно решил, что мне противно служить у вас. Я увольняюсь... Собственно, уже уволился.— Как уволился? Так не увольняются. Черт побери, да сегодня только вторник, начало недели. Остались ваши вещи. Пол бутылки виски, Библия...— Виски выпейте, а Библию я дарю в библиотеку отеля.— Граймс, — закричал Друзек, — вы не смеете так поступать со мной. Я обращусь в полицию, чтоб вас привели сюда! Я... я...Я преспокойно положил трубку. И пошел завтракать. Завтракал я в дорогом ресторане возле Линкольн-центра, заказал роскошного омара-гриль, который обошелся в восемь долларов, и две бутылки пива «Хайнекен».Сидя в ресторане за вкусной дорогой едой, я вдруг осознал, что впервые с того момента, когда проститутка в отеле сбежала с шестого этажа, у меня нашлось время подумать о том, что мне делать. До сих пор мое поведение и поступки были почти автоматическими: одно следовало за другим само собой, словно я действовал по заранее разработанной программе. Теперь надо было подумать о своих возможностях, рассмотреть угрожавшие опасности и принять какие-то решения. Раздумывая обо всем этом, я

обратил внимание на то, что подсознательно выбрал себе столик в углу ресторана, чтобы видеть всех входящих. Это открытие меня позабавило. И в самом деле, попав в переплет, каждый становится героем своей собственной детективной истории. Но забавно это было или нет, а пришло время оценить свое положение и возможности. Нельзя больше полагаться на интуитивные побуждения или на опыт прошлого, который мало чем мог помочь мне в совершенно ином будущем. До этого я никогда не нарушал никаких законов, у меня не было никаких врагов. И тут, естественно, я подумал о тех двух субъектах, которые явились в отель «Святой Августин» получить сто тысяч долларов от того, кто зарегистрировался под вымышленным именем Джона Ферриса и указал вымышленный адрес. Они были с оружием или, во всяком случае, походили на людей, имеющих обыкновение носить его при себе. Мой хозяин мог немного нервничать в это утро, но его не назовешь простаком — у него большой опыт, и он верно почувствовал, что это действительно опасные люди. Он, конечно, не знал и, наверно, никогда не узнает, в чем тут дело. Одно было несомненно — полиция не будет привлечена к этому делу, хотя какой-нибудь полицейский крючок может по своей инициативе начать копать в нем. Итак, с этой стороны мне нечего особенно беспокоиться. Было ясно, что тот, кто назвался Джоном Феррисом, и те двое, что приходили после его смерти, участвовали в какой-то незаконной сделке. Тут определенно пахло взяткой, подкупом или шантажом. Это как раз совпало с Уотергейтским делом, только начавшим тогда всплывать на поверхность, когда мы узнали, что у весьма уважаемых деятелей, столпов нашего общества, появилась привычка тайно носить в ручных плоских чемоданчиках огромные суммы денег или держать их в ящиках письменных столов у себя в кабинетах. Те типы, что сейчас интересовались мною, без сомнения, принадлежали к тому зловещему миру профессиональных убийц, которые готовы на все ради денег. Шайка бандитов, подумал я, гангстеры. Хотя мне, как и большинству американцев, приходилось читать о них, видеть их в кинофильмах, но все же представления о том, что творится на дне нашего общества, у меня были туманные, и быть может, я с преувеличенным страхом относился к могуществу гангстеров, их тайным связям и способам найти и уничтожить тех, кому они хотели отомстить. И еще одно было ясно. Я теперь оказался по ту же сторону забора, что и они, и с кем бы там ни встретился, должен был бороться по их правилам. В прошедшую ночь я поставил себя вне закона, и мне, следовательно, надо самому заботиться о своей безопасности. Основное правило было простым. Я не должен сидеть сложа руки на месте. Надо уехать, исчезнуть. Нью-Йорк — огромный город, и в нем, без сомнения, годами успешно скрываются тысячи людей, но те, кто

меня ищет, знают мое имя, возраст, описание внешности и смогут без особого труда узнать, где я учился, работал и есть ли у меня родственники. К счастью, я не женат, детей у меня нет, родители умерли, а братья и сестра понятия не имеют о том, где я нахожусь. Но ведь и в Нью-Йорке можно натолкнуться на того, кто тебя знает и наведет на твой след. И как раз в это утро я совершил первую ошибку, связавшись с этим посыльным в отеле, который, конечно, запомнит меня. А уж он-то готов за десятку продать и отца родного. Далее букмекер, с которым он меня свел. Это уже вторая ошибка. Легко представить себе, какого рода и с кем у него связи. Я еще не знал, что делать с деньгами, лежавшими в тиши банковского подвала, но, разумеется, желал прежде всего насладиться радостями жизни. Но не в Нью-Йорке. Меня всегда тянуло путешествовать, а сейчас это было и необходимостью и удовольствием. По-царски развалившись в кресле, я закурил сигару и стал перебирать города в Европе, где хотел бы побывать. Лондон, Париж, Рим... Однако, чтобы пересечь океан, надо сперва закончить здесь все свои дела. И, в первую очередь, получить заграничный паспорт. Я знал, что смогу получить его в нью-йоркском агентстве Госдепартамента, но те, кто ищет меня, могут вполне резонно заключить, что это первое место, куда я обращусь, и будут поджидать меня там. Это, правда, лишь предположение, но не следует рисковать. Завтра, решил я, поеду в Вашингтон. И лучше автобусом. Я взглянул на часы. Почти три часа. Вскоре парочка, что с утра приставала к Друзеку, заявится в «Святой Августин», чтобы взыскать свой должок. И не с пустыми руками, как пить дать... Я стряхнул пепел с кончика сигары и с удовольствием затянулся. Черт возьми, подумал я, а ведь сегодня мой лучший день за последние годы! Выйдя из ресторана, я отыскал поблизости небольшое фотоателье, где снялся для паспорта. За карточками назначили прийти в половине шестого. Чтобы убить время, зашел в кино посмотреть французский фильм. Мне ведь теперь полезно прислушиваться к чужому языку. Отсидел сеанс, восхищаясь главным образом видами Сены и мостов через нее. Получив фотокарточки, я вернулся в отель и вспомнил, что пора увидаться с букмекером. Спустившись в бар, узрел его. Он сидел один за столиком в углу и пил молоко.— Как мои дела? — поинтересовался я.— Вы что, издеваетесь? — проворчал букмекер.— Нет, я и вправду не знаю.— Вы выиграли, — процедил он. Найденный серебряный доллар оказался верным талисманом. Продолжай в том же духе, пожелал я. И мой долг другому букмекеру, в «Святом Августине», частично погашен. Все было в мою пользу в этот день. У букмекера было постное лицо, и он глядел на меня печально.— Ваша лошадь пришла на полтора корпуса впереди. Следующий раз уж поделитесь со мной своей информацией. И почему вы позволили этому подонку Морису тоже пожить на мне? Это уже не

только убыток, но и обида.— Люблю помочь честному служащему.— Это он-то честный служащий, — хмыкнул букмекер. — Послушайте совета, приятель, не оставляйте у него на виду бумажник. Этот честный служащий не побрезгует ничем, даже вашей вставной челюстью... — Вынув и перебрав несколько конвертов, букмекер вручил мне один из них. — Вот ваши три тысячи шестьсот. Пересчитайте.— Не стоит. Вы производите впечатление честного человека.— Хм, да-а, — промычал букмекер, допивая молоко.— Угостить вас виски?— Мне можно только молоко, — рыгнув, ответил он.— Человеку с больным желудком не следует быть букмекером.— Что верно, то верно. Хотите сыграть на хоккее сегодня?— Нет желания. Пока, дружище. В отеле мне навстречу попался Морис.— Вы, как я слышал, сорвали большую ставку.— Не такую уж большую, — весело заметил я. — Но денек для меня явно неплохой. А вы поставили мою пятерку?— Нет, — ответил посыльный. Он, видимо, принадлежал к тем, кто лжет без нужды: из удовольствия. — Был очень занят.— Жаль, — посочувствовал я. — Ладно, может, в другой раз повезет. Поужинал я в отеле. Бифштекс оказался вполне приличным. Потом выкурил еще сигару за кофе с бренди, поднялся в номер, разделся и лег в постель. Я проспал двенадцать часов и проснулся лишь тогда, когда лучи яркого утреннего солнца заливали всю комнату. С детских лет я не спал так крепко и безмятежно.5

Утром я быстро уложил вещи и с чемоданами в руках спустился в лифте, стараясь избежать встречи с посыльным. Расплатившись в конторе, я вышел на крыльцо и внимательно огляделся по сторонам, не следит ли кто-нибудь за мной. Не заметив ничего подозрительного, сел в такси и поехал на конечную автобусную станцию, где купил билет в Вашингтон. Никому, конечно, и в голову не придет искать здесь человека, который украл сто тысяч долларов. В Вашингтоне я было сунулся в лучший отель города «Мэйфлауер», но портье сразу отрезал, что мест нет. По его повадкам было видно, что у них останавливаются лишь особо влиятельные лица и чуть ли не по указанию из Белого дома. Я тут же решил, что надо непременно купить себе новое шикарное пальто. Все же портье был достаточно вежлив, чтобы указать отель поблизости, где обычно бывают свободные номера. Примерно таким же тоном он мог порекомендовать мне своего приятеля, который обычно носит грязные рубашки. Тем не менее портье оказался прав. В новом, свежеекрашенном здании указанной им гостиницы, походившем на типичный американский мотель, были свободные номера. Я зарегистрировался под собственным именем. Мне

казалось, что уж, по крайней мере, в Вашингтоне-то я могу чувствовать себя в безопасности. Припомнив рассказы о том, как грабят на улицах столицы, я предусмотрительно сдал на хранение в отеле свой бумажник с деньгами, оставив себе сотню долларов на повседневные расходы. Так или иначе, надо было избегать помощи правосудия по любому поводу. Опасность для меня таилась уже на их пороге. Тем более что в субботу ночью в Вашингтоне один закон — пистолет. Последний раз я был в Вашингтоне в 1968 году, когда доставил на самолете группу республиканцев из Вермонта на церемонию вступления в должность президента Ричарда Никсона. В самолете было много пьяных, и большую часть пути я провел в спорах с пьяным сенатором от штата Вермонт, который во время второй мировой летал на бомбардировщике В-17, а теперь то и дело приставал ко мне, чтобы я передал ему управление. Я не пошел ни на церемонию, ни на торжественный бал, куда наши республиканцы добыли мне пригласительный билет. В то время я считал себя демократом. Не знаю, кем бы я сейчас посчитал себя. Помню, что тот день я провел на Арлингтонском кладбище. Оно казалось самым подходящим местом, где следовало отметить вступление Ричарда Никсона на пост президента США. Мой дядя, отравленный газами в первую мировую войну при сражении в Аргонском лесу, покоился на этом кладбище. Меня тут, конечно, не похоронят. Я не ветеран войны. Был слишком молод для войны в Корее и не имел никакого желания отправиться на войну во Вьетнаме (служба в гражданской авиации освобождала от призыва, а пойти добровольцем уж никак не прельщало). Бродя среди могил, я не сожалел о том, что меня не положат рядом с героями. Я никогда не был драчлив, и, хотя был патриотом, охотно почитавшим наш флаг, тем не менее войны вовсе не привлекали меня. Мой патриотизм не доходил до кровожадности. Однако вернемся к моему теперешнему приезду в Вашингтон. На следующее утро я вышел из отеля. У стоянок такси выстроились длинные очереди. Я пошел пешком, надеясь, что удастся по пути подхватить машину. Денек выдался погожий, сравнительно теплый, особенно приятный после кусачего нью-йоркского холода. От улицы, по которой я шел, так и веяло достоинством и процветанием. Прохожие, как на подбор, были хорошо одеты и благонравны. Я прошагал полквартала рядом с дородным и чинным джентльменом, облаченным в полушубок с норковым воротником. Шагал он величаво, словно конгрессмен. А может, он и впрямь был конгрессменом, кто их тут знает. Я хмыкнул, представив, как он отреагирует, если я подойду к нему, схвачу за петлицу и начну рассказывать, чем занимался сегодня с раннего утра. Вместо этого я окликнул такси, которое остановилось у перехода на красный свет. Лишь подойдя к машине, я заметил на заднем сиденье пассажирку. Однако

таксист, седой негр, опустил стекло и спросил:— Вам куда, мистер?— В Госдепартамент.— Садитесь. Вам по пути с леди.— Не возражаете, мадам? — открыв дверцу, спросил я.— Безусловно возражаю, — резко ответила молодая, довольно хорошенькая блондинка, которую портило в эту минуту то, что она зло поджимала губы. Извинившись, я уже собрался отойти от машины, когда таксист распахнул переднюю дверь и окликнул меня.— Садитесь ко мне, — пригласил он. Вот назло тебе, сука, подумал я и, не взглянув на нее, сел рядом с шофером. Сзади донеслось злобное бормотание, но ни я, ни шофер не обратили на это внимания. Ехали мы в полном молчании. Когда машина остановилась у какого-то правительственного здания с колоннами, пассажирка наклонилась вперед, взглянула на счетчик и сказала:— Доллар сорок пять.— Да, мадам, — кивнул таксист. Порывшись в сумочке, она оставила деньги на заднем сиденье.— Не надейтесь, что я вам прибавлю, — бросила она, вышла из машины и, сердито поводя плечами, скрылась за массивной парадной дверью. Ножки-то у нее хороши, заметил я, провожая ее взглядом. Таксист перегнулся и сгрэб деньги с заднего сиденья.— Чинушка, — фыркнул он.— Точнее, стерва, — сказал я. Таксист громко рассмеялся.— В этом городе быстро приучишься получать скорее шишки, чем пышки, — сказал он. И пока мы ехали, таксист все покачивал головой и посмеивался. Когда мы приехали, я дал ему доллар на чай.— Нет худа без добра, и та блондинка помогла, — улыбнулся он, благодаря меня. Я вошел в здание Госдепартамента и разыскал справочное бюро.— Мне бы хотелось увидеть мистера Джереми Хейла, — обратился я к девице в справочном.— Вы знаете, в какой он комнате?— Боюсь, что нет. Девица досадливо вздохнула. Как видно, в Вашингтоне было полно вот таких девиц, тяжелых на подъем. Пока она листала толстенный алфавитный справочник, я с улыбкой вспомнил, как однажды, много лет назад, сказал Хейлу: «Твоя фамилия, Джерри, вознесет тебя в Госдеп». — Мистер Хейл назначил вам? — затем строго спросила девица.— Нет. Я много лет не видел Хейла и не переписывался с ним. Он, конечно, не ожидает меня. В школе мы учились в одном классе и дружили. Когда я работал в Вермонте, мы зимой вместе ходили на лыжах, потом он уехал за границу.— Вашу фамилию, будьте добры. Я назвал себя, девица позвонила по телефону и затем выписала пропуск.— Мистер Хейл ждет вас, — напутствовала она меня, вручая пропуск, на котором был указан номер комнаты.— Благодарю вас, мисс, — сказал я и только тут заметил, что у нее на пальце обручальное кольцо. В лифте, который был почти полон; царило чинное молчание, никто не проронил ни слова. Государственные тайны бдительно охранялись. В длинном ряду совершенно одинаковых дверей, тянувшихся вдоль бесконечного, уходившего куда-то вдаль коридора, я обнаружил на одной

двери табличку с именем моего школьного друга. Что все эти люди тут делают для Соединенных Штатов двести дней в году по восемь часов в день, спросил я себя, постучав в дверь.— Войдите, — отозвался женский голос. Толкнув дверь, я вошел в небольшую комнату, где за пишущей машинкой сидела самая что ни на есть красotka. Неплохо, однако, устроился старина Хейл. Красotka лучезарно улыбнулась мне (интересно, а как бы она повела себя в такси сегодня утром?).— Мистер Граймс? — спросила она, поднимаясь и становясь еще прекрасней. Высокая, стройная, смуглая, в плотно облегающем голубом свитере.— Да, это я.— Мистер Хейл рад вас видеть. Пройдите, пожалуйста, — пригласила она, открыв дверь в соседний кабинет. Хейл сидел за письменным столом, заваленным бумагами, просматривая пачку лежавших перед ним документов. Он располнел с тех пор, как я последний раз видел его, а на приветливо ухмыляющемся лице стала проглядывать солидность сановника. На столе в серебряной рамке стояла семейная фотография. Жена и двое детей, мальчик и девочка. Пример умеренности в назидание отсталым народам. Увидев меня, он, широко улыбаясь, сразу же поднялся из-за стола.— Дуг, ты и представить себе не можешь, как я рад тебя видеть. Мы крепко пожали друг другу руки. Меня тронуло, как Хейл встретил меня. Последние три года никто не встречал меня с такой радостью.— Где ты пропадал? — спрашивал он, усаживая меня на кожаный диван, стоявший поодаль у стены просторного кабинета.— Я уж было решил, что ты исчез с лица земли. Три раза писал тебе, и каждый раз письма возвращались обратно. Написал твоей подружке Пэт, но она ответила, что не знает, где ты и что с тобой, — он сердито нахмурился, и это ему не шло.— Выглядишь ты очень неплохо, но так, словно несколько лет не был на свежем воздухе.— Все выложу, Джерри, но не сразу. Летать я бросил. Надоело. Много мотался, побывал кое-где.— Прошлой зимой мне очень хотелось походить с тобой на лыжах. Недельки две выдалось свободных. Снег, говорят, был хороший.— Признаться, я все это время редко ходил на лыжах.— Ну, ладно, — Джереми порывисто коснулся моего плеча, — не стану больше спрашивать.— Еще в школьные годы он был чуток и эмоционален.— Во всяком случае, позволь задать тебе один вопрос. Откуда ты приехал и что собираешься делать в Вашингтоне? — И он тут же засмеялся.— Однако получилось два вопроса.— Приехал из Нью-Йорка, чтобы просить тебя о небольшом одолжении.— К твоим услугам, дорогой.— Мне нужен заграничный паспорт.— Ты никогда не получал его?— Нет.— И никогда не был за границей? — удивился он. Люди его круга большую часть времени проводили в чужих краях.— Ездил как-то в Канаду; но туда паспорт не нужен.— Ты же приехал из Нью-Йорка, — с озадаченным видом произнес Хейл, — так почему же не получил там паспорт? Не пойми это как упрек,

что ты обратился ко мне, — поспешно добавил он. — Достаточно было бы зайти в наше нью-йоркское агентство...— Да, конечно. Но мне хотелось поскорей. Я тороплюсь и потому рискнул обратиться к тебе.— В Нью-Йорке они действительно завалены заявлениями. А куда ты собираешься ехать?— Сначала в Европу. У меня завелись кое-какие деньжонки, и я решил, что настало время вкусить немножко от европейской культуры. Почтовые открытки с видами Парижа и Афин, которые ты посылал мне, вызвали у меня желание самому побывать там. С некоторым удивлением я обнаружил, что выдумывать, оказывается, не так уж и трудно.— Я могу за один день сделать тебе паспорт, — сказал Хейл, — только дай мне твое свидетельство о рождении... — Он запнулся: видимо, я переменялся в лице. — У тебя, что, нет его с собой?— Я не знал, что оно понадобится.— Обязательно нужно. Где ты родился? В Скрантоне, кажется?— Да. Хейл досадливо поморщился:— В Пенсильвании свидетельства о рождении выдаются в столице штата Гаррисберге. Если напишешь туда, то, в лучшем случае, если тебе посчастливится, недели через две получишь ответ.— Что за ерунда! — воскликнул я. Уж, конечно, ждать столько времени я ни в коем случае не мог.— А где же твое свидетельство? Может, хранится у кого из родственников? Валяется где-нибудь в сундуке.— Мой старший брат Генри еще живет в Скрантоне, — сказал я, вспомнив, что после смерти матери весь семейный хлам, включая старые судебные бумаги, мой школьный аттестат, диплом колледжа, альбомы с фотографиями и прочие семейные реликвии были сложены на чердаке у брата. — Возможно, оно у Генри.— Тогда позвони ему, чтобы он поискал у себя и срочно выслал сюда.— Еще лучше, если сам съезжу к нему, — сказал я. — Уже несколько лет я не виделся с братом и рад, что представился случай. Не мог же я, в самом деле, признаться Хейлу, что предпочитаю, чтобы брат вообще не знал, где я нахожусь.— Сегодня четверг. Конец недели. Предположим, ты съездишь и найдешь свидетельство, но все равно раньше понедельника уже ничего сделать не удастся.— Что ж, Европа долго ждала меня, подождет еще пару дней.— Нужны также фотографии.— Они есть. — Я протянул ему конверт с фотокарточками. Хейл вытащил одну и внимательно поглядел на нее.— У тебя совсем юношеское лицо, — сказал он, покачав головой. — Ты хорошо сохранился.— Беззаботная жизнь.— Рад узнать, что такая жизнь еще возможна. А я вот смотрю на свои фото и вижу, что выгляжу таким старым, словно гоюсь себе в отцы. — Он вернул мне конверт с карточками, добавив: — На всякий случай я подготовлю в понедельник все нужные бумаги.— Я обязательно вернусь.— А почему бы тебе не вернуться к уик-энду? В Вашингтоне это самые лучшие дни. В субботу вечером мы обычно играем в покер. Ты еще играешь?— Изредка.— Отлично. Один из

наших постоянных партнеров в отъезде, и ты можешь заменить его. Увидишь двух вечных пижонов, которые проигрывают с трогательным великодушием, — улыбнулся Хейл, который в свое время в колледже был заядлым и очень неплохим игроком в покер. — Вспомним старые времена. Я все устрою. Зазвонил телефон, и Хейл снял трубку. — Сейчас иду, сэр, — сказал он, поспешно положив ее. — Извини, Дуг, мне надо идти. Очередной утренний аврал. — Спасибо тебе за все, — сказал я, поднимаясь. — Пустяки. Для чего же тогда друзья? Послушай, сегодня вечером у меня соберутся. Ты занят? — Вроде нет. — Так приходи к семи часам. Мне нужно бежать, мой адрес даст тебе секретарша мисс Шварц. Он был уже в дверях, торопился, но старался не терять сановной солидности. Мисс Шварц написала на карточке адрес и, лучезарно улыбаясь, вручила его мне так, словно пожаловала дворянство. Почерк у нее был бесподобный, как и она сама. Нежная рука ласково провела по моему бедру, и я очнулся, лениво просыпаясь. Мы уже дважды насладились любовью, но вождение вновь овладело мной. Женщина, лежавшая подле меня в постели, пожинала плоды моего столь затянувшегося воздержания. — Вот это другое дело, — прошептала она. — Какой красивый! Только не двигайся. Полежи спокойно. Я сама. Я отдался на волю течению. Боже, какая утонченная пытка! Ласковые руки, мягкие губы, сладострастный язычок причиняли мне невыразимо радостные муки. Господи, какая женщина... Она весьма серьезно, даже торжественно, будто выполняя священный обряд, упивалась любовью. Когда около полуночи мы вошли к ней в спальню, она уложила меня в постель и неторопливо раздела. Насколько я помню, последний раз меня раздевала моя мать, когда мне было пять лет и я заболел корью. Вот уж никак не ожидал, что вечер у Хайла окончится таким образом. Гости, собравшиеся в его изысканном, построенном в колониальном стиле особняке в Джорджтауне,^[3] были усталы и сдержанны. Я приехал раньше всех, и меня отвели наверх восхищаться детьми Хейла. До приезда гостей я не очень бойко болтал с его женой Вивиан, хорошенькой белокурой женщиной с утомленным лицом, которую видел впервые. Оказалось, что Хейл рассказывал ей обо мне и был огорчен, когда я исчез неизвестно куда. — Если бы я не встретила Джерри, — неожиданно призналась она, — у меня бы в жизни ничего не было. Ничего, — повторила она с таким искренним чувством, что вся, казалось, просветлела. Гости, собравшиеся у Хейла, произвели на меня какое-то неясное, расплывчатое впечатление, хотя я вовсе не был пьян. Я вообще много не пью. Сенатор такой-то, тот — конгрессмен, этот — конгрессмен, его превосходительство посол этой страны, мистер Блэнк из «Вашингтон пост», та — мисс, которая весьма влиятельна в министерстве юстиции, — их имена и звания так и обрушивались на меня. Они толковали о разных

людях, о хорошо известных, могущественных, о неумных, крикливых, красноречивых, вносящих законопроекты, от которых дыбом встают волосы. Я не очень-то разбирался в социальных рангах нашей столицы, но мог заключить; что тут собирались люди влиятельные, облеченные властью. По вашингтонским меркам каждый из них был более значительным лицом, чем сам хозяин, который, поднимаясь вверх; был еще среднего ранга чиновником в дипломатическом ведомстве и, конечно, не мог бы позволить себе устраивать такие приемы на одно лишь свое жалованье. Однако жена его Вивиан была дочерью сенатора; владельца обширных земель в Северной Каролине. Да, мой друг выгодно женился. Интересно, а кем бы я сам стал, если бы женился на богатой? Но мне, к счастью или к несчастью, никогда не представлялось такой возможности. Я просто находился среди гостей, временами досадливо морщась, когда алкоголь начинал влиять на крутые извивы беседы за столом, учтиво держал рюмку в руке, принужденно улыбался и все удивлялся тому, как Хейл может выносить все это. Женщина, чьи руки и губы сейчас ласкали меня, была как раз той влиятельной особой из министерства юстиции, с которой я вчера познакомился у Хейла. На вид ей было лет тридцать пять, но выглядела она как конфетка: роскошное тело, матовая кожа, большие темные глаза и шелковистые светлые волосы, волнами ниспадавшие на плечи. Мы оказались вместе в углу комнаты, и она сказала:— Я наблюдала за вами. Бедняга, вы словно отшельник. Вы не здешний?— Это портит вечер? — усмехнулся я.— Есть такой грех. Но не расстраивайтесь. Что касается меня, то я ловлю возможность поговорить с кем-нибудь, кто не имеет никакого отношения к правительству. — Она взглянула на часы. — Я здесь уже сорок пять минут. Вполне отбыла положенное, и никто не посмеет сказать, что я не умею вести себя в благовоспитанном обществе. Но пора и подзаправиться. Вы свободны, Граймс?— Да, — ответил я, удивленный тем, что она знает мое имя.— Уйдем вместе или поодиночке? Я рассмеялся:— Как вам будет угодно, миссис...— Коутс. Эвелин Коутс, — улыбнулась она. Я отметил, что она очаровательно улыбается. — Уйдем вместе. Кстати, я разведена. Вы не боитесь?— Нет, мэм.— Вот и умничка. — Она легонько тронула меня за руку. — Жду вас в холле. Будьте пайнкой, попрощайтесь с хозяевами. Я следил, как она прошла сквозь толпу гостей, надменная и неприступная. Мне сроду не приходилось встречать таких женщин. И уж, во всяком случае, я и вообразить не мог, что в эту же ночь окажусь в ее постели. Еще ни разу в жизни я не ложился в постель с женщиной после первой же встречи. Сохранив юношески наивный облик, застенчивый, заикающийся, я всегда был неуверен и неловок с женщинами, принимая как должное, что другим суждено обладать красавицами. Я до сих пор, кстати, не уразумел, почему Пэт, такая яркая

красотка, привязалась ко мне. Что она могла во мне найти? Впрочем, я никогда не стремился к мужским победам, а остатки моего религиозного воспитания удерживали меня от беспорядочных связей, даже если представлялась возможность. Эвелин привезла меня во французский ресторан, который, судя по всему, был очень дорогим.— Надеюсь, что вы невообразимо богаты,— сказала она.— Цены тут ужасные. Ну как, невообразимо?— Да, невообразимо. Она покосилась на меня через стол.— По вашему виду не скажешь.— Старинные деньги. Наследство,— пояснил я.— В нашей семье не любят шика.— Вы из старозаветной семьи?— Как-нибудь расскажу,— уклончиво ответил я. Эвелин начала рассказывать о себе, хотя я ни о чем ее не расспрашивал. Объяснила, что она юрист, в Вашингтоне живет уже одиннадцать лет, работает в том отделе министерства юстиции, который величают «антитрестовским». Ее муж, морской офицер, оказался сущим скотом, и она развелась с ним. Детей нет, и заводить их она не собирается. Шеф, человек в общем милый, вот уже пять лет приударяет за ней, но она поставила целью своей жизни — быть избранной в конгресс. Все это рассказывалось неторопливо, низким мелодичным голосом, причем, стараясь занять меня, иногда она отвлекалась, указывая на некоторых из сидевших в ресторане, коротко и зло обрисовывала их. Вон тот — сенатор, но даже в лифте ни одна девушка не может уберечься от его приставаний. А этот — второй секретарь посольства, торгует наркотиками, переправляя их с дипломатической почтой. Поглядите на того — это известный лоббист, у него в кармане целые гроздья конгрессменов из обеих палат. А вон тот, что сидит в углу, — из ЦРУ, он организовал целый ряд политических убийств в южноамериканских странах. Я попросил ее заказывать все, что ей захочется, в том числе и вино, хотя лично я предпочитаю пиво.— Позвольте мне, простому провинциалу, целиком положиться на ваш вкус, — галантно произнес я. Я был в приподнятом настроении, меня радовало, что я сидел рядом с красивой женщиной и мог свободно, не заикаясь беседовать с ней. Новая, совершенно неизведанная жизнь, казалось, открывалась передо мной.— Значит, такие мальчики, как вы, выходят из старозаветных, сказочно богатых семей?— В основном — да, — пробормотал я. Она странно поглядела на меня:— Вы подставной?— Как вы сказали?— Подставной. Из ЦРУ?— Даже не слышал о таких, — покачал я головой, улыбаясь.— Ваш друг Хейл сказал, что вы были летчиком.— Был когда-то. Я удивился, когда она успела в суматохе приема расспросить Хейла обо мне. Такое настырное женское любопытство встревожило меня, и я почти решил, что после ужина посажу ее в такси и отправлю домой. Но затем я подумал, что не следует быть таким болезненно подозрительным и портить себе вечер.— Не распить ли нам еще бутылочку? — предложил

я.— Разумеется, — кивнула она. Ушли мы из ресторана в числе последних. Я не привык к вину и чувствовал приятное опьянение. Мы уселись в такси и ехали, не прикасаясь друг к другу. Когда такси остановилось перед ее домом, я попросил шофера подождать, пока я провожу свою спутницу.— Нет, не надо, — перебила Эвелин. — Джентльмен зайдет ко мне пропустить еще стаканчик.— О, это как раз то, что мне нужно, — немного заплетающимся языком пробормотал я. Я не разобрал, какая у нее квартира, потому что она не включила свет. Как только мы вошли к ней, она обняла меня и поцеловала. Поцелуй был восхитительным.— Вы беззащитны, и я соблазняю вас, — засмеялась она. Посмеиваясь, она повела меня за руку через темную гостиную в спальню. Тонкой полоски света из приоткрытой двери в ванную было достаточно, чтобы разглядеть большой письменный стол с грудой бумаг, туалетный столик и длинные, во всю стену, книжные полки. Она подвела меня к кровати, повернула кругом и подтолкнула, так что я упал на спину.— Остальное — уж моя забота, — сказала она. Если Эвелин в министерстве была так же деятельна, как в постели, то правительство не зря держит ее на службе.— Сейчас, — пробормотала она, усевшись на меня сверху с раздвинутыми ногами и вставив мою трепещущую от вожделения плоть в свое лоно. Она стала раскачиваться взад-вперед, сперва медленно, потом все быстрее, запрокинув назад голову и опираясь сзади на вытянутые руки. В рассеянном лунном свете, отражавшемся от зеркала, ее пышные груди белели перед моими глазами бледными полутонами. Я обхватил руками, гладил и ласкал эти прекрасные груди, и она застонала. Потом всхлипнула, опять застонала, еще и еще, наконец громко, не в силах больше сдерживаться, закричала и блаженно обмякла. Мгновение спустя я, словно со стороны, услышал собственный сдавленный стон невыразимого наслаждения. Эвелин обессилено скатилась с меня, растянулась на животе и затихла. Я вытянул руку и осторожно, почти бережно прикоснулся к влажному округлому плечу.— Тебе не было больно?— Дурачок, — фыркнула она. — Нет, конечно.— Я боялся, вдруг...— Неужто твои дамы молчат, когда ты их трахаешь?— По-моему, да, — неуверенно промолвил я. И про себя подумал, что такие выражения они уж точно не употребляют. Должно быть, в министерстве юстиции принято называть все своими именами. Она засмеялась, перевернулась на спину, потянулась к столику у кровати за сигаретами и закурила. Огонек спички осветил ее безмятежное лицо.— Хочешь сигарету? — спросила она.— Не курю.— Долго проживешь. А сколько тебе сейчас?— Тридцать три.— Самый расцвет, — сказала она. — Чудесный возраст. Не вздумай уснуть. Давай поговорим. Выпить хочешь?— А который час?— Самое время промочить горло.— Она выбралась из постели и набросила халат. — Виски устроит?— Вполне. Она

прошла в гостиную, шелестя халатом. Я взглянул на свои ручные часы. Раздевая меня, она сняла их и аккуратно положила на столик у кровати. Видно, очень аккуратная женщина. Светящийся циферблат показывал четвертый час ночи. Все в свое время, подумал я, сладко потянувшись в постели и вспомнив этот же час прошлой ночи: жужжание счетной машинки; пуленепробиваемое стекло конторки и сбежавшую по лестнице проститутку, просившую открыть ей парадную дверь. Эвелин вернулась с двумя стаканчиками виски и села на краю постели. В полоске света, падавшей из ванной, резко очерчивался ее самоуверенный профиль. Помимо аккуратности, ей, как видно, было присуще и стремление к полноте ощущений.— Очень хорошо, — выпив, сказала она. — И ты был хорош.— Всегда оцениваешь своих любовников? — засмеялся я.— Ты вовсе не мой любовник, Граймс. Я бы назвала тебя привлекательным молодым человеком с хорошими манерами. Вчера ты мне определенно понравился, и у тебя хватило мужества на короткое время заехать ко мне. Подчеркиваю, на короткое время.— Понятно, — кивнул я.— И тебе, наверное, неинтересно, да и я не собираюсь докучать тебе более подробными объяснениями.— Ты ничего не должна объяснять мне. Вполне достаточно и того, что ночь была восхитительна.— У тебя это не так часто случается?— Откровенно говоря, нет, — рассмеялся я.— Как на неоновой рекламе — ты, можно сказать, совсем не тот, на кого похож.— На кого же я похож?— Да на тех молодых людей, что играют злодеев в итальянских фильмах. Дерзких, порочных и бессовестных. Ничего подобного во мне прежде не замечали. Наоборот, скорее указывали, что с виду я скромник. Или за эти дни я очень изменился, или же Эвелин Коутс смогла разглядеть мою скрытую сущность.— Вскоре я вернусь в Вашингтон, — сказал я.— Позвонить тебе?— Если у тебя не будет ничего лучшего.— А ты захочешь увидеться со мной?— Если у меня не будет ничего лучшего.— Неужели ты такая жесткая, какой хочешь казаться?— Жестче, Граймс, много жестче. Для чего же ты вернешься в Вашингтон?— Возможно, ради тебя.— Повтори еще раз, пожалуйста. Я повторил.— Ты хорошо воспитан. А может, ради чего-нибудь еще?— Ну, допустим, — протянул я, обдумывая, как получше использовать удобный случай, чтобы получить нужную информацию, — я разыскиваю кое-кого.— Кого же именно?— Одного моего друга, пропавшего из виду.— Здесь, в Вашингтоне?— Не обязательно. В стране или даже за границей.— Ты что-то чересчур таинственен, не находишь?— Как-нибудь при случае все расскажу тебе, — заверил я, убежденный, что это никогда не произойдет, но довольный, что по счастливому стечению обстоятельств оказался в постели с женщиной, чья служба, в частности, связана с розыском скрывающихся людей. — Это частное, весьма деликатное дело. Как же мне все-таки заняться поисками

друга?— Есть много мест, куда ты можешь обратиться. Скажем, в налоговое управление, где найдется его адрес на последней декларации о доходах, которую он заполнял. Или в управление социального обеспечения, где имеются записи мест его работы. Данные о нем могут быть в управлении воинской повинности, но они, наверное, уже устарели. Наконец, загляни в ФБР. Правда, никогда не знаешь, что именно добудешь в этом заведении. И еще остается Госдеп. Все зависит от того, есть ли у тебя связи с нужными людьми.— Найдутся, — сказал я, полагая, что нужные связи у тебя в кармане, когда там сто тысяч долларов.— Возможно, тебе еще легче найти своего друга, если ты сам детектив или что-нибудь вроде этого.— Что-то вроде, — уклончиво пробормотал я.— В конечном счете все дороги ведут к нам, в Вашингтон. Здесь театральная жизнь. На представлениях все, за исключением избранных, стоят. Самые лучшие места заполнены актерами.— И ты тоже актриса?— Я на беспроектной роли. Получаю восторженные отзывы из лучших постелей города. Тебя это шокирует?— Немного.— И откуда только берутся такие невинные простакки? — Она потрепала меня по щеке. — И все же должна сделать тебе комплимент. Твое исполнение было почти самое лучшее. Даже не хуже, чем у некоего сенатора из западного штата, чье имя я не стану называть. До тебя он считался лучшим, но беднягу прокатили на последних выборах, что очень на него подействовало, и он скис.— А я и не подозревал, что участвую в представлении.— Ты же приехал в Вашингтон, а тут каждому надо выкладываться и делать вид, что доволен своей ролью.— И тебе также?— Не дурачься, милый. И мне, конечно. Неужели ты думаешь, что если я хоть еще сто лет проторчу в своем министерстве, то это будет иметь какое-либо значение для тебя, для «Дженерал моторс», для Объединенных Наций или для чьей-нибудь любимой собачки? Я лишь участвую в общей игре и забавляюсь, подобно остальным, потому что этот город — лучшее место для таких забавников, как мы. Единственное, в чем я действительно убеждена, так это в том, что Америка превратилась бы в величайшую страну в мире, если бы всем в Вашингтоне, от президента до швейцара в департаменте, позволили исполнять свои обязанности лишь две недели в году. Я допил виски, меня неудержимо клонило ко сну, и я с большим трудом подавлял подступающую зевоту.— О, — воскликнула она, — я наскучила тебе.— Нисколько, — вежливо сказал я.— А ты не устала?— Право, нет.— Она сбросила с себя халат и легла рядом со мной.— Секс бодрит меня. Но мне рано вставать, а на службе надо выглядеть свежей.— Прижавшись ко мне, она поцеловала мое ухо.— И, конечно, позвони мне, когда вернешься. Проснулся я около десяти часов утра, один-одинешенек в постели. Сквозь задернутые занавески пробивались лучи солнца, утро было прекрасное. На туалетном столике

лежала записка.«Дорогой гость, я ушла на работу. Ты спал, как ангелочек, и у меня не хватило духу разбудить тебя. Счастлива была узреть такое наглядное свидетельство чистоты и безгрешности в нашем порочном мире. Бритва и крем в аптечке, стакан апельсинового сока в холодильнике, кофейник на плите. Хорошего исполнителя надо вознаграждать. Надеюсь, тебе удастся найти своего друга. Э.К.»Я усмехнулся последней фразе и направился в ванную, где побрился и принял душ. Холодный душ окончательно разбудил меня, я почувствовал себя свежим, бодрым и, признаюсь, был доволен собой. Внимательно оглядел себя в зеркале. Цвет лица у меня как будто стал лучше.Когда я затем вошел в гостиную, до меня донесся запах жареного бекона. Открыв дверь в кухню, я увидел молодую женщину в брюках, свитере и с повязанным на голове шарфом. Сидя за столом, она читала газету и грызла подрумяненный на огне ломтик хлеба.— Привет, — сказала она, подняв глаза на меня. — А я уж подумала, что вы весь день проспите.— П-простите, — смутился я. — Я не хотел потревожить вас.— Никакого беспокойства, — улыбнулась она, встала из-за стола, открыла холодильник и достала оттуда апельсиновый сок. — Вот Эвелин оставила вам это. Вас, наверное, мучит жажда, — произнесла она как нечто само собой разумеющееся. — Хотите яичницу с беконом?— Право, не стоит беспокоиться.— Пустяки. У нас так принято. — Она отодрала три ломтика от нарезанного куска бекона и плюхнула их на сковородку. Я невольно залюбовался: стройная, длинноногая, в облегающих брюках. — Вам как поджарить?— Полагаюсь на ваш вкус.— Я люблю подрумяненные. — Она положила на другую сковородку кусок масла и разбила три яйца. Движения ее были легкие и уверенные.— Меня зовут Бренда Моррисси, — представилась она. — Мы вместе снимаем эту квартиру. Она говорила вам обо мне?— Не помню.— Ну, она была так занята вами, — невозмутимо заметила Бренда, наливая две чашки кофе и жестом приглашая меня сесть за стол. — Вы ведь не торопитесь, не так ли?— Пожалуй, нет, — согласился я, усаживаясь за стол.— И я тоже. Я работаю в картинной галерее, а до одиннадцати утра никто не спешит покупать картины. Замечательная работа, правда? Кстати, Эвелин позабыла сказать мне, как вас зовут.Я представился.— Давно вы знакомы с Эвелин? — спросила она, одной рукой встряхивая сковородку с яичницей, а другой закладывая нарезанный хлеб в тостер.— Откровенно говоря, — замялся я, — мы познакомились лишь вчера вечером.— Таков наш Вашингтон, — рассмеялась Бренда. — Здесь, где только возможно, собирают голоса. Всякие голоса. А вот такие, наверно, самые приятные. Я слышала, как вы буйно наслаждались.— Поверьте, — сказал я, краснея, — мне и в голову не пришло, что кто-то еще есть в квартире.— Да, конечно. Я давно собираюсь купить затычки для ушей. Те, что продают для пловцов и

артиллеристов. Да все забываю. А Эвелин, когда забавляется, — вся нараспашку. И я с трудом удерживаюсь от того, чтобы тут же не присоединиться к ней. Я насупился и отвел глаза. — Не пугайтесь, — засмеялась Бренда. — Это все же не случается. Что бы мы тут ни вытворяли, оргий мы не устраиваем. Но, если вы сегодня вечером еще будете в Вашингтоне и назовете мне отель, в котором остановились, я с удовольствием выпью с вами. Не скрою, что я был готов поддаться искушению. Прошедшая ночь разбудила во мне долго дремавшую чувственность. Интриговало и то спокойное бесстыдство, с каким было сделано предложение. Для меня, по крайней мере, это было в новинку. Подобные вещи случались с моими друзьями (во всяком случае, они рассказывали о них), но ничего подобного со мной никогда не бывало. После того, что я уже совершил в «Святом Августине», вряд ли я мог, исходя из основ морали, отказаться переспать с подругой женщины, которая накануне спала со мной. Однако у меня неотложное дело — розыск свидетельства о рождении. — Извините, но я сегодня уезжаю. — Жаль, — коротко, без всякого выражения отозвалась Бренда. — Но я вернусь, — сказал я и запнулся, вспомнив о приглашении к Хейлу на субботу вечером, — в воскресенье. — В каком вы отеле? Я объяснил ей. — Возможно, позвоню вам, — пообещала Бренда. — Я и в воскресенье могу. Когда у тебя деньги в банке, подумал я, выходя из квартиры, они даже за двести пятьдесят миль испускают непреодолимо притягательный чувственный аромат. Легко и пружинисто шагая, я спрашивал себя, как мне живется. Беззаботно, решил я. И порочно. Старомодное слово, но именно оно неизвестно откуда вдруг выплыло. Мыслимо ли прожить на свете тридцать три года и совершенно не знать, какой ты на самом деле человек? Я всматривался в простые обыденные лица шедших по улице мужчин и женщин. Неужели и они тоже на грани преступления? В отеле я взял напрокат машину и забрал свой бумажник, сданный на хранение. Теперь уж я чувствовал себя не в своей тарелке, если при мне не было сотенных бумажек. Дорога на Пенсильванию была покрыта льдом, и я ехал очень осторожно. Автомобильная авария никак не входила в мои расчеты. 6

— Попросите, пожалуйста, мистера Генри Граймса, — сказал я девушке, ответившей на мой телефонный звонок. Девушка поинтересовалась, кто его спрашивает. Называться мне не хотелось. И потому я просто сказал, что звонит брат... Нас, братьев, было трое, так что в какой-то степени я сохранял инкогнито. — Кто говорит? О, неужели это ты, Дуг? Какого черта, где ты? — прогудел в трубке радостный голос брата. Он был старше меня

на семь лет, росли мы вместе, но в детстве я считался надоедливым, несносным ребенком. После моего отъезда из родного города мы почти не встречались.— Я у вас в городе. В отеле «Хилтон».— Забирай свои вещи и кати ко мне. У меня есть свободная комната для гостей. Раньше семи утра дети тебя не разбудят, — засмеялся брат. Звуки его низкого голоса перемежались с трескотней счетных машинок. Генри работал в бухгалтерии, и неумолчное стрекотание было музыкой их рабочего дня. — Я позвоню сейчас Магде и скажу, что ты будешь к обеду.— Минутку, Хэнк, — перебил я. — Хочу попросить тебя об одном одолжении.— Ради Бога, дорогой мой. Что тебе нужно?— Я обратился за получением заграничного паспорта. Для этого требуется мое свидетельство о рождении. Если запросить его, то на это уйдет недели три, а я очень тороплюсь.— Куда ты едешь?— За границу.— А куда именно?— Это неважно. Так вот, посмотри, нет ли моего свидетельства в тех бумагах, что остались у тебя после смерти матери.— Приходи к обеду и вместе посмотрим.— Я бы не хотел, чтобы твоя жена знала о моем приезде.— Почему? — озабоченно спросил брат.— Не мог бы ты отлучиться с работы, найти мою метрику и прийти ко мне в отель? И вдвоем пообедаем.— Но почему...— Потом объясню. Сможешь прийти?— Да, смогу. В начале седьмого.— Приходи в бар.— Место знакомое, — сказал Генри с радостным смешком выпивохи. Я положил трубку и некоторое время молча сидел на краю постели в невзрачном номере провинциального отеля, все еще держа руку на телефоне и спрашивая себя, стоило ли сюда приезжать. Не лучше ли было послать запрос и, укрывшись где-нибудь, недели две-три ожидать получения метрики. Нет, если уж хочешь вернее рассчитывать свое будущее, нельзя отбрасывать прошлое. А мой брат Генри играл в нем большую роль. Когда умер отец, Генри было двадцать лет, остальные дети в семье были значительно младше. Как-то само собой вышло, что он стал главою семьи и я привык слушаться его и во всем на него полагаться. Это было даже приятно. Генри был добродушный, простой и умный парень, притом весьма хорошо учившийся (в классе — всегда первый, его постоянно выбирали старостой, и по окончании школы он получил стипендию в Пенсильванском университете). У него была деловая сноровка, он не был скуп и из своих заработков щедро помогал братьям, особенно мне. Как наша мать любила при случае повторять, Генри родился, чтобы выбиться в люди и стать богачом. Он же помог мне и в спорах с матерью, ни за что не хотевшей, чтобы я стал летчиком, и платил за мое обучение в летной школе. К тому времени он уже был дипломированным бухгалтером с хорошей репутацией, прилично зарабатывал и рано женился. В последующие годы я выплачивал ему те деньги, что он истратил на мое

обучение в летной школе, хотя он никогда не напоминал мне о них. Но виделись мы по-прежнему весьма редко, общего у нас было мало, к тому же у Генри появились свои заботы: прибавления в семействе, нелады с женой. А когда нам все-таки удавалось собраться вместе, Магда, его супруга, с глупой назойливостью изводила меня расспросами, почему я еще не женат. Словом, я понимал, что многим обязан своему брату Генри и сам виноват в том, что отдалился от него. И сейчас был даже рад тому, что бюрократические порядки заставили меня приехать к нему за помощью. Брат появился в баре, и меня поразил его вид. Когда мы расстались пять лет назад, это был крепкий, хорошо сложенный, уверенный в себе мужчина. А сейчас казалось, что эти годы совершенно измотали его. Он весь как-то съежился, согнулся; волосы на голове очень поредели, стали какие-то желтовато-серые. Он теперь носил очки с толстыми стеклами в золотой оправе, от них на переносице оставался глубокий след. Пробираясь между столиков полуосвещенного бара, Генри походил на трусливо озиравшегося зверька, вылезшего из своей норы и готового при первом же признаке опасности юркнуть обратно. Поднявшись из-за стола, я окликнул его. Мы молча пожали друг другу руки. Генри, наверное, понимал, что резкие изменения во всем его облике бросились мне в глаза и я пытаюсь не подавать виду, что замечаю их. — Тебе повезло, сразу же нашел, — сказал брат, вынув из кармана конверт и вручая его мне. Я вытащил из конверта свидетельство. Итак, все в порядке — бытие мое законно подтверждалось. Дуглас Трейнор Граймс, мужского пола, родился в США, сын Маргарет Трейнор Граймс. Пока я рассматривал пожелтевший листок бумаги, Генри торопливо снял с себя пальто и повесил его на спинку стула. Пальто было поношенное, обшлага и локти лоснились. — Что выпьешь, Хэнк? — обратился я к нему с нарочито подчеркнутой сердечностью. — Коктейль из виски, как обычно, — сказал Генри. Голос его не изменился, был таким же низким и звучным, подобно ценной, заботливо хранимой реликвии, оставшейся от прошлых лучших дней. — И мне то же самое, — кивнул я официанту, уже стоявшему у столика в ожидании заказа. — Ну, дорогой, значит, вернулся. Как блудный сын. — Не совсем так. Скорее, я бы сказал, остановился для дозаправки. — Ты больше не летаешь? — Я писал об этом. — Это единственное, о чем ты написал. Я, понятно, не упрекаю. — Брат развел руками, и я заметил, что руки у него немного дрожат. Боже мой, подумал я, ведь ему всего сорок лет. — Все у нас чертовски заняты, — продолжал он. — Общаемся редко, а годы уходят. Вот и идем своими, различными путями. Подали заказанные коктейли, мы чокнулись, и Генри с жадностью, одним глотком хватил полстакана. — После целого дня в конторе... — поймав мой взгляд, пояснил Генри. — Ах, эти унылые конторские дни. — Да

уж, представляю себе.— А теперь рассказывай о своей жизни, — сказал Генри.— Нет, сначала ты расскажи о Магде, о своих детях и обо всем прочем. Мы выпили еще по два коктейля, пока Генри рассказывал о своей семье. Магда превосходная жена, но устает от всего — и от работы в родительско-преподавательской ассоциации, и от преподавания стенографии по вечерам. Его три дочери очаровательны. У старшей, четырнадцатилетней, свои трудности. Она очень нервная, как и все дети переходного возраста в наши дни, приходится ее немного подлечивать у психиатра. Затем была вытащена из бумажника и продемонстрирована семейная фотография. Вся семья снялась на берегу озера. Жена и дети загорелые, крепкие, веселые, а сам Генри, бледный, печальный, в больших до смешного трусах, походил на утопленника. А вот новости о нашем младшем брате Берте поразили меня.— Он работает на радио в Сан-Диего, ведет программу для гомиков, — пояснил Генри. — Странно, прежде мы ничего такого за ним не замечали. Или ты замечал? Я признался, что нет.— Ладно, ничего не поделаешь, — вздохнул Генри, — в наши дни это уже не редкость. Но все-таки, чтобы такое случилось в нашей семье... Отец перевернулся бы в гробу. Но Берт — славный малый, каждое Рождество присылает детишкам гостинцы из Калифорнии. Не знаю, правда, как бы я его встретил, вздумай он приехать сюда. Наша замужняя сестра Клара жила в Чикаго, у нее уже двое детей. Знаю ли я об этом, поинтересовался Генри.— Знал, что она замужем, но о детях ничего не знал.— Мы совсем растеряли друг друга, — со вздохом проговорил Генри. — В наше время семьи распадаются. Через несколько лет уйдут и мои дети, и мы с Магдой останемся вдвоем у телевизора. — Он горестно покачал головой. — Где мои радостные мысли о счастливом будущем? Правда, что-то и радуется. Эти ублюдки наверху не возьмут у меня сына, чтобы он погиб в одной из их проклятых войн. Что это за страна, где надо благодарить Бога, что у тебя нет сына? Вот тебе и счастье. — Он опять покачал головой, как если бы завел разговор о том, чего лучше не касаться. — Выпьем еще? Передо мной стоял почти полный стакан, но Генри заказал еще два коктейля. Вскоре он напьется. Возможно, тут и крылась разгадка, но я знал, что лишь этим всего не объяснишь.— Клара живет хорошо, — продолжал Генри. — По крайней мере, так она пишет, когда соизволит осчастливить нас письмом. Ее муж — важная шишка в биржевой маклерской фирме. У них своя яхта на озере. Представляешь, а? Но хватит о нас. Как твои дела? — Поговорим после ужина. В ресторане Генри заказал обильный ужин.— Как насчет бутылки вина? — спросил он, широко улыбаясь, словно его осенила весьма удачная мысль.— Как хочешь, — ответил я, хотя и видел, что от вина ему станет еще хуже. Но я с детства привык, что всегда решает он. За ужином Генри почти ничего не ел, налегая на вино. Порой, вспомнив, что он

как-никак глава семьи, он пытался отрезветь, вскидывал голову и говорил строгим голосом, сидя очень прямо. В один из таких моментов он потребовал, чтобы я поведал ему о себе.— Где ты был, что делал? Что привело тебя сюда? Как я понимаю, ты нуждаешься в помощи. Я небогат, но сумею наскрести...— Ничего не нужно, Хэнк, — поспешно перебил я. — Деньги для меня не проблема.— Вот как? — горько усмехнулся Генри. — Ты так думаешь?— Послушай, Хэнк, — сказал я, наклонившись к нему через стол и понизив голос, чтобы привлечь его внимание. — Я очень далеко уезжаю.— Далекое? Куда же? Ты всю жизнь куда-то уезжаешь.— На этот раз совсем иное. Я уезжаю, быть может, очень надолго. Сначала в Европу.— Работа в Европе?— Не совсем.— У тебя нет работы?— Не задавай, пожалуйста, лишних вопросов, Хэнк. На неопределенное время я уезжаю. И не знаю, сумеем ли мы когда-нибудь снова увидеться. Может, и нет. Но я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Хочу сказать, что очень ценю это.— А, ерунда, Дуг. Забудь об этом.— Нет, не забуду. Ведь отец умер, когда мне было всего тринадцать лет.— Отец оставил после себя небольшую страховку, — с гордостью заметил Генри. — Небольшой, но замечательный страховой полис. Нельзя было ожидать этого от рабочего на заводе. Человека, который зарабатывал на жизнь своими руками. Однако он прежде всего думал о своей семье. Что было бы со всеми нами, если бы не его страховка?— Я не об этом.— Слушай бухгалтера, когда дело касается страховки.— Отца-то я плохо помню. Я был ребенком и редко видел его. Как мне кажется, домой он по большей части приходил лишь затем, чтобы поесть. Мне трудно припомнить даже его лицо.— Его лицо? — повторил Генри. — Лицо честного, твердого человека, который никогда не сомневался в себе. Лицо прошлого века. Чувства долга и чести выражали простые черты этих лиц. Но отец дал мне плохой совет, — продолжал он, несколько трезвея. — Тоже из прошлого века. Все поучал меня: «Женись пораньше, парень». Ты помнишь, что он постоянно читал Библию и водил нас в церковь. Лучше жениться, чем обжигаться на девчонках, твердил он. Вот я и женился рано, послушал старика. С его страховкой или без нее, а обжигаться все-таки лучше.— Хватит, ради Бога, о страховке.— Как скажешь, братец. Ты же пригласил меня на ужин. Ведь ты угощаешь, правда?— Конечно. Хватит об отце. Он мертв. О матери тоже говорить не будем — и ее нет в живых. Они работали не покладая рук, чтобы поднять семью. И вот один из нас вещает на радио для педерастов, другой — пьянчуга-бухгалтер, тоже лезет из кожи, чтобы поднять семью. Я это говорю в утешение отцу — у него была своя вера. Что ж, у Клары есть яхта, у нашего диктора Берта — мальчики с пляжей Калифорнии, у меня — бутылка, — он расплылся в глуповатой улыбке.— А у тебя что, братец?— Пока еще не знаю.— Еще не знаешь? — гримасничая, воскликнул

Генри. — Тебе сколько, тридцать два или тридцать три года? И все еще не знаешь? Счастливчик, у тебя, выходит, все впереди. А вот у меня, помимо бутылки, еще совсем плохие глаза. Можешь представить себе слепого бухгалтера? Так вот, лет через пять я с голой задницей окажусь на улице!— Боже мой! — вскричал я, потрясенный совпадением. — По той же причине меня отстранили от полетов!— Вот как, — произнес Генри. — А я-то думал, что ты разбил какой-нибудь самолет или переспал с женой своего босса.— Увы, — вздохнул я. — Все дело в чертовой сетчатке. Она-то и доконала меня.— У всех нас глаза ни к черту, — по-дурацки захихикал Генри. — Фатальный порок семьи Граймсов. — Он снял очки и протер слезившиеся глаза. Вдавленный след на переносице походил на глубокую рану. Глаза его без очков казались пустыми, лишенными всякого выражения. — Но ты заявил, что едешь в Европу. У тебя богатая бабенка? Она везет тебя?— Ничего подобного.— Послушай моего совета — найди себе такую. Роман для души — это ерунда. Вот я совсем в другом положении. Моя жена презирает меня.— Никогда не замечал этого, Хэнк. — И в самом деле, на снимке его жена Магда не походила на женщину, презиравшую кого-нибудь. Я несколько раз встречался с ней, и она производила впечатление благожелательной, уравновешенной женщины, пекущейся о благополучии своего мужа.— Ты не понимаешь, братец, — с горечью проговорил Генри. — Она явно презирает меня. Хочешь знать почему? Да потому, что по ее высоким американским меркам — я никчемный неудачник. Она не может купить себе нового платья, а ее подруги покупают. Дом наш уже лет десять не ремонтировался. Мы задолжали за телевизор. У нас старенький автомобиль. Я лишь бухгалтер, а не компаньон фирмы. Считаю чужие деньги — и только. А ты знаешь, что хуже всего на свете? Чужие деньги...— Хватит, Хэнк, прошу тебя, — остановил я его. Трудно было вынести, да еще за обедом, такую волну самобичевания, хорошо еще, что его не слышали за соседним столиком.— Позволь закончить, братец, — взмолился Генри. — Жена упрекает, что у меня плохие зубы и дурно пахнет изо рта, а все потому, что мне не по средствам пойти к зубному врачу. А пойти я не могу, так как все три чертовы дочки каждую неделю ходят к нему для выпрямления зубов, чтобы потом, когда подрастут, могли улыбаться, как кинозвезды. И еще она презирает меня за то, что я уже пять лет не спал с ней.— Почему?— Я импотент, — с жалкой улыбкой признался Генри. — У меня все основания быть импотентом. Уж поверь слову своего брата. Помнишь ту субботу, когда ты вернулся домой и застал меня в постели с девицей? Как ее звали, черт возьми?— Синтия.— Вот-вот. Синтия. Синтия с большими сиськами. Она завопила, как недорезанная курица, — по сей день у меня в ушах звенит ее визг. А потом, когда я расхохотался, она вlepила мне затрещину.

Что ты тогда подумал про своего старшего брата?— Да ничего особенного. Я даже не понимал, чем вы занимались.— Но теперь-то понимаешь?— Да.— Тогда я не был импотентом, верно?— Господи, да откуда мне знать?— Уж поверь мне на слово. Ты рад, что снова приехал к нам в Скрантон?— Послушай, Хэнк, — сказал я, взяв его за руки и крепко сжав их, — ты достаточно трезв, чтобы понять то, что я скажу тебе?— Близок к тому, — хихикнул он и затем, нахмурясь, бросил: — Отпусти руки. Я отпустил его руки, вынул бумажник и отсчитал десять сотенных.— Вот тебе тысяча долларов, — сказал я и, наклонившись, сунул их ему в нагрудный карман пиджака. — Не забудь, где они. Генри шумно вздохнул, полез в карман, вытащил деньги и стал разглаживать на столе каждую бумажку.— Чужие деньги, — бормотал он. Казалось, он совершенно протрезвел.— Итак, завтра я уезжаю, — продолжал я.— Далеко, за границу. Время от времени буду давать знать о себе. Если тебе еще понадобятся деньги, ты их получишь. Понятно? Генри старательно сложил деньги и спрятал их в бумажник. Слезы полились из его глаз, молчаливые слезы, катившиеся из-под очков по его мертвенно-бледным щекам.— Не надо плакать. Ради Бога, не плачь, Хэнк, — упрашивал я.— Ты, наверное, попадешь в беду, — печально произнес Генри.— Возможно, что и так. Во всяком случае, я уеду. Если кто-нибудь придет к тебе и будет спрашивать обо мне, ты меня не видел и ничего не знаешь. Ясно?— Да, понятно, — кивнул Генри.— Позволь, Дуг, задать лишь один вопрос. Дело-то стоящее?— Пока еще не знаю. Там видно будет. Давай-ка выпьем по чашке кофе.— Не надо мне кофе. Могу выпить его и у себя в счастливом доме с драгоценной женой. Мы поднялись из-за стола, я помог брату надеть пальто. Потом расплатился с официантом, и мы пошли к выходу. Генри, ссутулившись, весь какой-то скособоченный, припустил было вперед, потом приостановился, пропуская меня к двери.— Знаешь, — сказал Генри, — что говорил мне отец перед смертью? Он признался, что из всех сыновей больше всех любит тебя. Сказал, что ты самый лучший, чистая душа. — Тон у Генри был, как у обиженного ребенка. — Как думаешь, зачем понадобилось ему на смертном одре говорить такое своему старшему сыну? И он зашагал к выходу. Я распахнул перед ним дверь, невольно подумав, какое для меня это стало привычное дело — распахивать двери. На улице было холодно, дул порывистый пронизывающий ветер. Генри съежился и торопливо застегнулся на все пуговицы. Я крепко обнял его и чмокнул в еще мокрую щеку, ощутив на губах соль. Потом усадил в такси. Прежде чем таксист успел завести мотор, Генри остановил его, похлопав по плечу, и опустил боковое стекло с моей стороны.— Послушай, Дуг, — сказал он, — я только что понял, в чем дело. Весь вечер я недоумевал и ломал себе голову, не в силах понять, что в тебе такого

странного. Ты ведь больше не заикаешься!— Да, — подтвердил я.— Как ты это устроил?— Лечился у логопеда, — брякнул я. Впрочем, что лучше я мог придумать?— Здорово, просто потрясающе. Везунчик же ты!— Угу, — согласился я. — Я везунчик. Спокойной ночи, Генри. Он поднял стекло, и такси покатило прочь. Я грустно глядел вслед машине, увозившей моего старшего брата, о котором мать говорила, что из всех нас он один рожден для богатства и счастья. Вернувшись к себе в номер отеля, я уселся перед телевизором. На экране мелькала одна реклама за другой, причем назойливо расхваливались такие вещи, которые я никогда бы не стал покупать. Я плохо спал в эту ночь, мучимый стремительными мимолетными видениями: то какие-то женщины, то чьи-то похороны. Меня разбудил звонок телефона, стоявшего на столике у изголовья кровати. Взглянув на часы, я увидел, что был восьмой час утра.— Дуг, — услышал я в трубке голос брата. Кто же еще мог знать, что я здесь. — Дуг, мне надо повидаться с тобой. Я вздохнул в досаде. Вчерашней встречи мне вполне хватило бы еще лет на пять.— Где ты? — спросил я.— Внизу в вестибюле. Ты уже завтракал?— Нет, конечно.— Так буду ждать тебя. — И он повесил трубку, не дожидаясь ответа. Генри сидел за чашкой черного кофе, один во всем зале, освещенном неоновыми лампами. За окном было еще темно. Он всегда вставал рано, и это была еще одна добродетель, которая восхвалялась нашими родителями.— Извини, что разбудил тебя, — сказал брат, когда я сел за его столик. — Мне надо было непременно повидаться с тобой до твоего отъезда.— Ладно, — кивнул я, еще не совсем очнувшись от своих сновидений.— Все равно ничего хорошего во сне у меня не было.— Слушай, Дуг, — несколько запинаясь, начал он, — вчера ты сказал, когда... когда дал деньги. Не подумай, что я не признателен тебе. Я нетерпеливо отмахнулся:— Давай больше не говорить об этом.— И затем ты сказал... сказал, что если мне понадобится...— Да, говорил.— Значит, ты имел в виду...— Иначе бы не сказал.— И даже... даже двадцать пять тысяч? — он покраснел, выговорив такую цифру. Я лишь на миг поколебался.— Да, если ты нуждаешься в них, — подтвердил я.— Ты хочешь знать, для чего нужны эти деньги?— Если тебе угодно, — ответил я, сожалея о том, что вчера не уехал из города.— Эти деньги не только для меня, а для нас обоих. В конторе я веду счета разных клиентов. И есть одна маленькая только что организовавшаяся компания. Двое очень способных молодых людей. Оба из Массачусеттского института. У них идея, которая может стать большим, весьма большим делом. Они подали заявку на патент новой системы миниатюризации. Для всех видов электронного оборудования. Но у них нет средств. А чтобы начать дело, нужно не менее двадцати пяти тысяч. Они обратились в банк за кредитом, но банк отказал. Мне известно их положение, потому что я веду их счета и говорил с ними.

Словом, я могу войти к ним третьим компаньоном и получить треть акций. Стану членом правления компании, ее казначеем, чтобы охранять наши интересы. Как только наладится выпуск продукции, они сразу выйдут на Америкс.— Куда?— На Американскую биржу,— пояснил Генри и с удивлением посмотрел на меня.— Где ты, черт возьми, был все эти годы?— Нигде. Между небом и землей.— И даже нельзя предвидеть, как высоко могут подняться акции этой компании. Из нашей доли ты получаешь две трети, а я одну. Ты находишь это несправедливым? — с тревогой спросил он.— Вовсе нет, — ответил я, мысленно уже поставив крест на этих двадцати пяти тысячах. Во всяком случае, кроме наличных денег, лежавших в моем сейфе, все остальное казалось мне сомнительным.— Ты благородный человек, Дуг. Очень благородный, — с дрожью в голосе произнес брат.— Брось ты это, — резко оборвал я.— Никакой я не благородный. Сможешь в среду приехать в Нью-Йорк?— Конечно, смогу.— Я приготовлю деньги. Наличными. Накануне во вторник позвоню тебе в контору и скажу, где мы встретимся.— Наличными? — удивился Генри.— А почему не чеком? Неприятно везти столько денег с собой.— Ничего, справишься с этой ношей. Чеков я не выписываю. Я мог заметить, как изменился в лице мой брат. Он хотел получить деньги, очень хотел, но как человек порядочный и вовсе не дурак, он теперь совершенно не сомневался в том, что откуда бы у меня ни взялись деньги — это нечестные деньги.— Не хочу, Дуг, причинять тебе беспокойство, — с усилием проговорил Генри.— Я... я смогу обойтись и без этого.— Видно было, чего ему стоило вымолвить последние слова.— Пусть каждый решает за себя, — коротко отрезал я.— Так или иначе, а во вторник утром жди моего звонка. Генри тяжело вздохнул, как вздыхает человек, которому предстоит принять трудное решение. Я был рад уехать наконец из Скрантона и катить по покрытому льдом шоссе обратно в Вашингтон. Вспомнив о предстоящей в этот вечер игре в покер у Хейла, я пощупал в кармане мой талисман — серебряный доллар. В штате Мэриленд, где шоссе не было обледеневшим, меня задержали за превышение скорости, но я быстро откупился, дав полицейскому пятьдесят долларов. Загнувшийся в «Святом Августине» мистер Феррис, или как там его звали на самом деле, предоставил мне возможность сорить деньгами для укрепления американского образа жизни.⁷

Был уже конец дня, когда я приехал в Вашингтон. Памятники президентам, генералам, монументы правосудию и закону — весь этот сомнительный

пантеон дорийско-американского стиля уже неясно вырисовывался в теплом южном тумане надвигавшихся сумерек. Казалось, что Скрантон, откуда я приехал, был совсем в другом климате, в другой стране, в другой цивилизации. Улицы столицы были почти пусты, лишь отдельные прохожие неторопливо брели в мягких сумерках. Как объяснил мне вчера при встрече школьный друг Джереми Хейл, Вашингтон лучше всего выглядит в конце недели, когда останавливаются жернова в правительственной машине. Со второй половины дня в пятницу и до утра понедельника в столице вполне возможно верить в ценности и благолепие демократии: В отеле не было для меня ни писем, ни каких-либо иных посланий. Я поднялся к себе в номер и позвонил домой Хейлу. Мне ответил чистый, как колокольчик, детский голосок, и я вдруг остро пожалел, что у меня нет ребенка, который бы вот так звонко, с чувством воскликнул: «Папа, тебя к телефону». — Ну как, игра состоится? — спросил я Хейла. — О, ты вернулся. Очень хорошо. В восемь заеду за тобой. В моем распоряжении, следовательно, было около трех часов, и у меня мелькнула мысль, не позвонить ли на квартиру Эвелин и узнать, кто из женщин дома. Однако пришлось бы предупредить, что смогу побыть лишь пару часов. Нет, я не из того сорта мужчин и никогда не стану таким. Пусть мне будет хуже. Побрившись, я роскошно разлегся в горячей ванне, перебирая в уме сплошные удачи последних дней. Надо же, такое везение! «Карл украл у Клары кораллы, а Клара украла у Карла кларнет», — громко и без запинки произнес я в наполненной паром ванной комнате. За последние пять суток я ни разу не заикался. Я просто чувствовал себя, как калека, отбросивший прочь костыли и весело заплясавший после купания в чудодейственном источнике Лурда. А потом еще эти деньги, что хранятся в подвале нью-йоркского банка. Вновь и вновь представлял я себе многообещающие пачки долларов, покоившиеся в моем стальном ящичке. Затем ночка с этой Эвелин Коутс... Выходит, не зря помер тот старик в коридоре «Святого Августина». Я вышел из ванны отдохнувшим и свежим, тщательно оделся и спустился в ресторан, где пообедал без капли вина ввиду предстоящей серьезной игры в покер. Когда Хейл заехал за мной, я еще раз пощупал серебряный доллар, чтобы убедиться, что он у меня в кармане. Вы, быть может, и знаете игрока, из живых или умерших, который не был бы суеверным, а я лично никогда и не слышал о таком. Не знаю, помог ли в данном случае мой серебряный талисман, но мы не разбились чудом — так безрассудно мчался Хейл по дороге в Джорджтаун, где еженедельно по субботам собирались в местном отеле для игры в покер. На одном перекрестке, который он проскочил по красному сигналу, послышался дикий визг тормозов встречной машины, резко свернувшей в сторону, чтобы избежать столкновения. Из нее по нашему адресу (непонятно

почему) заорали: «Проклятые черномазые!» А ведь, учась в колледже, Хейл слыл осторожным водителем.— Прости, Дуг, — извинился он. — Почему-то в субботний вечер все как с цепи срываются. Я промолчал, но про себя подумал, что выбрал для игры не самую спокойную компанию. В небольшой укромной комнате стоял круглый солидный стол, покрытый зеленым сукном. На буфете — батарея бутылок, лед, рюмки и стаканы. Словом, обстановка карточного клуба, вплоть до яркого освещения. С некоторым нетерпением предвкушал я предстоящую игру. Когда мы вошли, в комнате находилось трое мужчин и женщина, которая стояла спиной к нам, приготовляя себе коктейль. Хейл представил меня мужчинам. Как я позднее узнал, один из них был весьма известный журналист, другой — конгрессмен от штата Нью-Йорк, походивший на кроткого седовласого Гардинга, бывшего президента, в котором не было ничего президентского. И, наконец, третий был довольно молодой адвокат по фамилии Бенсон, служивший в министерстве обороны. Еще никогда в жизни мне не доводилось знакомиться ни с известным журналистом, ни с конгрессменом. Поднимаюсь ли я вверх по социальной шкале или спускаюсь вниз? Когда женщина обернулась, чтобы поздороваться с нами, я не удивился, увидев Эвелин Коутс.— Мы уже знакомы, — сдержанно, без улыбки, заметила она, когда Хейл хотел представить меня. — Я знаю мистера Граймса. Познакомилась с ним у вас же в доме, Джерри.— У меня, должно быть, совсем отшибло память, — обронил Хейл. Он казался расстроенным и, как в лихорадке, то и дело нервно потирал подбородок. Про себя я решил, что в этот вечер он, наверное, взвинтится и проиграет. Эвелин была в свободном бежевом свитере и темно-синих в обтяжку брюках. В детстве она, видимо, была из тех девчонок, что с мальчишками играют в футбол. Когда мы уселись за стол и стали отсчитывать фишки, только она одна села со стаканчиком в руке. Привычным движением разложила перед собой столбики фишек.— Эвелин! — крикнул через стол Бенсон, когда конгрессмен начал сдавать карты. — Будьте хоть сегодня милосердны к нам!— Без гнева и пристрастия, — ответила она латинской поговоркой. Как я заметил, этот адвокат, поддразнивая, все приставал к ней. Мне не нравился его хорошо поставленный самоуверенный голос. Но, взяв в руки карты, я выкинул все прочее из головы. К игре все относились весьма серьезно, играли почти в полном молчании, перебрасываясь короткими замечаниями в промежутках между сдачей карт, Хейл говорил мне, что игра обычно умеренная, никто за вечер не проигрывал больше тысячи долларов. Если бы у него не было богатой жены, то вряд ли он назвал бы такую игру умеренной. Было заметно, что Эвелин ловкий и искусный игрок, настойчивый и неожиданный в своих решениях. На очень маленькой карте,

всего две восьмерки, она сорвала большой банк. В иные времена о ней бы сказали, что она играет по-мужски, как заправский картежник. Выигрывала она или проигрывала, выражение ее лица не менялось, оставаясь всегда холодным и деловитым. Когда я сейчас посматривал на нее, мне было даже трудно представить себе, что лежал с ней в постели. На незначительном «стрите»^[4] я снял самый большой банк за весь вечер. У меня прежде никогда не было столько денег за спиной, потому теперь я играл спокойно и уверенно, не рисковал без оснований, а в сомнительных положениях по большей части пасовал. Известный журналист и конгрессмен, предупредил меня Хейл, были мальчиками для битья. Играли они столь азартно и эмоционально, что проигрывали почти в каждой сдаче. Я невольно засомневался в их профессиональных качествах. Во всяком случае, доверие к репортажам журналиста у меня теперь точно подорвано, а конгрессмена я бы с удовольствием лишил законодательного голоса. Обстановка была дружеская, и даже проигравшие добродушно переносили свои потери. После трехлетнего перерыва я играл с удовольствием, которое несколько отравляло поведение Эвелин. Я ожидал уловить с ее стороны какой-нибудь скрытый знак, мимолетный выразительный взгляд, улыбку, но она даже и бровью не повела. Меня уязвляло ее поведение, но я не позволил, чтобы это как-то отразилось на моей игре, и был вдвойне доволен, когда однажды побил ее карту и снял банк. К двум часам ночи, когда закончили игру, лишь Эвелин и я были в выигрыше. Пока конгрессмен как банкомет вел подсчеты, я благодарно нащупал в кармане свой серебряный доллар. Официант внес закуски, и все занялись ими в ожидании окончательных расчетов. Приятно, подумалось мне, каждую неделю встречаться в такой комнате, в кругу одних и тех же друзей, зная назубок их телефоны, адреса, манеры и шутки. В какой-то момент я даже готов был предложить приехать сюда на следующей неделе, чтобы дать им возможность отыгаться. Что ж, может, стоит пустить корни за карточным столом в такой защитной среде, как правительственные чиновники? Смогу ли я тут быстро обосноваться? Если бы Эвелин Коутс хотя бы улыбнулась мне в эту минуту, я бы, очевидно, объявил о своем приезде на следующей неделе. Но она даже не взглянула в мою сторону. Чтобы дать ей возможность сказать мне несколько слов в сторонке, я подошел к окну в дальнем конце комнаты и открыл его под предлогом, что жарко, накурено и очень душно. И опять-таки она не обратила никакого внимания на меня. Вот сука, подумал я, но ты не дождешься, чтобы я позвонил тебе, когда вернусь в отель. Я представил себе в ее квартире этого адвоката с бледным одутловатым лицом. Звонит телефон, и она с довольной улыбкой небрежно замечает: «Черт с ним, пусть звонит», отлично зная, кто это может звонить. Я не был настойчив и

тверд с женщинами. Ни с одной женщиной, если честно признаться. Потому, вероятно, я решил с шумом захлопнуть окно, чтобы она взглянула в мою сторону и вспомнила о моем присутствии. Между тем известный журналист и конгрессмен затеяли долгий спор о политической жизни Вашингтона. Журналист обвинял президента в том, что тот пытается уничтожить американскую прессу, увеличивая почтовую оплату, чтобы привести к банкротству журналы и газеты, сажает в тюрьму репортеров, отказывающихся раскрыть источники информации, угрожает лишить льгот телеи радиостанции, передающие материалы, неприятные правительству, — словом, все это я читал, когда мне изредка попадались на глаза его статьи. Даже я, редко читавший газеты, был сыт по горло всеми этими высказываниями, но мне было интересно, как вот эти люди, со всех сторон теснимые противоречивыми аргументами, все же умудряются голосовать за что-нибудь или против чего-нибудь. Конгрессмен, не поднимая глаз, продолжал усердно, у него даже лоб вспотел, сыпать пустыми словами. Он был любезен и приветлив в споре и, полагая, голосовал, как ему указывали, постоянно сообразуясь с партийными инструкциями на каждом выборах. По его высказываниям трудно было определить, республиканец ли он; демократ или последователь Мао. Когда Эвелин заговорила об Уотергейтском деле, сказав, что это грозит серьезными последствиями для президента, известный журналист тут же перебил ее: — Чепуха, не таков этот человек. Он очень ловок, и, запомните мои слова, все будет шито-крыто. Если, скажем, в мае вы заговорите об этом деле, то все спросят: «Уотергейт? А что это?» Поверьте мне, — подчеркнуто произнес он с уверенностью человека, привыкшего, что его всегда внимательно слушают, — мы открыто идем к фашизму. — Произнося свои тирады, он жевал сандвич, запивая шотландским виски. — Технократы подготовили почву для этого. И меня не удивит, если сами они останутся в стороне. Однажды утром мы проснемся и увидим танки на Пенсильвания-авеню и пулеметы на крышах домов. Вот этого предсказания не было ни в одной из его статей, которые я читал. Что ж, приезжайте в Вашингтон, чтобы услышать подлинно достоверные, жутко секретные пророчества. На адвоката из Пентагона все эти обвинения, как видно, не производили никакого впечатления. Это был весьма спокойный, даже невозмутимо добродушный, очень гибкий и компанейский человек. — Возможно, это не так уж и плохо, — сказал он. — Наша пресса стала совсем безответственной. Из-за нее мы проиграли войну в Азии. Она подбивает народ против президента, вице-президента, относится с презрением ко всем властям, что делает все более и более невозможным управление страной. Быть может, следует передать технократам, как вы их называете, контроль на несколько лет, и это будет

лучший выход для нашей страны.— О, наш Джек правоверный, — вмешалась Эвелин. — Голос Пентагона. Какая ерунда!— Если бы вы видели документы, их день за днем кладут мне на письменный стол, вы бы не назвали мои слова ерундой.— Мистер Граймс, — повернулась ко мне Эвелин с холодной улыбкой, — вы не варитесь в нашем вашингтонском месиве. Вы представляете здесь неиспорченный американский народ. Позвольте же нам услышать из ваших уст простую мудрость масс...— Эвелин, — остановил ее Хейл, как видно, хотевший сказать: «Он же наш гость». Я с раздражением взглянул на нее, недовольный тем, что она провоцирует меня, испытывает в своих не совсем невинных целях.— Неиспорченный представитель считает, что эти разговоры — просто дерьмо собачье. — Я вспомнил при этом, как она сидела голая в темноте на краю постели со стаканчиком виски в руках и говорила мне, что все в Вашингтоне актеры, играющие положенные им роли. — Вы люди несерьезные. Для вас это лишь игра. А вот для неиспорченных, как вам было угодно назвать их, это уже не игра, а сама жизнь, и налоги, и всякие другие тяготы, которые для вас не существуют. Ваши разногласия значат не больше, чем цвет формы у бейсбольных команд. Он нужен только для того, чтобы знать, какая из команд ведет в счете. А по существу, все вы играете одну и ту же игру. — Я сам внутренне удивлялся тому, что говорил им, ибо никогда прежде не высказывал ничего подобного. — Если вас переманят в другую команду, то вы сбрасываете с себя прежнюю форму и облачаетесь в новую, пытаетесь подняться повыше.— Позвольте задать вам вопрос, Граймс, — учтиво обратился адвокат. — Вы голосовали на последних выборах?— Да, сделал такую глупость. Но не намерен повторить ее снова. Это занятие недостойно взрослого человека.— Простите меня, друзья, — вмешалась Эвелин. — Вот уж никак не думала, что среди нас такой простодушный политический философ.— Я вовсе не полностью против того, что им было сказано, — заметил адвокат. — Но мне непонятно, почему уж так плохо быть верным своей команде. Если она впереди, конечно, — засмеявшись, добавил он, довольный своей шуткой. В этот момент конгрессмен поднял голову, оторвавшись от своих подсчетов. Если он слышал что-нибудь из того, о чем сейчас говорилось, то не подавал виду. Да и вряд ли вообще вникал в споры на подобные темы в последние десять лет.— Итак, все точно подсчитано. Эвелин выиграла триста пятьдесят пять долларов пятьдесят центов. Мистер Граймс — тысячу двести семь долларов. Прошу вынуть чековые книжки. Проигравшие выписывали чеки, сопровождая это обычными шутками, особенно в адрес Хейла, который привел игрока, обчистившего их. Но никто не проронил больше ни слова о том, что говорилось только что о нашем житье-бытье. Засовывая чеки в бумажник, я старался

выглядеть как можно более невозмутимым. Мы вышли гурьбой, беспорядочно толклись, прощаясь с конгрессменом и известным журналистом, которые вместе уселись в такси. Адвокат взял Эвелин под руку, говоря, что им по пути и он довезет ее. Хейл уже сел в машину, а я задержался на минутку, глядя, как адвокат с Эвелин отъезжали со стоянки. До меня донесся ее низкий грудной смех, когда они исчезали в темноте улицы. Хейл молча вел машину. Когда мы остановились на перекрестке у светофора, он спросил:— Как долго ты пробудешь у нас?— Пока получу паспорт.— Затем куда?— Погляжу по карте. Куда-нибудь в Европу. Сменился красный сигнал светофора, и Хейл резко рванул вперед машину.— Боже мой, — с надрывом произнес он, — как бы я хотел уехать с тобой. Уехать куда глаза глядят. — Говорил он, словно узник, завидующий человеку на свободе. — Наша столица — сплошное болото. Взять хотя бы Бенсона, этого ничтожного сладкоречивого ублюдка из Пентагона, который был сегодня с нами. Ты счастлив, что не на службе у правительства.— О чем ты говоришь? — спросил я, действительно озадаченный его словами.— Если бы ты состоял на службе и кто-либо из сослуживцев слышал твои излияния сегодня вечером, а потом настучал на тебя начальству...— Ты имеешь в виду то, что я говорил о партиях и голосовании? — спросил я, стараясь придать своему вопросу иронический смысл, хотя на самом деле был несколько обеспокоен. — Так то была шутка. Или, во всяком случае, говорилось несерьезно.— Не шути в этом городе, дружок, — мрачно заметил Хейл. — И уж, по крайней мере, с этими людьми. Они таких шуток не понимают.— А я уж хотел было остаться и прийти в следующую субботу.— Не надо. Уезжай как можно быстрее. Я и сам готов уехать хоть к черту на рога.— Мне, конечно, неведомо, как работает ваш департамент, но почему ты не можешь попросить, чтобы тебя перевели куда-нибудь в другое место?— Просить-то я могу, — сказал Хейл, разминая сигарету, — и, наверное, попрошу. Но на службе меня считают ненадежным. И в оба присматривают за мной круглые сутки.— Ты ненадежный? Вот уж никогда бы не подумал.— Два года я находился в Таиланде. Отправил оттуда пару докладов по не совсем надлежащим каналам. — Он горько рассмеялся. — Ну, и меня вежливо убрали. Дали прекрасное место в департаменте с красивой секретаршей, даже увеличили жалованье. Со мной обошлись любезно лишь благодаря моему проклятому тестю. Но урок был ясен, и я запомнил его. Будь пай-мальчиком, а не то... — Он снова хрипло рассмеялся. — И подумать только, что я когда-то праздновал свое поступление на дипломатическую службу. А служба оказалась такой бессмысленной. Те доклады, что я составляю... Я похлопываю себя по плечу, словно отважного правдоискателя, смелого глашатая истины. Да разве на страницах моих

докладов не то же самое, что найдешь в каждой нашей газете? — Он со злостью смял сигарету и выбросил ее. — Мы живем в век адвокатов-ловкачей Бенсонов, которые от рождения приучены подниматься по сточным канавам. Хочу откровенно признаться в том, что временами происходит со мной. Бывают дни, когда у меня такое ощущение, словно я весь в дерьме. Я чищу зубы, полощу рот, моюсь, но ничто не помогает. — Мне-то казалось, что ты живешь замечательно. — Прикидываюсь, — тоскливо признался Хейл. — Должен прикидываться. А на самом деле я безупречно одетый лжец. У нас правительство лжецов, и у каждого из нас вдоволь практики. Вот и я, счастливый государственный чиновник, муж, зять, счастливый отец двух детей... Ах, для чего я говорю об этом? У тебя, наверно, достаточно и своих неприятностей. — Но если тебе так плохо и служба совсем не по душе, то почему ты не уйдешь? Не займешься чем-нибудь другим? — Чем? Продавать галстуки? — Ну, может, и что-нибудь дельное подвернется, — бодро возразил я, не упомянув все же о свободном сейчас месте ночного портъе в Нью-Йорке. — Уйди, осмотришься несколько месяцев и найдешь. — Пойми, что я без гроша. Ты судишь по тому, как мы живем. Моего жалованья едва хватает, чтобы покрыть половину расходов. Остальное подбрасывает мой праведный тесть. Его чуть удар не хватил, когда меня отозвали из Азии. А если я только заикнусь об уходе со службы, он прогонит меня и заберет к себе мою жену и детей... Ах, давай оставим это. — Он сбавил скорость, и мы поехали совсем медленно, как если бы он желал оттянуть возвращение домой, где опять столкнешься лицом к лицу с неурядицами семейной жизни, служебной карьеры и отношений с тестем. — Послушай, Дуг, — сказал он, когда мы уже подъезжали к отелю, где я остановился, — окажи мне одну услугу. — Пожалуйста, — кивнул я, подумав про себя, что после его признаний мне не следует, если это не вызывается особой необходимостью, влезать в дела моего старого школьного друга Джереми Хейла. — Приходи завтра ко мне на обед, — продолжал он, — и заговори при жене о лыжных прогулках. Скажи, что в начале следующего месяца собираешься отправиться в Вермонт, чтобы походить там на лыжах, и зовешь меня с собой. — Но меня же здесь не будет. — Это неважно, — нетерпеливо заметил он. — Только скажи жене, что ты зовешь меня. Придет время, и я смогу уехать. — Тебе нужен предлог, чтобы уехать одному? — Не совсем так. Это более сложно. Есть одна девушка... — Ого! — Вот тебе и «ого», — он принужденно засмеялся. — Не похоже на меня, не так ли? — заносчиво спросил он. — Откровенно говоря, нет. — И в самом деле. Это впервые со времени женитьбы. И не думал и не гадал, что такое случится. А вот случилось, и я просто голову потерял. Мы там и сям встречаемся украдкой, иногда на несколько минут, на

какой-нибудь час. Это мучит, изводит нас, особенно в этом городе, где все, словно ищейки, следят друг за другом. Нас же все время тянет побыть вместе. Бог знает, что сделает моя жена, если ей кто-нибудь расскажет. Клянусь, не хочу, чтобы она узнала, но в конце концов это случится. Я сам могу не сдержаться и открыться во всем. Мне не с кем по душам поговорить здесь. У меня постоянно камень на сердце. Никогда и не думал, что так полюблю. И знаешь, кто она... Я насторожился в предчувствии, что могу услышать имя Эвелин Коутс.— Моя секретарша. Мелани Шварц.— Можно понять тебя. Она красавица.— Она больше чем красавица. И вот что я тебе скажу, Дуг. Если так будет продолжаться, я не знаю, до чего это доведет меня. Мы уедем вместе из города на неделю, на две, хотя бы на ночь... Но мы уедем... Я женат уже десять лет и не хочу разводиться. Не хочу... О черт, почему я втягиваю тебя в мои дела!— Так я приду завтра к обеду. Хейл ничего не ответил и остановил машину перед отелем.— Приезжай к семи часам, — наконец сказал он, когда я уже выходил из машины. Поднимаясь затем в лифте, я подумал, что Вашингтон недалеко ушел от Скрантона. Ложась спать, я избегал глядеть на телефон. Прошло довольно много времени, пока заснул. Должно быть, все ожидал телефонного звонка. Но звонка не было. Не знаю, разбудил ли меня звонок или я проснулся еще до него. Мне снился ужасно тяжелый сумбурный сон. Я уходил от каких-то невидимых, таинственных преследователей, бежал по темному дремучему лесу, потом вдруг оказался на виду среди развалин домов, освещенный ярким солнечным светом, и был рад, что проснулся. Звонил Хейл.— Я не разбудил тебя? — спросил он.— Нет.— Придется, знаешь, отменить сегодняшней обед. Жена говорит, что мы приглашены в гости, — с небрежной невозмутимостью сообщил он.— Что ж, ладно, — ответил я, стараясь не показать, что весьма доволен.— Кроме того, я говорил с той особой... — дальше нельзя было разобрать из-за возникшего шума.— Что за шум? — крикнул я, тут же вспомнив, что он рассказывал мне о подслушивании телефонных разговоров в Вашингтоне.— Я с детьми в зоопарке. А это лев рычит. Присоединяйся к нам.— Как-нибудь в другой раз, Джерри, — уклонился я.— Я еще не одет.— После его вчерашних признаний меня вовсе не привлекала возможность лицезреть его в роли преданного отца, посвятившего детям свое воскресное утро. Я плохо разбирался в семейных делах, но уж никак не хотел быть пособником в обмане детей.— Так приходи завтра с утра ко мне на работу и не забудь захватить свидетельство о рождении.— Нет, не забуду. Тут лев снова заревел, и я повесил трубку. Я уже стоял под душем, когда телефон зазвонил опять. Мокрый, намыленный, я вылез из ванны и схватил трубку.— Ждала, сколько смогла, — услышался в трубке голос Эвелин. По телефону он

звучал ниже обычного. — Сейчас уйду из дому. Мог бы и позвонить вчера после игры или хотя бы сегодня утром, — в ее словах сквозило раздражение уязвленной самонадеянности. — А мне как-то и в голову не пришло, — невинным тоном солгал я, откидываясь назад, чтобы вода с меня не капала на постель. — Кроме того, тебя вчера как будто подхватили. — Что ты сейчас делаешь? — спросила она, пропустив мимо ушей мое замечание. — Принимаю душ, — ответил я, чувствуя, что мне становится все трудней разговаривать с ней. С мокрой головы холодные капли воды стекали по спине, мыльная пена щипала глаза. — Как ты отменно учтив, — засмеялась она. — Выскакиваешь из-под душа к телефону. Ты, верно, почувствовал, что это я звоню? — Возможно, меня осенила такая мысль. — Могу я пригласить тебя отобедать со мной? Я недолго колебался с ответом. Так или иначе, а ничего лучшего, чем бы занять свой сегодняшний день, у меня не было, и я согласился. — Встретимся в «Треjder Вике», — предложила она. — Это полинезийский ресторанчик в «Мэйфлауере». Там приятный полумрак, который скроет круги под моими глазами после бессонной ночи. В час удобно? — Вполне, — сказал я и чихнул. Эвелин прыснула. — Иди, домывайся, — сказала она, — только не забудь потом вытереться досуха. А то перезаразишь потом наших республиканцев. Повесив трубку, я снова чихнул. В ванную возвратился на ощупь — глаза немилосердно саднило из-за чертового мыла. Хорошо, что в ресторанчике полумрак, подумал я. Хоть глаза отдохнут. Почему-то во мне засело ощущение, что при встречах с Эвелин Коутс мне лучше быть в форме. Мы кончали обедать в тускло освещенном зале, официант, не то китаец, не то малаец или таитянин, уже наливал нам в кофе светившийся синим пламенем ром, когда Эвелин вдруг сказала: — Граймс, ты производишь впечатление человека, который что-то скрывает. Ее замечание крайне удивило меня. До этого наша беседа была почти совершенно безличной. Мы говорили о еде, о винах (без какого-либо видимого эффекта она выпила три большие рюмки крепкого рома), о вчерашней игре в покер (хвалила мою манеру игры, а я, в свою очередь, ее), о различных слоях вашингтонского общества — словом, журчало то изящное суесловие, которым приветливая и словоохотливая женщина занимает в течение часа приехавшего издалека собеседника. Я обратил внимание, что одета она со вкусом. На ней был свободного покроя костюм из твида и простая голубая блузка с высоким воротом. Ее светлые волосы свободно ниспадали на спину и были по-девичьи перехвачены голубой лентой. Сам я больше помалкивал, не подавая виду, что меня весьма занимает, почему она захотела встретиться со мной. С ее стороны не было ни малейшего намека на ту ночь, что она провела со мной, и я также решил первым не упоминать об этом. — Да, что-то безусловно скрываешь, —

повторила она.— Не понимаю, о чем ты говоришь, — пожал я плечами, избегая, однако, встретиться, с ней взглядом.— Не сомневаюсь, что я права, — продолжала она. — Вижу тебя в третий раз и не имею ни малейшего представления о том, откуда ты, куда собираешься, что делаешь в Вашингтоне, чем вообще занимаешься и почему не позвонил мне вчера ночью. — Она наигранно улыбнулась и выпила. — Любой другой мужчина, с кем бы я встретилась три раза на неделе, уже поведал бы мне всю свою биографию. И какими важными делами он занимался, и сколько купил акций, и с какими влиятельными лицами связан, и какие у него отношения с женой...— Я не женат.— Прекрасно! — воскликнула она. — Один факт у меня в руках. Поверь, я не собираю сведения о тебе и не докапываюсь до чего-нибудь. Меня лишь занимает, почему внезапно ты оказался вынужден что-то скрывать. Пожалуйста, не признавайся, в чем тут дело, — она вытянула руку, как бы желая остановить меня. — Это может оказаться значительно менее интересным, чем я думаю. Просто скучным. Но об одном мне бы хотелось спросить тебя, если ты не возражаешь.— Пожалуйста, — коротко кивнул я.— Ты останешься в Вашингтоне?— Нет.— Говорят, ты уезжаешь за границу.— При случае.— Как это понять?— Уеду скоро. Может, на этой неделе.— И будешь в Риме?— Наверное.— Ты готов оказать мне услугу?— Если смогу. Она пристально поглядела на меня, в раздумье постукивая пальцем по столу и, вероятно, принимая решение.— На службе, — начала она, — мне пришлось ознакомиться с некоторыми секретными документами, представляющими особый интерес. Я взяла на себя смелость снять с них ксерокопии. У нас в Вашингтоне ксерокс сейчас тайное оружие. Никто на службе не может чувствовать себя в полной безопасности. На всякий случай мне удалось собрать небольшую подборку записей весьма деликатных переговоров, которые смогут оказаться когда-нибудь очень полезными для меня и для моего друга, очень близкого и верного друга. Мы всегда заодно с ним, и мне бы хотелось предостеречь и его. Он теперь в нашем посольстве в Риме. Так вот, мне нужно надежным образом переслать ему некоторые бумаги, очень важные как для меня, так и для него. Почте я, конечно, не доверяю. Мой друг говорил мне, что адресованные ему письма просматриваются и у нас тут, и у него в посольстве. Не гляди на меня так удивленно. Проживешь в нашем городе с мое... — она остановилась, не закончив, но выразительно кивнув головой. — Я никому, ни одной душе здесь не доверяю. Но люди тем не менее говорят, напряжение растет, письма, как я сказала, вскрываются, телефонные разговоры подслушиваются... Полагаю, твой друг Джереми Хейл был откровенен с тобой...— Да, кое о чем рассказывал. А мне, ты думаешь, можно доверять?— Можно, — твердо, почти вызывающе произнесла она. — Прежде всего, ты не вашингтонец. А если

что и скрываешь, то, очевидно, сугубо личное, не так ли?— Пока оставим это.— Ладно, — кивнула она, мило улыбнувшись. — Но если так, то почему бы тебе не выполнить небольшое поручение? Отнимет оно у тебя не более получаса, так что давай больше не будем обсуждать. — Она нагнулась и достала из легкого кожаного чемоданчика, стоявшего у ее ног под столом, довольно плотный конверт, запечатанный тонкой липкой лентой. Бросив конверт на стол, она прихлопнула его ладонью. — Как видишь, не займет много места.— Но я не знаю, как скоро буду в Риме.— Это не спешно, — пояснила она, подтолкнув конверт ко мне. — В любое время до мая месяца. На конверте не было ни имени, ни адреса получателя. Эвелин вынула записную книжку и карандашик с золотым ободком.— Вот адрес и номер телефона моего друга, — сказала она, вырвав листок из записной книжки. — Звони ему домой. Я бы не хотела, чтобы ты передал это в посольстве. Уверена, что мой друг тебе понравится. Он знает многих в Риме и может познакомить тебя с интересными людьми. И я буду весьма благодарна, если ты черкнешь мне несколько строк, сообщив о встрече с ним.— Хорошо, напишу, — пообещал я.— Вот прелестный мальчик, — воскликнула она, сунув мне в руки конверт. — Судя по всему, ты бы не прочь время от времени встречаться со мной, верно?— Совершенно верно.— И кто знает... — продолжала она. — Если я буду знать, где ты, то и окажусь с тобой на время отпуска. То была явная выдумка, и мы оба так и понимали. Но в этом было и нечто большее для меня. Я уезжал за границу, чтобы затеряться там. Брату я пообещал, что иногда буду сообщать о себе, но он не должен был знать, где я нахожусь. Глядя сейчас через стол на сидящую передо мной загадочную, соблазнительную женщину, я вдруг ощутил, что не хочу полностью затеряться, порвать все связи с Америкой, не знать никого в родной стране, кто бы мог, на худой конец, поздравить меня с днем рождения или попросить у меня взаймы сто долларов.— Если у тебя возникнет искушение вскрыть конверт и заглянуть в него, — с улыбкой сказала Эвелин, — то что ж, пожалуйста. Разумеется, я бы этого не хотела. Заверяю тебя, там нет ничего, что представляло бы хоть малейший интерес для тебя. Я положил конверт во внутренний карман. Меня связывало с ней лишь воспоминание об одной ночи, что и она понимала. Другой вопрос — насколько она привязалась ко мне.— Конверт будет в целости, — заверил я.— Я была уверена, что могу положиться на тебя, Граймс, — сказала она.— При следующей встрече называй меня, пожалуйста, просто по имени.— Хорошо, — пообещала она и взглянула на часы. — Допивай кофе, я расплачусь, и мы пойдем. У меня назначено свидание в Вирджинии.— Ну-у, — протянул я, стараясь особенно не выдавать своего разочарования, — а я-то считал, что мы вместе проведем весь этот день.— Нет, сегодня не выйдет. Если ты томишься одиночеством,

позвони моей товарке по квартире. Она сегодня свободна, и ты ей нравишься. Меня ошарашила циничность ее предложения, и я был рад тому, что в зале полутемно и она не заметит, что я краснею.— Ты своим любовникам предоставляешь для утех и свою квартиру?— Как я уже говорила, ты вовсе не мой любовник, — невозмутимо ответила она. Потом подозвала официанта и расплатилась по счету. Я не позвонил Бренде, ее товарке по квартире. По некоторым причинам, которые и не пытался точно уяснить, решил, что не доставлю Эвелин такого необычного удовлетворения. День провел, бродя по Вашингтону. Теперь, когда я знал, по крайней мере отчасти, что скрывается за вздымавшимися вверх колоннами массивных зданий, подражавших архитектуре древнегреческих храмов, они не производили на меня прежнего впечатления. Совсем как Древний Рим перед нашествием готов, подумал я. У меня мелькнула мысль о том, что я, возможно, уж никогда больше не буду голосовать в Америке, что ничуть не огорчило меня. Но в первый раз за три года я почувствовал себя невыносимо одиноким. Вернувшись к себе в отель, я решил готовиться к отъезду из Вашингтона. Чем быстрее смогу уехать, тем лучше. Укладывая вещи, я вспомнил о заграничных экскурсиях, организуемых нью-йоркским лыжным клубом, о которых мне в свое время рассказывал Джордж Вейлс. Как же назывался этот клуб? Ах да, «Кристи». И тогда не придется беспокоиться ни о провозе багажа, ни о досмотре в швейцарской таможне. Пройти мимо таможенников в Швейцарии, с улыбкой помахав им рукой, было явно привлекательно. Кроме того, сбежавшего ночного портье отеля «Святой Августин» вряд ли станут искать среди трехсот пятидесяти веселых лыжников в самолете, который увозит их на экскурсию в снежные горы, откуда через три недели они также всем гуртом вернутся обратно. Я уже укладывал вещи во второй чемодан, когда раздался телефонный звонок. Мне ни с кем не хотелось говорить, и я не снял трубку. Но телефон продолжал настойчиво звонить, и пришлось ответить.— Я знала, что ты у себя, — услышал я в трубке голос Эвелин. — Нахожусь в вестибюле и справилась у портье.— А как же свидание в Вирджинии? — нарочито скучающе спросил я.— Объясню, когда увидимся. Могу я подняться к тебе? — нерешительно проговорила она.— Полагаю, что можешь. Она рассмеялась немного грустно, как мне показалось.— Не наказывай меня, — сказала она и повесила трубку. Я застегнул воротничок, подтянул спущенный галстук и надел пиджак, чтобы по всей форме холодно встретить ее.— Ужасно, — поморщилась она, войдя в номер и осматриваясь.— Хромированная Америка. Опустив руки, она стояла посреди комнаты, очевидно, ожидая, чтобы я помог ей раздеться.— Я не намерен провести тут остаток дней своих, — почти продекламировал я, помогая ей снять пальто.— Да, вижу, — кивнула она, взглянув на

упакованный чемодан, лежавший на кровати. — Уже в дорогу?— Ага. Мы церемонно стояли друг против друга.— Сейчас отправляешься?— Особенно не тороплюсь. Ты же сказала, что занята сегодня... в Вирджинии, — подчеркнул я.— Была занята. Но весь день меня не покидала мысль о том, что есть в Вашингтоне человек, который жаждет видеть меня. Потому я и приехала. — Она сделала попытку улыбнуться. — Надеюсь, не помешала?— Вовсе нет.— Может, ты пригласишь меня сесть?— О, извини. Ради Бога, садись. Она села и с чисто женским изяществом закинула ногу на ногу. Щеки у нее зарумянились, должно быть, она прошлась по морозцу в Вирджинии.— Что еще занимало тебя? — спросил я, продолжая стоять на почтительном расстоянии.— Видишь ли, — она стянула коричневые перчатки и положила их на колени, — я решила, что под конец нехорошо говорила с тобой.— Мне приходилось слышать кое-что и похуже. Она покачала головой:— Это было очень грубо. Чисто по-вашингтонски. Привычная деформация и чувств, и речи. Не следовало предлагать тебе... Прости меня. Я подошел, наклонился к ней и поцеловал ее головку. От нее еще веяло свежестью загородной зимней прогулки.— Не расстраивайся. Не такой уж я слабонервный.— Ты, конечно, не звонил Бренде.— Нет, конечно.— Какая это была глупость с моей стороны, — вздохнув, сказала она. Потом улыбнулась, лицо ее посветлело, стало нежным и молодым.— Забудешь обо всем этом, обещаю мне.— Забуду, если хочешь. А о чем еще ты раздумывала в Вирджинии?— Да о том, что в ту ночь мы сошлись пьяными.— Даже основательно пьяными.— И я подумала, что, будь мы трезвыми, наша близость была бы прекрасней. Ты еще пил сегодня после нашего обеда?— Нет.— И я не пила, — улыбнулась она, поднялась с места, подошла и обняла меня. На этот раз я раздел ее. Временами в середине ночи она шептала:— Завтра же уезжай. Иначе я никогда не отпущу тебя. Когда я утром проснулся, ее уже не было. На столе она оставила записку, написанную четким, несколько наклонным почерком. «Вот и конец праздника. Пошли будни. Не принимайте всерьез того, что вам говорит женщина. Эв.» Я скомкал записку и бросил ее в корзинку. 8

На другой день я получил заграничный паспорт. Хейла на службе не было, но он дал все необходимые указания своей секретарше мисс Шварц. Вероятно, после того как он отвел душу, высказал все, что у него наболело, ему было как-то неудобно увидеться со мной. Сплошь и рядом человек, даже ваш друг, если он разоткровенничался с вами ночью, потом наутро, при свете дня, сожалеет об этом. Мисс Шварц была, как всегда,

исключительно красива и очаровательна, но я не завидовал моему другу Джереми Хейлу. Получив по чекам свой карточный выигрыш, я отправился в универсальный магазин, где купил два крепких, но легких чемодана темно-синего цвета с красной окантовкой; один побольше, другой поменьше. Чемоданы были дорогие, но я не скупился — главное было надежно сохранить деньги. Я приобрел также довольно вместительный атташе-кейс с цифровым замком. Кейс легко помещался в большем из двух чемоданов. Теперь я был полностью снаряжен в неведомый путь — Одиссей, пускающийся с попутным ветром в далекое плавание, тревожное путешествие, полное опасностей и превратностей судьбы. Продавец предложил мне выбрать сочетание цифр для секретного замка:— Советую выбрать такое число, которое имеет для вас какое-то значение, и тогда вы его не забудете.— Шестьсот два, — сказал я, уверенный, что этот номер с покойником в «Святом Августине» я никогда в жизни не забуду. С новенькими чемоданами, уложенными в багажнике взятой напрокат машины, я в три часа дня выехал в Нью-Йорк. Перед отъездом позвонил брату и сказал, чтобы он ожидал меня завтра в десять утра у здания банка, где в сейфе лежали мои деньги. Не доезжая до Нью-Йорка, я остановился переночевать в придорожном отеле в окрестностях Трентона. Мне не хотелось быть в Нью-Йорке дольше, чем это было необходимо. Понимая, что это глупо и что буду сожалеть об этом, я все же не удержался и позвонил в Вашингтон на квартиру Эвелин. Я даже не знал, что скажу ей, мне просто хотелось услышать ее голос. К счастью, никто не ответил. По Парк-авеню я въехал в Нью-Йорк, направляясь к банку. На одном из перекрестков недалеко от «Святого Августина» я остановился по красному сигналу. Зажегся зеленый свет, и по какому-то неясному побуждению я свернул на улицу, где находился этот отель. По спине побежали мурашки, когда я медленно проезжал мимо знакомого, обманчиво импозантного подъезда, и меня настойчиво одолевала мысль зайти и повидаться с хозяином. Толкало к нему неумное желание узнать о предпринятых розысках. Если бы нашлось место, где поставить машину, то я, наверное, сдуру зашел бы, но вся улица была забита автомобилями. Подъезжая к банку, я углядел брата, который стоял, съезжившись, в пальто с поднятым воротником. Он выглядел жалким и дрожал на пронизывающем ветру. Лицо Хэнка просияло, когда он заметил меня, его как будто одолевали сомнения, появлюсь ли я вообще. Он сделал движение ко мне, но я не остановился и, проезжая, сказал: «Встретимся на следующем углу. Жди меня там». Даже если бы кто-нибудь поблизости наблюдал за нами, то он вряд ли бы обнаружил, что мы как-то связаны между собой. А мной уже овладело тревожное чувство, будто весь город, как гигантский глаз, следит за мной. В подвале банка тот же старик, еще сильнее побледневший, взял

мой ключ, своим вторым ключом открыл оба замка сейфа и подал мне стальной ящичек. Он же провел меня затем в кабину и оставил там одного, задернув занавески. Отсчитав двести пятьдесят сотенных, я вложил их в плотный конверт из манильской оберточной бумаги, который купил в Вашингтоне. Брат ожидал меня на углу около кафе и казался совсем замерзшим. Он со страхом уставился на конверт, словно содержимое его могло в любую минуту взорваться. Я сделал ему знак следовать за мной, вошел в кафе и сел за дальний столик в углу. В кафе было душно и жарко. Я снял пальто, а Хэнк уселся напротив, не раздеваясь и не сняв старой, в пятнах, серой фетровой шляпы. Его глаза за толстыми стеклами очков слезились от холода. Какое у него старое, изможденное лицо, подумал я, приглядываясь к нему. На нем отпечатались годы забот, тревог и работы в помещениях с затхлым спертым воздухом. Терпеливо, как ослы, стоят вот такие, как он, по утрам в зимнем полумраке, ожидая поезда на обдуваемых ветром станционных платформах, бессильные и усталые еще до того, как начали работать. Мне было больно глядеть на брата, и я хотел поскорей все закончить. Что бы ни случилось со мной, думал я; но я не буду в его годы таким, как он. Мы еще ни слова не сказали друг другу. Подошла официантка, и я заказал кофе.— Мне бы надо выпить, — сказал Хэнк, но с явным сожалением ограничился чашкой кофе и с жадностью пил его.— Сегодня утром меня уже дважды тошнило, — признался он.— Вот деньги, — сказал я, похлопав по конверту.— Боже мой, Дуг, ты понимаешь, как я обязан тебе.— Ладно, так или иначе они твои. Я уйду первым, а ты минут через десять.— Мне не хотелось, чтобы он увидел номер взятой напрокат машины. Это не было заранее рассчитанной предосторожностью, но я теперь во всем был машинально настороже.— Ты не пожалеешь об этих деньгах! — воскликнул брат.— Конечно, нет.— Те двое молодых людей знают, что я приеду с деньгами, — сказал брат, вытирая измятым несвежим платком слезы, катившиеся из его глаз.— Они прямо-таки без ума от радости и согласились на все наши условия.— Расстегнув пальто, он размотал поношенный серый шарф, который, как мертвая змея, висел у него на шее, достал авторучку и небольшой блокнот — Я напишу расписку, — предложил он.— Не валяй дурака. Бери деньги — и делу конец.— Через год, Дуг, ты станешь богатым человеком.— Очень хорошо, — кивнул я.— Но не надо никаких счетов и расписок. Ты бухгалтер и знаешь, как вести расчеты без всяких официальных записей. Я не хочу, чтобы меня разыскивало налоговое управление.— Понимаю. Не могу сказать, что это мне по душе, но понимаю. Ты единственный человек в мире...— Хватит об этом, Хэнк. Я выпил еще глоток кофе, поднялся и надел пальто.— Время от времени буду давать знать о себе, — пообещал я. Хэнк широко улыбнулся мне и взял со стола конверт.— Береги себя,

братец, — ласково произнес он.— И ты тоже, — отозвался я и, похлопав его по плечу, вышел из кафе. По расписанию самолет уходил в среду в восемь часов вечера. В этот день около трех часов дня я зашел в банк, оставил в своем сейфе одну сотенную и вышел, унося в кейсе семьдесят две тысячи девятьсот долларов. Мне трудно объяснить, почему я оставил в сейфе сто долларов. Суеверие? Зарок, что в какой-то день вернусь обратно? Во всяком случае, я внес плату за сейф на год вперед. На этот раз я остановился в «Уолдорф-Астории», самом дорогом и шикарном отеле Нью-Йорка. Те, кто искал меня; теперь, очевидно, должны были решить, что меня давно нет в городе. Расставшись с братом, я поехал в контору лыжного клуба «Кристи» на 57-й улице. Там я обратился к мисс Мэнсфилд, хорошей знакомой моих старых друзей Вейлсов, и она задним числом быстро оформила мое заявление о заграничной туристической поездке. Выяснилось, что мне повезло, так как в это утро двое отказались от поездки. Мимоходом я осведомился у нее, не отправляются ли и Вейлсы этим самолетом. Девушка проверила список пассажиров и, к моему большому облегчению, установила, что их нет там. Итак, я был готов к отъезду. В отеле я указал вашингтонский адрес Эвелин Коутс как мое постоянное местожительство. Теперь, когда я был совсем один, все эти выкрутасы были просто забавой. В последнее время у меня, правда, не было повода для шуток и забав. Дни, проведенные в Вашингтоне, были горькими и отрезвляющими. И если, как многие считают, богатство делает человека счастливым, то я пока был лишь новообращенным новичком. Однако в своем новом качестве я на первых порах оказался в неудачном окружении. Я имею в виду моего школьного товарища Хейла, с его заклинившейся служебной карьерой и взбалмошной любовной связью, и непонятную Эвелин Коутс, с ее циничной отчужденностью, и моего горемыку-брата. В Европе, решил я, буду искать людей без всяких забот и проблем. Европа всегда была местом, куда стремились бежать богатые американцы, а я теперь считал себя принадлежащим к этому классу. Словом, буду искать счастливые, радостные лица. Как последний жест доброй воли, я отправил сто пятьдесят долларов букмекеру в «Святой Августин» с запиской: «Извините, что задержал уплату долга». Пусть хоть один человек в Америке поддержит мою репутацию честного человека. В аэропорт я приехал рано. Кейс с деньгами лежал в моем большом темно-синем чемодане с секретным замком. На время перелета через океан пришлось расстаться с деньгами и положить их в чемодан, который будет находиться в багажном отделении. Я знал, что в целях борьбы с угонщиками самолетов каждого пассажира при посадке обыскивают и осматривают его ручной багаж. Было бы более чем странно, если бы я стал уверять, что для лыжной прогулки мне необходимо иметь при себе

наличными семьдесят тысяч долларов. При сдаче вещей в багаж их осматривали весьма поверхностно. Взвешивая мои два чемодана, приемщик едва взглянул на них.— Лыж или лыжной обуви нет? — спросил он.— Нет. Собираюсь купить в Европе.— Покупайте у Россиньоля. Там самые лучшие и надежные,— посоветовал он тоном настоящего зазывалы. Я предъявил заграничный паспорт, его просмотрели, дали мне посадочный талон с правом пересечения границы, и на этом все формальности были закончены. До отлета оставалось еще довольно много времени, и я зашел в ресторан закусить и выпить пива. Сидя за столиком, заодно просматривал вечерние газеты. В Гарлеме сегодня утром застрелили полисмана. Команда «Рейнджерс» выиграла вчерашнюю встречу. Судья выступил против демонстрации порнографических фильмов. Редакторы ряда газет решительно настаивали на привлечении президента к ответственности. Ползли слухи о его отставке. Несколько высших сотрудников Белого дома посадили в тюрьму. Я вспомнил о письме Эвелин Коутс, которое вез в Рим. Интересно, поможет ли оно засадить кого-нибудь в тюрьму или уберезет от нее. Заметив недалеко от себя висевший на стене телефон-автомат, я вдруг ощутил желание услышать чей-нибудь знакомый голос, обменяться последними словами, перед тем как я покину свою страну. Подойдя к телефону, я набрал номер Эвелин. Опять никто не отвечал. Эвелин, очевидно, была не из тех женщин, что сидят дома. Получив обратно монету, я повернул обратно к столику, когда вспомнил о том, что сегодня проезжал мимо «Святого Августина» и чуть было не зашел туда. Позвонить к ним за сорок минут до того, как реактивный лайнер помчит тебя через океан, было вполне безопасно. Я снова опустил монету и набрал номер своей прежней службы. Как обычно, телефон звонил и звонил, прежде чем ответила наша телефонистка Клара.— Соедините, пожалуйста, с мистером Друзеком, — попросил я.— О Граймс! — вскричала Клара, узнавшая меня по голосу.— Мне нужно переговорить с мистером Друзеком, — повторил я, делая вид, что не понял или не слышал ее.— Где вы, Граймс? — снова вскричала Клара.— Прошу, мисс, дайте мистера Друзека. Он у себя?— Он в больнице. Какие-то двое выследили его и избili до полусмерти. Лежит без сознания, ему проломили голову. Я повесил трубку и вернулся к столику, чтобы допить пиво. В самолете зажглась табличка «Пристегнуть ремни и не курить», и он пошел на снижение в лучах утреннего солнца. Снежные вершины Альп, сверкавшие в отдалении на солнце, скрылись из виду, едва наш «боинг» нырнул в серую полосу тумана, окутывавшего аэродром Клотен. Рядом со мной громко храпел весьма дородный мужчина. С восьми часов вечера до полуночи (потом я заснул и не следил за ним) он выпил одиннадцать стаканчиков виски. Его жена, сидевшая с другой стороны, занимала вдвое

меньше места, чем ее муж. Они сказали мне, что хотели бы поспеть на ранний поезд из Цюриха в Сан-Мориц и в этот же день спуститься с гор на лыжах. Мне было жаль, что я не увижу, как они кубарем скатятся с гор. Во время полета в самолете было шумно. Почти все пассажиры хорошо знали друг друга, были членами лыжного клуба «Кристи» и каждую зиму вместе путешествовали, поэтому в проходах звучала громкая оживленная речь, сопровождаемая усердными возлияниями. Преобладали мужчины от тридцати до сорока лет, принадлежавшие к той неопределенной категории, которую называют административными служащими. Их тщательно причесанные жены, домашние хозяйки из пригородов, из кожи лезли вон, лишь бы выпить, не отставая от мужей. Следовало предположить, что среди них было и некоторое число жен, взятых напрокат на время отпуска. Надо думать, что средний годовой доход в семьях этих пассажиров был около тридцати пяти тысяч долларов, а их детки уже имели хорошенький капиталец, положенный на их имя заботливыми дедушками и бабушками, чтобы избежать уплаты налогов при наследовании после их смерти. Если и были пассажиры, которые спокойно читали или глазели на звезды в занимавшейся утренней заре, то их нельзя было сыскать в нашей части самолета. Я был совершенно трезв и с отвращением глядел на своих шумных и пьяных попутчиков. В стране более строгой, чем Америка, подумал я, им не позволили бы уехать за границу. Но я тут же должен был с грустью признать, что если бы Хэнк находился здесь, то он был бы заодно с ними. Хотя в салоне было жарко, снять куртку я не решился: в кармане лежал бумажник с деньгами и паспортом, он не поместился бы в кармане брюк. Самолет плавно коснулся посадочной полосы, и я позавидовал тем, кто так уверенно вел эту чудесную машину. Для них лишь сам полет имел значение, а не ценность груза. Я постарался одним из первых выйти из самолета и обрадовался, увидев, что два моих темно-синих чемодана — один побольше, другой поменьше — вывезли с первой же партией багажа. Получив чемоданы, я бросил их на ручную проволочную тележку и без всякой задержки проследовал через таможенный проход. В Швейцарии, как видно, весьма снисходительно принимали гостей из богатой страны. Сев в такси, я сказал, чтобы меня отвезли в отель «Савой», так как краем уха слышал, что это солидное заведение в самом центре делового района. Швейцарских денег у меня еще не было, но водитель согласился принять две десятидолларовые бумажки. Конечно, будь у меня франки, я бы сэкономил два-три доллара, но, как бы то ни было, спорить я не стал. Регистрируясь, я попросил портье дать мне номер телефона ближайшего банка. Как и у большинства американцев в наше время, у меня было смутное представление о частных швейцарских банках; но из газет и журналов я твердо знал, что это самое

надежное место для скрытного хранения денег. Портье тут же дал мне требуемые сведения, словно это было первое, с чего начинал каждый приезжий американец. Меня провели в отведенный мне номер, большую комфортабельную комнату, обставленную тяжелой старомодной мебелью и по-швейцарски безукоризненно чистую. Не дожидаясь доставки чемоданов, я сразу же позвонил в банк. Было девять тридцать утра по швейцарскому времени и четыре тридцать по нью-йоркскому, и хотя я почти не спал в самолете, я не чувствовал себя уставшим. По телефону отозвалась, по-немецки женщина. — А по-английски вы говорите? — спросил я, впервые сожалея о том, что мое образование недостаточно даже для того, чтобы сказать «доброе утро» на другом языке. — Да, — сказала она. — О чем вы желаете переговорить? — Об открытии счета. — Минутку. — И почти немедленно я услышал в трубке мужской голос: — Доброе утро. Говорит доктор Хаузер. Вот как! В Швейцарии, оказывается, деньги находятся на попечении людей с ученой степенью. А почему бы и нет? Ведь деньги — это и болезнь, и лекарство. Я назвал себя и еще раз объяснил, что хочу открыть у них счет. Любезный доктор ответил, что ожидает меня в десять тридцать. Постучали в дверь, и вошел посыльный с моими чемоданами. После его ухода я набрал три цифры в секретном замке большого чемодана, но он не открывался. Я попытался еще и еще раз, однако без всякого результата. Я был уверен, что набираю правильные цифры, а потому взял второй чемодан поменьше, который был закрыт с той же комбинацией цифр. Набрав их, я легко открыл его. «Вот черт подери», — шепотом пробормотал я. У меня с собой ничего не было, чем можно взломать замок. Мне, естественно, не хотелось, чтобы кто-нибудь совался в мой чемодан. Поэтому я спустился вниз к швейцару и попросил у него большую отвертку. Швейцар не понимал меня, и мне пришлось долго жестикулировать, пока наконец он уразумел, чего я хочу. Тогда он обратился по-немецки к посыльному, и тот принес мне отвертку. — Если хотите, он поможет вам, — предложил портье. Поблагодарив, я отказался. С замком я ковырялся минут пять, взламывая его со всех сторон и горько печалась о своем прекрасном новеньком чемодане. Когда же я открыл его, то увидел, что сверху лежит спортивная куртка яркой расцветки, какой у меня никогда не было. Стало быть, я взял чужой чемодан. Он был точно такой же, как мой, того же размера и того же цвета — темно-синий с красной окантовкой. Я проклинал поточную систему американского производства, выбрасывающую на продажу миллионы совершенно одинаковых вещей. Захлопнув чемодан, я опять спустился вниз, вернул отвертку и объяснил, что произошло. Затем попросил портье позвонить в аэропорт и узнать, не сообщил ли кто из пассажиров, что он по ошибке взял чужой

чемодан.— У вас остались багажные квитанции?И пока я рылся в карманах, портье соболезнующе заметил:— Всякое бывает в дороге. Надо это предвидеть. Когда я куда-нибудь еду, то всегда наклеиваю на свой багаж большие цветные ярлыки с моими инициалами.— Спасибо за полезный совет. Запомню его на будущее.Я не нашел у себя багажных квитанций. Наверное, выбросил их, когда получил чемоданы и прошел с ними через таможню.— Так позвоните, пожалуйста, в аэропорт, — попросил я. — Ведь я не говорю по-немецки...После нескольких минут оживленных переговоров с аэропортом на швейцарско-немецком диалекте, прерываемых ожиданием, когда там наводили справки, портье повесил трубку и сказал:— Никто ничего не сообщал. Они позвонят, как только кто-нибудь к ним обратится. Надо полагать, что, когда тот пассажир, который взял ваш чемодан, приедет в отель, он, без сомнения, обнаружит ошибку и сообщит об этом в аэропорт.— Благодарю вас, — уныло произнес я.— Не за что, — поклонился портье.«Когда тот пассажир приедет в отель», — повторил я про себя слова портье. В какой отель? Из разговоров в самолете я понял, что в Европе что-то около пятисот лыжных курортов. И в данную минуту мой чемодан, возможно, на пути в Давос, или Шамони, или Зермат, или Лех... Я в отчаянии покачал головой. Тот, кто взял чемодан, откроет его, быть может, лишь завтра или послезавтра. И, конечно, тоже взломает замок. И, увидев деньги, не будет уж так щепетилен.Открыв чемодан, я стал рассматривать лежавшую в нем спортивную куртку. У меня возникло предчувствие, что мне предстоит, надо думать, много хлопот с человеком, который носит такие куртки.Потом я снова позвонил в банк доктору Хаузеру. Он был безукоризненно учтив, когда я сообщил ему, что сегодня не смогу приехать. Как специалист по лихорадкам международной валютной биржи, он был невозмутим перед лицом всяких взлетов и падений. Мы условились, что я еще позвоню ему.Положив трубку, я долго сидел у телефона, бессмысленно уставившись на него. Ничего не поделаешь, остается лишь ждать.«Всякое бывает в дороге», — сказал портье. А что дальше? Ах, да: «Надо это предвидеть».К сожалению, совет его чуть-чуть запоздал.9

В следующие два дня портье по моей просьбе раз десять звонил в аэропорт. Ответ был один и тот же. Никто из лыжного клуба не сообщил о чужом чемодане.Шагая из угла в угол по сумрачной комнате, я чувствовал что нервы у меня напряжены до предела. Я вдруг припомнил старую поговорку, что беда приходит трижды. Сперва Феррис, потом Друзек,

теперь вот мой чемодан. Мне следовало быть начеку и удвоить бдительность. Как же так, ведь я был таким суеверным, а тут вдруг — никакого предчувствия. Номер в этом отеле, показался мне поначалу приятным и уютным, теперь угнетал меня, и я до изнеможения бродил по городу в надежде, что это поможет заснуть ночью. Погода зимой в Цюрихе явно не располагает к оптимизму и жизнерадостности. Под тяжелым свинцовым небом даже озеро выглядит так, будто расположено в подвале. На второй день я смирился, признал свое поражение и стал разбирать вещи в доставшемся мне чужом чемодане. Не было, однако, ничего, что могло бы указать на их владельца: ни записных книжек с адресами, ни чековых книжек, ни вообще каких-либо книг. Не было также ни счетов, ни фотографий, ни каких-либо меток на вещах. Этот человек, как видно, отличался крепким здоровьем. Ни одного лекарства с рецептом, по которому можно было бы узнать его имя, а лишь зубная паста, зубная щетка, безопасная бритва, коробочка гигиенической пудры и флакон одеколона. Я весь покрылся испариной. Итак, я у разбитого корыта, и надо начинать сначала. Собираюсь ли я охотиться за этим призраком, который ворвался в мою жизнь, перевернул ее и, неузнанный, исчез навеки. Мне пришли на ум прочитанные мной детективные истории, и я стал искать ярлыки портных на пиджаках. Хотя одежда была вполне приличной, это было готовое платье, которое можно приобрести в любом универмаге Америки. На сорочках, правда, оказались метки прачечной, но, вероятно, только ФБР, и то со временем, могло бы выследить по ним человека, я же не мог ни тягаться с ФБР, ни обратиться туда за помощью. Нашел я алые лыжные штаны и легкую желто-лимонную нейлоновую парку. В недоумении пожал плечами. Чего можно ожидать от человека, который на склонах гор выглядит как пестрый флаг какой-нибудь маленькой экзотической страны? Такой же была и его спортивная куртка. Мне, следовательно, надо следить за лыжниками, спускающимися с гор в особо ярких одеяниях. Отыскалось и то, что можно было бы посчитать некой путеводной уликой. Среди вещей был смокинг. Это означало, что владелец его намеревался проводить время на шикарных курортах, где надо одеваться к обеду. Единственное такое место, о котором я как-то слышал, был отель «Палас» в Сан-Морице, но, по-видимому, были и десятки других. Наличие смокинга могло также указывать на то, что он собирался побывать в Лондоне, Париже или в других больших европейских городах. К несчастью, в Европе чертовски много больших городов. Я подумал, а не позвонить ли мне в контору лыжного клуба в Нью-Йорке, объяснить, что произошло в цюрихском аэропорту, и попросить, чтобы мне сообщили имена и адреса трехсот пассажиров, летевших со мной в самолете. Затем я бы разослал всем им письма, предлагая обменяться чемоданами тому, у

кого по ошибке оказался мой чемодан. Но я быстро отбросил эту мысль. Прошедшие два дня убедили меня в том, что тот, кто завладел моими деньгами, вряд ли откликнется. Пытаясь определить, каков же из себя вор (я уже так стал называть его), я примерил некоторые его вещи. Надел рубашку. Воротничок вполне по моей шее, сорок второго размера. Рукава сантиметра на два короче моих. Но мыслимо ли придумать какой-либо благовидный предлог, чтобы проверять этой зимой размеры шеи и рук у каждого встречного американца? Были еще две пары хороших ботинок сорокового размера, одни черные, другие коричневые. Совершенно мне по ноге. Его спортивная куртка также подходила мне, хотя и была немного широка в талии. Однако нельзя было предположить, что ее носил человек средних лет с уже отвислым животом. Наоборот, казалось, что она на хорошего лыжника в отличной форме, независимо от возраста. Его брюки были мне коротковаты, он, очевидно, был несколько ниже ростом. Во всяком случае, в моих поисках мне не следовало обращать внимания на высоких, толстяков и карликов. Если вор окажется бережливым, подумал я и наденет то, что нашел в моем чемодане, то уж по своему костюму я его сразу опознаю при встрече. Я ухватился за эту соломинку, но тут же понял, что, имея семьдесят тысяч в кармане, он, наверное, оденется у лучших европейских портных. Мысль об этом причинила мне такую же боль, как ревнивому мужу, представившему себе свою красавицу жену в объятиях другого мужчины. С грустью осознал я, что словно брачными узами привязан к бывшим у меня сотенным бумажкам. А пока что у меня при себе осталось пять тысяч долларов. С ними можно попытаться найти того человека, которому мои семьдесят тысяч буквально свалились с неба. Уложив его вещи обратно в чемодан в том же порядке, как они лежали, я мог, по крайней мере, утешаться тем, что мне не придется тратить на покупку одежды взамен той, что была в моем чемодане. Бог дал, Бог и взял. Было бы значительно хуже, если бы в чемодане оказались женские вещи. Я расплатился в отеле, поехал на цюрихский вокзал и купил билет первого класса в Сан-Мориц. В самолете я разговорился с сидевшей рядом семейной парой, которая сообщила мне, что едет на лыжный курорт в Сан-Мориц. Они не назвали и не сказали, где собираются остановиться. От них можно было получить кое-какие полезные сведения, но отыскать их теперь было трудно. Однако надо же было с чего-то начать. Цюрих стал мне просто противен: все два дня, что я пробыл в нем, лил дождь. В полутора часах езды от Цюриха я пересел в поезд узкоколейки, который шел на Энгедин. Пройдя по вагону первого класса, я отыскал свободное купе и расположился в нем со своими вещами. Атмосфера в этом поезде отличалась от той, что была в экспрессе, которым я выехал из Цюриха. Там были солидные деловые люди, уткнувшие нос в финансовые сводки газет

«Нойе Цюрихер цайтунг», а в этом маленьком, прямо-таки игрушечном поезде, подвозившем на альпийские курорты, было полно молодых людей (многие в лыжных костюмах) и хорошеньких женщин в дорогих мехах, соответствующей свитой. Царило праздничное настроение, которого я вовсе не разделял. Мне хотелось побыть одному и собраться с мыслями, и я закрыл дверь в купе, чтобы никто не подсел. Однако перед самым отправлением какой-то мужчина отворил дверь и довольно вежливо спросил по-английски, заняты ли места в купе. — Как будто нет, — сухо ответил я. — Милая, иди сюда, — крикнул он в коридор. Вслед за этим в купе вошла сдобная блондинка, значительно моложе своего спутника, в леопардовой шубе и такой же шапке. Я сразу же пожалел об участи бедных животных, которым грозит уничтожение. В руках у нее была красивая, украшенная драгоценностями сумочка, и от нее сильно пахло мускусными духами. Большое бриллиантовое кольцо сверкало у нее на пальце рядом с обручальным. Если бы наш мир был получше организован, то один лишь вид ее должен был вызвать бунт носильщиков и всех других рабочих в прилегающих к станции кварталах. В Швейцарии, однако, это немыслимо. У нее благоверного не было с собой ничего, кроме журналов и газет «Интернешнл геральд трибюн» под мышкой. Он бросил их на сиденье напротив меня и помог ей раздеться. Вешая шубу на плечики, он краем задел мое лицо, и меня обдало сильным запахом духов. — Ох, извините, — сказала блондинка. — Ничего, пожалуйста, — угрюмо улыбнулся я. Она вознаградила меня улыбкой. Ей было лет двадцать восемь, и пока еще у нее были основания считать свою улыбку наградой. Я был уверен, что она — не первая жена своего мужа, может быть, даже и не вторая. Мне она сразу не понравилась. Муж тоже разделся, но фуляровый шарф не снял. Усевшись, он вытащил из кармана сигарочницу. — Билл, — укоризненно воскликнула блондинка. — Я на отдыхе, милая. Позволь мне покейфовать. — Надеюсь, вы не возражаете, если муж закурит. — Вовсе нет, — подтвердил я, довольный хотя бы тем, что это устранит одуряющий запах ее духов. Муж протянул мне сигарочницу. — Благодарю, я не курю, — солгал я. Маленькими ножницами он обрезал кончик сигары. У него было багровое мясистое лицо с тяжелой челюстью, холодные голубые глаза и толстые грубые пальцы с маникюром. Ему было далеко за сорок. Мне не хотелось бы работать у него или быть его сыном. — Настоящая гавана, — похвастал он. — Дома у нас теперь такую не купишь. Но Швейцария, слава Богу, ладит с Кастро. — Вынув золотую зажигалку, он закурил сигару и откинулся назад, с удовольствием пуская клубы дыма. Я уныло поглядел в окно на покрытую снегом сельскую местность. Еще недавно я тоже собирался легко и приятно провести здесь время. Мне вдруг захотелось выйти на первой же станции и вернуться домой. Но где теперь мой

дом? Поезд вошел в туннель, и в купе стало совершенно темно. Мне было приятно в темноте. Я вспомнил о своей ночной службе и решил, что темнота — существенная часть моей жизни. Выйдя из туннеля, мы поднимались все выше в горы, выбираясь из серого тумана, висевшего над швейцарской равниной. Муж дремал, склонив набок голову, его потухшая сигара лежала на пепельнице. Жена с увлечением читала юмористические страницы «Геральд трибюн». Выглядела она глупо: губы поджаты, глаза по-детски блестят из-под леопардовой шапки. Неужели, подумал я, это то, что деньги могли бы дать мне? Почувствовав, что я смотрю на нее, она подняла глаза, кокетливо хихикнув:— Обожаю смешное. Нелепо улыбнувшись, я бросил взгляд на ее бриллиант, заработанный, без сомнения, законным замужеством. Она присматривалась ко мне искоса — похоже, она никому не глядела прямо в глаза.— Где-то я вас уже видела, верно?— Вполне возможно.— Вы в среду летели самолетом? С лыжным клубом?— Да, летел.— Вот видите. Но я убеждена, что видела вас и прежде. Быть может, в Солнечной Долине?— Никогда не был там.— О, это удивительное место для лыжников. Там каждый год встречаешь одних и тех же людей со всех концов света. Засопел муж, разбуженный нашими голосами. Открыв глаза, он с нескрываемой враждебностью уставился на меня. Я почувствовал, что враждебность — это его естественное, укоренившееся состояние, которое временами вырывается наружу, прежде чем он успеет спрятать его под личиной вежливости.— Ты знаешь, Билл, — сообщила ему блондинка, — этот господин летел с нами в самолете, — и сказала так, словно это было радостным событием для всех нас.— Ну и что? — пробурчал муж.— Мне всегда очень приятно встретить за границей американца. И общий язык, и все такое. А европейцы ведь ужасно фальшивые люди. Ну, по этому поводу можно и выпить немного. — Она открыла свою шикарную сумочку и вынула изящную серебряную фляжку с колпачком в виде трех хромированных стаканчиков, один внутри другого. — Надеюсь, вы пьете коньяк — улынулась она мне, осторожно наливая. Рука у меня задрожала, и немного коньяку пролилось на пол. Случилось это потому, что в этот момент ее муж снял шарф, окутывавший шею, и я увидел на нем темно-красный шерстяной галстук. Это был или тот галстук, что лежал в моем пропавшем чемодане, или точно такой же. Он закинул ногу на ногу, и я тут же заметил, что на нем ботинки уже не новые, совершенно такие же, как и мои, что остались в чемодане.— Что ж, за того, кто первым сломает себе ногу в этом году, — поднял стаканчик муж, хрипло рассмеявшись. Уверен, что у него-то самого никогда не было никаких переломов. Он был из тех, кто не болел ни разу в жизни и не знал никаких лекарств, кроме, быть может, аспирина. Я одним глотком выпил коньяк. Мне необходимо было прийти в себя, и я был рад, что она тотчас

налила мне второй стаканчик. Подняв его, я галантно поклонился ей, широко и фальшиво улыбаясь, а в душе желая, чтобы поезд потерпел крушение, чтобы их обоих задавило, и я мог бы обыскать как их самих, так и их багаж.— Вы, видно, люди бывалые в путешествиях, — льстиво сказал я. — Будь начеку за границей, — отозвался муж. — Вот наше правило. — Он протянул мне руку. — Меня зовут Билл Слоун. А это моя маленькая жена Флора. Я пожал ему руку и назвал ее. Рука у него была жесткая и холодная. А его маленькая Флора (килограммов, должно быть, на семьдесят) обаятельно улыбнулась и налила мне еще коньяку. К тому времени, когда поезд прибыл в Сан-Мориц, мы совсем подружились. Я узнал, что они из Гринвича в штате Коннектикут, что Слоун строительный подрядчик, самостоятельно выбившийся в люди, что Флора, как я и предполагал, не первая жена, что у него взрослый сын, который, слава Богу, не из длинноволосых, что сам Слоун голосовал за Никсона и дважды был в Белом доме, что суматоха, поднятая вокруг Уотергейтского дела, уляжется через месяц и сами демократы будут сожалеть о ней, что это третья поездка супругов в Сан-Мориц, что в Цюрихе они задержались на два дня, чтобы Флора сделала покупки, и что, наконец, они собираются остановиться в отеле «Палас». — А вы где остановитесь, Дуг? — спросил Слоун. — Тоже в «Паласе», — без колебаний ответил я. Мне, конечно, нельзя было позволить себе такую роскошь, но я решил, что ни в коем случае, чего бы это ни стоило, не должен терять их из виду. В Сан-Морице я настоял, что подожду вместе с ними, пока они получат свои вещи из багажного вагона. На их лицах, однако, ничего не отразилось, когда я снял с полки свой большой темно-синий чемодан с красной окантовкой. — Чемодан-то у вас не заперт, — заметил Слоун. — Сломан замок, — объяснил я. — Надо срочно починить. В Сан-Морице полно итальянцев, — наставительно произнес Слоун. Его интерес к моему чемодану мог иметь какое-то значение, а мог быть и совершенно случайным. У них было восемь чемоданов, все новенькие, и ни один из них не походил на мой, что тоже еще ничего не значило. Для перевозки багажа наняли второе такси, которое следовало за нами по оживленным, покрытым снегом улицам курортного городка. В отеле «Палас» от стен, казалось, исходило какое-то слабое дразнящее дуновение. То было дуновение денег. И в самом деле, вестибюль здесь походил на продолжение банковского хранилища в Нью-Йорке. С гостями обращались благоговейно, словно с ценными старинными иконами. У меня было такое ощущение, что даже маленький, изысканно одетый ребенок, который со своей английской няней чинно прохаживался по пушистому ковру, и тот понимал, что я не из их круга. И швейцар, и все в конторке, почтительно изгибаясь, пожимали руку Слоуну и кланялись его жене. Его чаевые в предыдущие годы были, очевидно, по-царски щедрыми. Я

спросил себя, мог ли этот человек, которому по карману жить в таких отелях, как «Палас», иметь такую жену, как Флора, мог ли он присвоить семьдесят тысяч долларов. И ответил, что несомненно мог. В конце концов, Слоун сам признался, что любыми путями самостоятельно выбивался в люди. Когда я сказал портье, что не заказывал номер предварительно, он тут же понял, с кем имеет дело.— К сожалению, сэ... — начал он.— Это мой друг, — перебил его Слоун.— Устройте его, пожалуйста. Портье полистал лежавшие перед ним графики и сказал:— Разве что двойной.— Прекрасно, — подхватил я.— Как долго пробудете, мистер Граймс? Меня взяло раздумье. Кто знает, сколько тут можно продержаться, имея всего пять тысяч?— Неделю, — ответил я, решив, что буду ограничивать себя в расходах. Поместили меня рядом со Слоунами. Номер был большой, с широкой двуспальной кроватью, застеленной розовым атласным покрывалом. Из окон великолепный вид на озеро и окружающие горы, чистые и ясные в лучах заходящего солнца. При других условиях дух захватывало бы от такой красоты, но сейчас она мне казалась равнодушной и чересчур дорогостоящей. Задернув шторы, я в мрачном настроении, не раздеваясь, лег на пышную постель, атласное покрывало смялось и зашуршало подо мной. Меня все еще преследовал запах духов Флоры. Я пытался обдумать, каким образом можно быстро и надежно установить, взял ли Слоун мои деньги. Мои мысли были смутны и бестолковы. Два дня в Цюрихе измотали меня. Мне стало холодно, но я не мог отвязаться от мыслей о том, как выследить Слоуна. Даже если на нем мой галстук и мои ботинки, то что дальше? Голова начала болеть, я поднялся с постели и принял две таблетки аспирина. После этого я беспокойно задремал, и мне все снился сумбурный сон: какой-то человек то появлялся, то исчезал, звеня ключами. Разбудил меня телефонный звонок. Звонила Флора, приглашая поужинать вместе. С нарочитой радостью я принял приглашение. Она объяснила, что Билл забыл захватить смокинг (его уже выслали вдогонку из Америки; но он еще не прибыл), а потому обедать будем в городе. Я сказал, что тоже предпочитаю не одеваться к ужину, потом поднялся и принял холодный душ. Мы встретились в баре нашего отеля. Слоун был в темно-синем костюме (не моем) и в других ботинках (тоже не моих). За столом сидела еще одна пара, которая, оказывается, летела с нами в самолете и была также из Гринвича. Они уже катались сегодня на лыжах, и жена слегка прихрамывала.— Ну разве не чудесно? — воскликнула Флора. — Только представьте: целых две недели я могу теперь проводить в клубе «Карвелия» и нежиться на солнышке.— А вот до замужества она уверяла, что обожает кататься на лыжах, — пожаловался Слоун.— Так ведь то было до замужества, дорогой, — улыбнулась она. Слоун заказал бутылку шампанского, ее

быстро распили, и другой муж за нашим столом потребовал вторую. Мне бы, подумал я, уехать из Сан-Морица, прежде чем наступит моя очередь заказывать. Затем мы отправились в ресторан, находившийся неподалеку в деревенском домике-коттедже в швейцарском стиле, и опять пили шампанское. Цены в меню были отнюдь не деревенские. За ужином я узнал о городе Гринвиче в штате Коннектикут больше, чем мне когда-либо хотелось знать. Со всеми подробностями мне поведали о том, кто вскоре будет исключен из гольф-клуба, кто из женщин, замужних и незамужних, собирается сделать аборт, кто возглавляет смелую борьбу против того, чтобы черных детей подвозили на автобусах в городские школы. Даже если бы они поручились, что к концу недели мне вернут обратно семьдесят тысяч, то все же сомнительно, чтобы я мог вынести ужины с ними. Еще хуже было после ужина. Когда мы вернулись в отель, главы семейств пошли играть в бридж, а Флора потащила меня танцевать в дансинг на нижнем этаже. Прихрамывающая жена тоже поплелась с нами, выразив желание посмотреть на танцующих. Едва мы сели за столик, Флора заказала шампанское, которое на этот раз явно шло за мой счет. Танцевать я никогда не любил, да к тому же Флора была из тех женщин, кто виснет на своих партнерах, лишая их малейшей возможности сбежать. В зале было жарко и адски шумно, мне было тяжело в спортивной куртке, которая жала под мышками, и я был одурманен духами Флоры. Вдобавок она еще что-то влюбленно гудела мне в ухо. — Ох, как я рада, что мы встретили вас, — шептала она. — Ведь Билла ни за что не вытащишь на танцы. Кроме того, вы прекрасный лыжник. Я это чувствую по вашим движениям. — Плотские инстинкты явно бродили в ней. — Пойдемте завтра со мной на лыжах? — С удовольствием, — отвечал я, ибо ничего другого мне не оставалось. Лишь после полуночи и двух бутылок шампанского мне наконец удалось оторваться от нее. Подписав чек на оплату счета, я проводил обеих жен наверх, где их мужья играли в карты. Слоун проиграл, и я не знал, радоваться мне этому или печалиться. Скорее все же радоваться. За карточным столом, кроме Слоуна и его земляка из Гринвича, еще сидел красивый с проседью мужчина лет пятидесяти и старуха, обвешанная драгоценностями и говорившая по-английски с резким испанским акцентом, похожим на воронье карканье. Сливки международного фешенебельного общества. Когда мы подошли к ним, красивый с проседью мужчина выиграл малый шлем, то есть взял все взятки, за исключением одной. — Фабиан, — воскликнул Слоун, — из года в год я вам проигрываю! Тот, к кому обратился Слоун, мягко улыбнулся. У него была очаровательная, женственно-прелестная улыбка со смеющимися морщинками вокруг темных, подернутых влагой глаз. — Должен признать, что мне немного везет, — сказал он приятным, хрипловатым голосом. У

него проскальзывал небольшой странный акцент, и я не мог бы сказать, откуда он.— Вот так немного! — с раздражением подхватил Слоун, не любивший проигрывать.— Я иду спать, — сказала Флора. — Завтра с утра на лыжах.— Ладно, иди. Я должен отыгаться, — пробурчал Слоун и стал тасовать карты с таким видом, словно чистил оружие перед боем. Я проводил Флору до дверей ее номера.— Как удобно, мы совсем рядом, — проворковала она и, хихикнув, поцеловала меня в щеку, пожелав спокойной ночи. Лежа в постели, я читал. Услышал, как примерно через полчаса открылась и захлопнулась дверь в комнате Слоунов. Донеслось неясное бормотание голосов через стену, и затем все стихло. Я подождал еще минут пятнадцать, потом тихонько вышел. Вдоль коридора стояла разнообразная мужская и женская обувь, выставленная у дверей каждого номера. Мокасины, кожаные туфли, лыжные ботинки, легкие бальные туфельки. Всех по паре, словно перед входом в Ноев ковчег. Однако перед дверьми Слоунов стояла только пара изящных ботинок Флоры, что были на ней в поезде. По каким-то причинам ее муж не выставил для чистки те коричневые ботинки. Недоумевая, я вернулся к себе.10

— Беспокоюсь о своем мужике, — сказала мне Флора. Мы сидели на залитой солнцем террасе клуба «Карвелия» среди греческих моряков и миланских промышленников, которые так любят фотографироваться у плавательных бассейнов модных курортов. Тут же сидели и женщины разных национальностей, охотившиеся за ними. Флору в прежние времена уж никак бы не назвали «благородно воспитанной»; когда она нервничала, то выражалась языком официанток из столовых Нью-Джерси, обслуживающих главным образом шоферов грузовых машин; однако здесь, на террасе, она чувствовала себя в своей стихии и принимала все знаки внимания с истинно королевским величием. Я же чувствовал себя подобно солдату, который вдруг очутился в тылу врага. Временное членство (на две недели) в клубе «Карвелия» обошлось мне в сто двадцать пять франков, но оно было необходимо, чтобы не расставаться с четой Слоунов. Правда, сам Слоун теперь показывался редко. По утрам, жаловалась Флора, он часами разговаривал со своей конторой в Нью-Йорке, а днем и вечером играл в бридж.— У него даже совсем не будет загара, — сокрушалась Флора.— Никто не поверит, что он был в Альпах. Пока что я имел честь обучать Флору спускаться на лыжах с гор и угощать ее завтраками. Она была сносной лыжницей, но из тех, что визжат на крутых спусках и постоянно жалуются на свою лыжную обувь. Я не надевал алых штанов и желто-лимонной парки, найденных в чужом чемодане, а благоразумно

купил себе темно-синий лыжный костюм, на что тоже пришлось потратиться. Вечерами были неизбежные танцы с Флорой до седьмого пота и шампанское за мой счет. Она обращалась со мной все нежнее, но я хоть и собирался проникнуть в номер к Слоунам и обыскать его, предпочитал бы избрать для этого другой путь. Мое равнодушие не в последнюю очередь объяснялось сейчас тем, что со времени исчезновения семидесяти тысяч я словно лишился силы и потерял всякий интерес к прекрасному полу. Деньги были силой. Это я отлично понимал. Но мне не приходило в голову, что их потеря повлечет за собой и вот такое бессилие. Мне теперь казалось, что при любой попытке я просто попаду в смешное положение. Заигрываний Флоры со мной было более чем достаточно, но ужасно было бы, откликнувшись на них, стать посмешищем. Мои усилия в качестве детектива были трогательно беспомощны. Несколько раз под тем или иным предлогом я стучался в дверь к Слоунам в надежде, что он или она пригласят меня войти к ним и я смогу, по крайней мере, быстро и незаметно оглядеть комнату. Но они ограничивались тем, что принимали меня на пороге у едва приоткрытой двери. Каждую ночь, когда все спали, я по-прежнему выходил в коридор, но коричневые ботинки так и не появились. Я уже начал думать, что стал жертвой галлюцинаций в поезде и Слоун вовсе не носил ни коричневых ботинок, ни красного шерстяного галстука. Как-то в разговоре я невзначай ввернул, что перепутал багаж в аэропорту, но ни один из четы Слоунов и ухом не повел. Я решил, что на всякий случай задержусь здесь до конца недели, а потом съеду. Даже не предполагал, куда направлю свои стопы. Может, укроюсь за «железным занавесом». Или в Катманду, Мысли о бедолаге Друзеке не давали мне покоя.— Ах, этот отвратительный бридж, — вздохнула Флора над своим стаканчиком «кровавой мери», — Билл просадит все состояние. Они играют по пяти центов за очко. Все знают, что Фабиан, по существу, профессиональный игрок. Он приезжает сюда каждую зиму на два месяца и уезжает, набив карманы деньгами. Я пыталась убедить Билла, что он играет хуже Фабиана, но он такой упрямый. И слышать не хочет, что кто-либо и в чем-либо лучше его. А когда проигрывает, все зло вымещает на мне. Вы и представить себе не можете, чего только он ни наговорит мне. Его появление после этой ужасной игры — просто кошмар для меня. С того времени как мы приехали сюда, я ни одной ночи не спала спокойно. Утром с трудом заставляю себя надеть лыжные ботинки. А когда выхожу, то выгляжу, как старая ведьма.— О, что вы, Флора, — с жаром возразил я. — Даже если бы вы захотели, то не смогли бы походить на старую ведьму. Вы в полном расцвете. И действительно, как днем, так и вечером, в любом платье, она выглядела, словно пышно распустившийся пион.— Внешность обманчива, — хмуро сказала она. — Я не так сильна, как кажется. Я хрупка,

как ребенок. Откровенно говоря, милый, если бы вы каждое утро не ждали меня внизу, то я бы по целым дням не вылезала из постели.— Бедная девочка, — участливо произнес я. Представить себе Флору лежащей в постели было восхитительно, но вовсе не по тем причинам, которые она могла предположить. Без нее я бы сдал взятые напрокат лыжи и лыжные ботинки и не лазил бы на горы в эту зиму, что не доставляло мне никакого удовольствия и лишь вводило в ненужные расходы.— Но есть проблеск надежды, — сказала Флора, искоса поглядев на меня тем интригующим взглядом, который я уже стал ненавидеть. — Что-то случилось, и, может, Билл на следующей неделе полетит в Нью-Йорк. Тогда мы все время будем вместе. — Слово «все» она особенно выразительно подчеркнула. — Это будет прекрасно, верно?— П-прекрасно, — кивнул я, заикаясь, что случилось в первый раз со времени ухода из «Святого Августина». — П-пойдемте завтракать. В этот день она подарила мне массивные часы с гарантией точности хода при погружении в воду на глубину до ста метров или при падении с крыш высотных домов. У них было приспособление для остановки секундной стрелки и разного рода циферблаты для обозначения года, месяца, дня и прочее. Кажется; часы могли демонстрировать все на свете, кроме разве швейцарского национального гимна.— Ну, не нужно было, — слабо запротестовал я.— Я хочу, чтобы каждый раз, как взглянете на них, вы вспоминали эту чудесную неделю, — просюсюкала она. — Разве я не заслужила поцелуя? Мы были в закусочной в центре города, куда зашли, возвращаясь с лыжной прогулки. Мне нравилось это заведение, потому что в нем не было шампанского. Тут пахло плавленым сыром и влажной шерстяной одеждой лыжников, которые; толпясь, пили пиво. Я чмокнул ее в щеку.— Нравится? — спросила она. — Я имею в виду часы.— Да, нравятся, — пришлось подтвердить мне, — ч-честно говорю. Они такие экстравагантные.— И я честно признаюсь, милый, что если бы вы не ходили со мной на лыжах, а просто бы развлекали и баловали меня, то мне пришлось бы нанять лыжного инструктора. А вы знаете, как они дороги здесь. Кроме того, их надо кормить завтраками. А как они жрут за чужой счет. Большую часть года они, наверно, сидят на одной картошке, зато уж зимой всю отъедаются. — Флора была легкомысленная, но, как видно, расчетливая женщина. — Давайте же вашу руку, — потребовала она и застегнула на ней тяжелый серебряный браслет с часами. — Настоящие мужские часы, не правда ли?— Совершенно верно, — подтвердил я, решив, что как только развяжусь с четой Слоунов, так сейчас же продам эти часы, которые стоят по меньшей мере долларов триста.— Не говорите Биллу об этом, — попросила она. — Пусть это останется между нами. Наша маленькая дорогая тайна. Обещаете? Я пообещал, и это обещание безусловно собирался выполнить. Кризис наступил на следующее утро.

Когда она спустилась в вестибюль, где, как обычно, в десять часов я ожидал ее, на ней не было лыжного костюма.— Сегодня, милый, не смогу пойти с вами, — сказала она. — Билли уезжает в Цюрих, и я должна проводить его. Вот бедняга. Такой прекрасный снег, великолепная погода. — Она захихикала. — И ему придется остаться ночевать там. Ну разве это не ужасно?— Действительно, ужасно, — согласился я.— Так что вы один отправитесь на лыжах.— Что ж, ничего не поделаешь.— Но у меня блестящая идея. Почему бы нам не встретиться в час дня и не пойти куда-нибудь уютно посидеть? Поезд Билла уходит в начале первого. Мы можем провести вместе совершенно сказочный день...— Да, великолепный.— Начнем с хорошо замороженной бутылки шампанского в баре, — продолжала она. — А потом посмотрим, как все обернется. Как вы находите?— Блестяще. Она улыбнулась мне одной из своих многозначительных улыбок и ушла обратно к своему мужу. Я вышел на утренний морозный воздух, вскоре почувствовав, как он пощипывает лицо. На лыжах я решил не идти и вообще бы не ходил, если бы меня к этому не принуждали обстоятельства. Я жалел, что отправился в самолете с членами лыжного клуба, отчего и начались все неприятности с чемоданом и последовала цепь событий, которая неумолимо ведет Флору в мою постель. Я подумал было уехать тем же поездом вместе со Слоуном в Цюрих, но что там мне делать? Не мог же я повсюду в городе выслеживать его. Представив себе предстоящий совершенно сказочный день с Флорой, начиная с хорошо замороженной бутылки шампанского (конечно, за мой счет), я тихонько застонал, Встречный парень на костылях, одна нога в гипсе, с любопытством взглянул на меня. Я машинально отвернулся и поглядел на свое отражение в окне магазина. Молодой человек в дорогом лыжном костюме отдыхает на одном из наиболее прославленных в мире зимних курортов. Можете поместить мое фото для рекламы в каком-нибудь шикарном журнале путешествий. Я усмехнулся своему отражению в окне. Мне пришла в голову занятая мысль, и я последовал за парнем на костылях, немного прихрамывая. К тому времени, когда я нагнал его, я уже заметно хромал.— И вы тоже? — соболезнующе спросил парень.— Только растяжение, — объяснил я. Когда же я пришел в небольшую частную больницу, удобно расположенную в центре города, то уже вполне сносно изображал лыжника, упавшего по крайней мере на середине спуска. Часа через два я вышел из больницы на костылях, колено моей левой ноги было в гипсе. Потом я уселся в ресторане, пил черный кофе с печеньем и безмятежно читал вчерашний номер «Геральд трибюн». Молодой врач в больнице отнесся скептически к моему утверждению, что я сломал ногу.— Закрытый перелом, — уверял я. — У меня дважды был такой. Врач высказался еще более скептически, когда

осмотрел мою ногу через рентгеновский аппарат, но я продолжал настаивать на своем, и он, пожав плечами, сказал:— Ладно, это же ваша нога. В Швейцарии предоставляется любое медицинское обслуживание, как нужное, так и ненужное, лишь бы вы платили за него. Мне рассказывали об одном мужчине, у которого воспалился нарост на большом пальце, и он возомнил, что у него рак. Врачи в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Испании и Норвегии уверяли его, что это пустяковая инфекция. Однако он не успокоился до тех пор, пока в Швейцарии ему за соответствующую плату не ампутировали палец. Теперь он преспокойно живет в Сан-Франциско. Около часа дня я взял такси и поехал к себе в отель. С бледной улыбкой выслушал соболезнования служащих отеля и с видом стойка, мужественно переносящего страдания, тяжело заковылял в бар. Флора сидела в углу у окна. На столике перед ней стояла в ведерке со льдом непочатая бутылка шампанского. Она была в зеленых брюках в обтяжку и в свитере, плотно облегавшем заманчивые, надо это признать, округлости ее груди. Рядом на спинке стула висела леопардовая шуба, отчего в баре пахло, как в цветочной лавке с тропическими растениями. Увидев, как я неуклюже, на костылях, вползаю в бар, Флора тяжело задышала и воскликнула:— Что за ерунда?— Пустяки, — бесстрашно объяснил я. — Всего лишь закрытый перелом. Недель через шесть снимут гипс. Так, во всяком случае, врачи уверяют. — И я со стоном тяжело плюхнулся в кресло, выставив вперед загипсованную ногу. — Какого черта, как это случилось с вами? — раздраженно спросила она. — Лыжи не развернулись. — И это была правда, я действительно сегодня не притрагивался к ним. — Они скрестились, и я упал. Был не очень внимателен. Думал о сегодняшнем вечере. Она смягчилась:— Ох, бедняжка! Во всяком случае, шампанское мы можем выпить. — Врачи запретили мне пить. Специально предупредили об этом, так как это препятствует заживлению. — Все кого я знала, пили и при переломах, — возразила Флора, явно не желавшая расставаться с шампанским. — Доктор сказал, что у меня хрупкие кости, — уныло объяснил я, сопроводив это гримасой боли на лице. — Очень больно, милый? — спросила она, ласково взяв меня за руку. — Да, немного, — мужественно признался я. — Видно, ослабевают действие морфия. — Но пообедать-то мы, конечно, можем. — Мне неприятно, Флора, что я расстраиваю все наши планы, но врач велел мне лежать в постели, положив ногу на подушки. Уж простите меня, — закончил я, с трудом поднимаясь, чтобы идти к себе в номер. — Я приду к вам, чтобы поуютней устроить вас, — предложила Флора. — Не обижайтесь, но мне бы хотелось побыть некоторое время одному. Когда со мной что-нибудь случится, я всегда уединяюсь. Это у меня еще с детства. — Меня никак не устраивало, чтобы я беспомощно лежал в кровати, а рядом

со мной находилась Флора, дающая волю своим чувствам. — Выпейте шампанского за нас обоих. Запишите эту бутылку на мой счет, — обратился я к официанту. — А попозже можно зайти к вам? — спросила она. — Я попытаюсь заснуть и сам позову вас, когда проснусь. Не беспокойтесь обо мне, дорогая. И я оставил ее, это цветущее создание, хотя и надутое, но весьма завлекательное в зеленых в обтяжку брюках и плотно облегающем свитере. Последние лучи заходящего солнца розовели на далеких вершинах окружающих гор, когда дверь в мою комнату тихонько открылась. Я спокойно лежал в кровати, глупо уставившись в потолок. Зашла за подносом горничная, но, увы, вскоре следом за ней просунула в дверь голову Флора. — Я только узнать, не нужно ли вам чего, — сказала она, входя в комнату. Смутно различая ее в сгущавшихся сумерках, я тем не менее остро ощутил резкий запах духов. — Как вы, милый? — Флора подошла к кровати и, словно опытная медицинская сестра, пощупала мой лоб. — Температура нормальная. — Врач сказал, что к ночи поднимется. — А день прошел хорошо? — спросила она, усаживаясь на край постели. — Могло быть и лучше. Внезапно она обрушилась на меня и стала целовать. Я изогнулся, чтобы иметь возможность дышать, нога в гипсе неловко свесилась с кровати, и я непритворно застонал от боли. Раскрасневшись и тяжело дыша, Флора поднялась с кровати. В полутемной комнате трудно было разглядеть выражение ее лица, но мне показалось, что она смотрит на меня с подозрением. — Двое моих знакомых, — начала она, — условились встретиться сегодня вечером. А днем один из них тоже сломал ногу, но это не остановило его, и он придет к десяти часам вечера, как они и условились. — Видно, он моложе меня, — запинаясь, сказал я. — Или у него кости покрепче. Кроме того, в первый раз — особенно с вами... хочется быть в полной форме. — Н-да, — сухо сказала Флора. — Ну, мне пора идти. Вечером соберется небольшая компания, и надо одеться. — Она наклонилась и холодно поцеловала меня в лоб. — Если хотите, я загляну к вам после ужина... — Наверяд ли это благоразумно, милая. — Что ж, возможно. Спокойной ночи, — пожелала она, уходя. Лежа на спине, я опять уставился в потолок. Да, этот молодой человек, что со сломанной ногой приплетется в их компанию, настоящий герой. Еще один день, решил я, и на костылях или бросив их, но я уеду отсюда. А все же Флора натолкнула меня на одну мысль. Вошла без ключа. Стало быть, дежурная горничная на этаже... Вечером я ужинал один в ресторане отеля. Издалека видел Флору в ослепительном вечернем туалете в окружении мужчин; некоторых я знал, других видел впервые, каждый из них мог быть обладателем моих семидесяти тысяч. Если Флора и заметила меня, то не подала виду. Неторопливо поужинав, я поднялся в лифте на свой этаж, преднамеренно не спросив у портье ключ от номера. Коридор был пуст.

Подождав, пока появится дежурная горничная, я на костылях проковылял до дверей Слоунов и попросил ее открыть дверь запасным ключом, так как забыл свой. Она достала его из связки и открыла мне дверь. Я вошел и плотно прикрыл за собой дверь. Постели были уже разостланы, ночники на столиках у кроватей светились мягким, приглушенным светом. Запах духов Флоры наполнял всю комнату. Прерывисто дыша, я осторожно приблизился к большому шкафу и открыл дверцы. В одном отделении были женские платья, лыжные костюмы. В другом мужские костюмы и сорочки. Около шкафа, на полу, шесть пар ботинок. Коричневые ботинки, которые в поезде я видел на Слоуне, стояли в этом ряду последними. Неуклюже наклонившись, я взял правый коричневый ботинок и сел в кресло, чтобы примерить его. Нога в ботинок влезла лишь наполовину, он, должно быть, был на два номера меньше моего размера. Я так и окаменел с чужим ботинком в руках, тупо уставившись на него. Значит, я потратил целую неделю и кучу денег, идя по ложному следу. Я еще продолжал сидеть в том же положении, когда послышалось звяканье ключа в замке. Дверь отворилась, и вошел Билл Слоун, одетый по-дорожному, с чемоданчиком в руке. Увидев меня, он остановился и в изумлении выронил чемодан, бесшумно упавший на толстый ковер. — Какого черта? — довольно беззлобно спросил он, еще не успев обозлиться. — О Билл, — глупо отозвался я. — А я думал, вы в Цюрихе. — Я здесь, можете не сомневаться, — он повысил голос. — Где, черт побери, Флора? — Он включил полный свет, словно хотел обнаружить, не прячется ли она где-нибудь в углу. — Она проводит вечер в компании, — выпалил я, все еще не зная, как мне поступить — подняться и уйти или пока сидеть на месте. Решить это было непросто — ведь левая нога в гипсовой повязке. — В компании, — угрюмо повторил Билл. — А какого черта вы здесь? — Забыл свой ключ, — объяснил я, сознавая, как невероятно глупо то положение, в коем я очутился, и как трудно из него выпутаться. — А горничная по ошибке открыла ваш номер. — А почему у вас в руках мой ботинок? Вопросы он задавал все более повышенным тоном. Я поглядел на ботинок в руке, как если бы увидел его впервые. — Честно говоря, не знаю, — ответил я и выронил из рук ботинок. — Ах, часы! — вдруг вскричал он. — Проклятые часы! Я машинально взглянул на часы на руке. Было десять минут одиннадцатого. — Понятно, откуда у вас эти окаянные часы, — угрожающе произнес он. — Подарок моей жены. Моей проклятой дуры. — Что вы... что вы... это же просто маленькая шутка, — лепетал я, с ужасом сознавая, что мои объяснения лишены всякого правдоподобия. — Каждый год она влюбляется в какого-нибудь идиота, лыжного инструктора, и дарит ему часы. Подарок открывателю сезона, — с горечью произнес он. — В этом году она выбрала просто лыжника. Вы

открываете сезон.— Нет, это всего лишь часы, Билл.— Она ловкая сука, — грозя кулаком, воскликнул Билл. — Но я-то думал, что хоть на этот раз она с тем, кому можно доверять. Неожиданно он начал всхлипывать. Это было ужасно.— Успокойтесь, Билл. Прошу вас, — умолял я. — Клянусь, ничего не было.— Клянётесь, — сквозь слезы проворчал он.— Все постоянно клянутся. — Внезапно он схватил меня за руку и рванул часы. — Отдайте их сейчас же, сукин сын!— Пожалуйста, возьмите, — с достоинством сказал я, расстегнул браслет и вручил ему часы. Воспаленными глазами Билл оглядел часы и, подойдя к окну, открыл его и выбросил их. Я воспользовался паузой, поднялся и встал на костылях. Билл круто повернулся и вплотную подошел ко мне. От него пахло виски.— Следовало бы исколошматить вас, но калек я не бью. — Он слегка ткнул меня в гипсовую повязку, и я немного закачался на костылях. — Не знаю, какого черта вы торчали здесь у меня, и не желаю знать. Но чтоб завтра утром духу вашего не было в отеле и вообще в городе. Иначе я сам вышвырну вас. Когда швейцарская полиция займется вами, вы пожалеете, что увидели их горы и снега. Слоун поднял с полу мой правый ботинок, который я до того снял с ноги, и тоже выбросил его в окно. Странная, причудливая месть. Потом он тяжело, словно раненый медведь, опустился в кресло и громко зарыдал. А я на костылях поспешно покинул комнату.11

На другой день рано утром я был в поезде, увозившем меня в Давос, тоже лыжный курорт в двух часах езды от Сан-Морица. Давос знаменит своими долгими спусками с гор, но я не собирался их опробовать. Мне уже опротивела зима, румяные самодовольные лица, поскрипывание снега под ногами, звяканье колокольчиков на санях, цветастые лыжные шапки. Я тосковал по ленивому теплому югу, где почти любые решения можно с легким сердцем откладывать на завтра. Перед тем как купить билет, я раздумывал, не отказаться ли мне от дальнейших поисков, чтобы отправиться в Италию, Тунис или на средиземноморское побережье Испании, а там разгуляться на последние денежки. Но первый поезд отходил на Давос, и я воспринял это как знамение Божие, обрекавшее меня остаться на зиму в холодной стране. Из окна вагона открывался самый величественный в мире горный ландшафт со вздымавшимися ввысь вершинами гор, бездонно жуткими ущельями и ажурными мостами, перекинутыми через пенистые воды. На ясном лазурном небе надо всем царило, сверкало и переливалось ослепительно яркое солнце. Однако меня никак не трогали все эти красоты. Прибыв в Давос, я первым делом отправился в больницу, чтобы с моей ноги сняли гипсовую повязку, и

решительно отклонил все попытки двух врачей предварительно сделать рентгеновский снимок.— Скажите хотя бы, когда и где был наложен гипс? — спросил один из врачей, когда я весело соскочил со стола после снятия повязки.— Вчера в Сан-Морице.— А, в Сан-Морице, — и оба врача многозначительно переглянулись. Врач помоложе проводил меня к окошечку кассы, чтобы убедиться, что я расплатился. Сто швейцарских франков. Выгодное для них дельце. Выходя из кабинета с чемоданами в руках, я готов был поклясться, что услышал, что один из врачей пояснил кассиру, что я американец. Словно все американцы такие чокнутые. Сев в такси, я после короткой борьбы с немецким языком все же ухитрился объяснить водителю, что хочу остановиться в отеле подешевле. Он повез меня по городу, мы проезжали один отель за другим. До войны Давос считался туберкулезной столицей, но теперь все лечебные учреждения превратились в спортивные отели. Бесконечный ряд пустых балконов, где прежде тысячи укутанных больных, кашляя кровью, грелись в лучах зимнего солнца, напоминал об этом прошлом Давосе. Наконец таксист привез меня к небольшому загородному дому своего зятя. Тот сносно говорил по-английски, и мы мило договорились. Плата за комнату с ванной была не такой уж маленькой, но более или менее подходящей после ужасных расходов в Сан-Морице. Комната с узенькой кроватью была совсем крохотной: в ней не помещался мой большой чемодан. Владелец объяснил, что я могу держать его в коридоре, так как в Швейцарии нет воровства. Я едва удержался от смеха. Наскоро распаковал вещи, беспорядочно побросав чужие шмотки в стенной шкаф. Смокинг оставил в чемодане. Несколько раз в Сан-Морице я надевал его, хотя особой ностальгии по этим случаям не испытывал. С удовольствием верну его законному владельцу, если этот тип встретится мне в Швейцарии. Приняв ванну, я отмыл ногу от следов гипсовой повязки и, вернувшись к себе в комнату, впервые надел доставшуюся мне чужую спортивную куртку. Когда я засовывал в ее внутренний нагрудный карман бумажник с оставшимися у меня деньгами, там что-то зашуршало. Нащупав это, я вытащил сложенный пополам листок. Розовый, надушенный, исписанный мелким женским почерком. У меня задрожали руки, я тяжело опустился на кровать и стал читать. В письме не было ни адреса, ни даты. «Любимый, дорогой мой, надеюсь, Вы не сходите с ума оттого, что в этом году я не смогу приехать в Сан-Мориц. — Дрожь пробежала у меня по всему телу, словно снежная лавина низверглась с вершин окружающих гор и потрясла все вокруг. — Мой бедняга Джон три дня назад вернулся с охоты с переломом бедра. Местный врач, который, должно быть, практиковал во времена Крымской войны, только разводил руками, когда его спрашивали о диагнозе. Пришлось везти больного в Лондон. Там хирурги затеяли бесконечный

спор, надо ли оперировать или нет, а мой благоверный лежал и стонал от боли. Естественно, что его любящая супруга не могла носиться по склонам Альп, пока несчастье было так свежо и ужасно. Итак, я моталась туда и сюда, принося в больницу цветы, джин и уверяя больного, что на следующий год он снова отправится на охоту, которая, как вы знаете, его главное и, по существу, единственное занятие в жизни. Однако еще не все потеряно. Я обещала, что Fev. Quatorze^[5] навещу мою милую тетушку Эми во Флоренции. Вскоре благоверному станет лучше, и я уверена, что он сам будет настаивать, чтобы я поехала. У тетушки Эми всегда полно гостей, потому я остановлюсь в «Эксцельсиоре», где так же хорошо или даже еще лучше. Буду искать в баре этого ресторана ваше сияющее приветливое лицо. С нетерпением, Л.» Я еще раз перечитал письмо, и у меня сложилось не очень лестное мнение о женщине, которая писала его. Мне показалось манерным, что она не указала адреса, даты, «четырнадцать» написала по-французски и подписалась лишь одним инициалом. Я попытался представить себе, какова она. Наверное, это вполне модная, холодная английская красавица лет тридцати — сорока с манерами героинь Ноеля Говарда и Майкла Арлена. Но какова бы она ни была, она существует, а потому мне следует 14 февраля быть в отеле «Эксцельсиор» во Флоренции, чтобы встретить ее там вместе с любовником. Я припомнил, что 14 февраля — день св. Валентина, праздник влюбленных. На мгновение мне пришло в голову, что я вполне мог встретить распутного похитителя в Сан-Морице или даже в отеле «Палас», так что я призадумался, не вернуться ли туда. При мысли, что приятель мадам Л. может безнаказанно транжирить мои деньги в Сан-Морице целую неделю, мне стало не по себе. Но ведь, если я не нашел его до сих пор, где гарантия, что мне удастся распознать его сейчас? Из письма я выяснил лишь то, что в присутствии возлюбленной у него должно быть сияющее и приветливое лицо, да еще то, что он, по всей видимости, не женат или же приехал в Европу без супруги. И еще: он умеет считать по-французски, по крайней мере, до четырнадцати. Придется запастись терпением и подождать неделю. Из Давоса, заполненного кашляющими личностями с впалой грудью, я уезжал в приподнятом настроении: снег мне порядком надоел. Поезд Цюрих — Флоренция проходил через Милан, где я сошел и даже провел одну ночь. Днем же я полюбовался на «Тайную вечерю» — грустный отголосок великой старины на каменной стене полуразрушенной церкви. Леонардо да Винчи вверг меня в состояние восторженной печали, и остаток дня я бродил по туманным миланским улочкам, упиваясь своей меланхолией. Потом мне пришлось пережить несколько довольно тревожных минут. Началось все с того, что в стенах сводчатой галереи, вознесенной над самым центром Милана, мне показалось, что за мной

следит смуглый моложавый субъект в длинном плаще. Я зашел в ближайшую закусочную, заказал чашечку кофе «эспрессо», субъект же удобно расположился напротив входа, не спуская с меня глаз. В Швейцарии я чувствовал себя в безопасности, здесь же, в Италии, где, припомнил я из газетных сообщений, царит организованная преступность, я начал чувствовать себя не в своей тарелке. Я медленно выпил вторую чашечку кофе, потом набрался мужества, расплатился и быстро вышел на улицу. Незнакомец поспешно пересек аркаду, подскочил ко мне и уцепился за локоть. Стеклообразный глаз придавал его лицу зловещее выражение, а пальцы вцепились в мой локоть, словно стальные когти.— Что за спешка, босс? — произнес он, шагая в ногу со мной.— Опаздываю на свидание. — Я попытался высвободиться, но не тут-то было. Он сунул руку в карман, и душа моя ушла в пятки.— Не хотите купить прекрасное ювелирное украшение? — вдруг выпалил он. — Подлинное. Очень дешево. Выпростав руку из кармана, он протянул мне какой-то завернутый в тряпочку предмет, который легонько звякнул.— Замечательная золотая вещица для женщины, — пояснил он. Потом развернул тряпочку, и я увидел перед собой золоченую цепочку.— У меня нет женщин, — отрезал я и прибавил шагу.— Смотрите, какая красивая, — взмолился он. — В Америке вам такая обойдется в несколько раз дороже.— Мне очень жаль, — отчеканил я и зашагал прочь. Да, если и были у меня надежды затеряться в Европе, то они растаяли как дым. Куда бы я ни пошел, во мне повсюду узнают американца. Я всерьез раздумывал, не отпустить ли бороду. На следующий день я отправился на скором поезде в Венецию, рассудив, что, быть может, другой возможности увидеть это чудо мне не представится. После Милана увиденное в Венеции загнало меня в щемящую тоску. Окутанные туманной дымкой каналы, печальные гудки паромов, темнеющие воды и заросшие зеленым мхом парапеты набережных в сером свете зимней Адриатики заставили меня задуматься о бренности существования и напрочь стерли из памяти фривольную живость и безрассудство Сан-Морица. Я вспомнил, что Венеция медленно погружается в море. Бродил по узким улочкам, бесчисленным набережным и храмам, потягивал легкое белое вино в пустых кафе на площади Сан-Марко и наблюдал за итальянцами — занятие, которое мне особенно пришлось по душе. А вот в бар Гарри, где в любое время года толклись американские туристы, я заглянуть не рискнул. Меня интересовал лишь один американец, а уж он-то едва ли мог повстречаться мне в Венеции. После этой прогулки я воспрял духом. Расшатанная швейцарскими приключениями нервная система, похоже, восстановилась. Так что в отель «Эксельсиор» во Флоренции я приехал вечером тринадцатого февраля, преисполненный спокойствия и уверенный в том, что сумею справиться с любыми неожиданностями. После

превосходного ужина я отправился бродить по улицам Флоренции, постоял перед копией монументальной микеланджеловской статуи Давида на пьядца Синьории, размышляя о сущности героизма и сокрушении злодейства. Флоренция, чья история полна заговорами и мстью, борьбой гвельфов и гибеллинов, была подходящим местом для решительной встречи с похитителем моих денег. Вполне естественно, что ночью я плохо спал и проснулся еще до того, как первые лучи солнца упали на беспокойные воды вздувшейся реки Арно, протекавшей под моим окном. Расспросив в отеле о прибытии самолетов из Лондона в Милан и поездов из Милана во Флоренцию, я рассчитал, что она должна появиться около шести часов вечера. К этому времени я и займу в вестибюле подходящее место, откуда можно наблюдать за приезжающими, когда они регистрируются у портье. В этот день я выпил очень много черного кофе, но ни капли алкоголя или даже пива. Изображая туриста, я расхаживал по залам галереи Уффици, но чудесное флорентийское искусство не производило на меня никакого впечатления. Я решил, что надо будет прийти в другое время и в другом расположении духа. В маленькой лавке сувениров я купил нож для разрезания книг, он был наподобие острого стилета с серебряной рукояткой, украшенной затейливым орнаментом. Покупка не связана с какой-то определенной целью, уверял я себя, просто мне понравилась эта вещица. Позднее, ближе к ожидаемому часу, я купил газету «Rome Daily American» и уселся с ней в одном из изящных кресел в вестибюле, но не у самого входа или конторки портье, а в некотором отдалении, откуда можно было следить за всеми входившими. Я был в своей одежде, чтобы ничем не выдать себя. К шести часам я дважды перечитал газету. Никто не приехал, кроме какой-то американской семьи: дородный шумливый отец, изможденная мать в узких ботинках и трое бледных долговязых детей в одинаковых трехцветных (красно-бело-синих) с капюшонами куртках на молнии. Как я услышал, они приехали из Рима, на дорогах была гололеда. С трудом удержался я, чтобы не подойти к портье и не справиться, не опаздывает ли поезд из Милана. От нечего делать я начал просматривать отдел светской хроники, который пропустил до этого, и со скукой узнавал, что в Пьерроли такой-то, о ком я никогда не слыхал, устроил прием в честь такого-то, о ком я тоже никогда не слыхал, когда в парадной двери показалась блондинка лет тридцати, без шляпы, за которой несли солидный багаж. У меня даже дух захватило. С первого же взгляда я невольно заметил, что она весьма привлекательна, с несколько удлиненным аристократическим носом и резко очерченным ртом. Коричневое пальто особенно (так мне показалось) изящного покроя безукоризненно сидело на ней. С уверенным видом особы, привыкшей всю свою жизнь останавливаться в дорогих

первоклассных отелях, она подошла к конторке портье и назвала себя. Но как раз в это время трое американских отпрысков, еще находившихся в вестибюле, шумно заспорили между собой, кому из них первому принимать ванну, и я не смог расслышать ее имени. Если у меня когда-нибудь будут дети, с раздражением подумал я, никогда не возьму их с собой в дорогу. Как прикованный, застыл я в кресле, пока она заполняла регистрационную карточку, подписала ее и бросила на стол свой паспорт. Покончив со всем этим, она направилась не к лифту, а прямо в бар. Нащупав у себя в кармане свой талисман — серебряный доллар, я поднялся и последовал за ней. Но когда я подошел к дверям бара, она уже выходила из него. Отступив в сторону, чтобы дать ей дорогу, я вежливо поклонился, но она не обратила на меня никакого внимания, и я даже не смог бы сказать, какое выражение лица у нее было. Сев в углу бара, я заказал виски с содовой. В баре было пусто и полутемно. Мне не оставалось ничего другого — лишь сидеть и ждать. Около семи вечера она снова вошла в бар. На ней было строгое черное платье, на шее двойная нитка жемчуга, на руке она несла свое коричневое пальто. Очевидно, она собиралась уходить. Постояв в дверях, она оглядела всех в баре. Семья американцев сидела вокруг стола, отец и мать пили мартини, дети — кока-колу, и глава семьи время от времени увещевал: «Ради Бога, ребята, прекратите верещать». Пожилая английская пара сидела через стол от меня; он читал позавчерашний номер лондонской «Таймс», она, в пышном платье из пестрой ткани, безучастно глядела в пространство. Несколько итальянцев поблизости от меня без умолку трещали, то и дело слышалось слово *disgrazia*,^[6] повторяемое со все большим пылом. Только я сиротливо сидел за столиком. Недовольная гримаска искривила губы блондинки, стоявшей в дверях. Лицо у нее было бледное, щеки едва розовели, глаза — темно-голубые, почти фиалковые. Строгое платье подчеркивало ее гибкую фигуру, стройные ножки были изящны. Я решил, что она не просто привлекательна, а красива. Заметив, что я гляжу на нее, она слегка нахмурилась, что очень шло ей. Я отвел глаза. Она прошла через зал и села за столик по соседству с моим. Бросив пальто на спинку кресла, она устроилась поудобнее, вытащила пачку сигарет и массивную золотую зажигалку. Официант тут же поспешил к ней, чтобы зажечь сигарету. Она, видимо, была из тех женщин, к которым немедленно устремляются, чтобы услужить им. Смуглый официант был молод, красив, темные глаза его настороженно блестели. Когда он почтительно изогнулся перед ее столиком, то широко улыбнулся, показав ряд превосходных белых зубов. — Джин, *per favore*,^[7] — сказала она. — Без льда. — Еще виски с содовой, пожалуйста, — заказал я. — *Prego?* — спросил официант, и улыбка исчезла с его лица, когда он повернулся ко мне. При первом заказе он не

задавал мне вопросов.— Ему еще виски с содовой,— нетерпеливо по-итальянски пояснила блондинка.— *Si, signora,*^[8] — улыбка снова заиграла на лице официанта.— Благодарю вас за помощь, — поклонился я ей.— Он отлично вас понял. Но это же итальянец. А вы американец, не так ли?— Вероятно, это сразу бросается в глаза.— Ничего в этом зазорного нет. Люди имеют право быть и американцами. Давно вы тут?— Явно недостаточно, чтобы научиться итальянскому языку, — ответил я, чувствуя, как участился у меня пульс. Все шло лучше, чем я смел надеяться. — Только вчера вечером приехал. Она нетерпеливо махнула рукой:— Я имела в виду, давно ли вы сидите в баре.— Около часа.— Около часа, — повторила она. Говорила она быстро, проглатывая слова, но голос был очень мелодичный. — Вы не заметили случайно, здесь не бродил еще один американец? Ему лет пятьдесят, хотя выглядит он моложе. Весьма видный, с небольшой проседью. Возможно, он искал глазами кого-нибудь.— Погодите, — сказал я, наморщив лоб в нарочитом раздумье, — а как его зовут?— Вам незачем знать его имя, — ответила она, строго взглянув на меня. Неверные жены, даже англичанки, как видно, не очень-то охотно называют имена или адреса своих любовников.— Вообще-то я особенно не приглядывался, — с невинным видом продолжал я, — но, кажется, заметил в дверях одного человека, похожего на того, которого вы описали. Примерно в половине седьмого. — Мне хотелось, чего бы это ни стоило, поближе с ней познакомиться и как можно дольше задержать ее в баре.— Какая скука, — с досадой произнесла она. — И что за почта в наши дни!— Простите, — сказал я, нащупав ее письмо в кармане, — я не совсем вас понял.— Это неважно, — поморщилась она. Официант поставил перед ней рюмку с таким видом, словно собирался преклонить колени. Мне виски было подано без всяких церемоний. Она подняла рюмку и кивнула мне. Как видно, к незнакомцам в баре она относилась без девического предубеждения.— Вы надолго сюда? — спросил я.— Кто его знает, — пожалала она плечами. На ее рюмке краснел след губной помады. Мне очень хотелось узнать ее имя, но не следовало торопиться с этим. — Старая Флоренция прекрасна. Бывала я в городах и повеселее. — Она резко повернула голову, чтобы взглянуть на входивших в бар. Вошла семейная немецкая чета, и она нахмурилась, нетерпеливо взглянула на часы. — А вы загорели, — заметила она. — Ходили на лыжах?— Немного.— Где?— Сан-Мориц, Давос, — соврал я.— Обожаю Сан-Мориц и весь тамошний занятный народ.— Вы были там в этом году?— Нет, одно горестное событие помешало. — Она со скукой оглядела помещение бара.— Как уныло тут. Должно быть, Данте похоронили по соседству. Вы не знаете в городе какого-нибудь местечка повеселее?— Вчера вечером я был в очень неплохом ресторане Саббатини.

Если вы пожелаете присоединиться ко мне...В этот момент вбежал мальчик-посыльный, выкрикивая:— Леди Лили Эббот. Леди Лили Эббот... Она поманила к себе мальчика, а я тут же вспомнил, что ее письмо было подписано буквой «Л».— Telephone per la signora,^[9] — сказал посыльный.— Emalmente!^[10] — воскликнула она, поднялась и последовала в холл за посыльным. Сумочку оставила в кресле, и я был не прочь заглянуть в нее, пока она говорит по телефону, но немецкая чета почему-то пристально уставилась на меня. Пришлось отказаться от своих намерений.Минут через пять она вернулась. Лицо ее пылало благородным негодованием. Она тяжело опустилась в кресло, вытянув ноги под столом.— Надеюсь, ничего плохого, — участливо произнес я.— Но и ничего хорошего, — угрюмо отозвалась она. — Пока лишили меня счастья и блаженства. Изменения в расписании. Что ж, кто-то из нас пострадает. — Медленно допив джин, она достала из сумочки сигареты и зажигалку.— Если вы свободны... — неуверенно начал я. — Я как раз хотел предложить, когда вас позвали к телефону, леди Эббот. — Первый раз в жизни я обращался к женщине, называя ее «леди», и почти споткнулся на этом слове. — Мне хотелось пригласить вас...— Извините, — перебила она. — Очень мило с вашей стороны, но я занята. Приглашена на ужин. Машина ждет меня у подъезда. — Она поднялась, захватив пальто и сумочку. Я тоже галантно поднялся.Твердо взглянув мне прямо в глаза — решение, видно, было уже принято,— она сказала:— Ужин должен закончиться рано. Милые мои старушки пойдут бай-бай. И если хотите, мы можем выпить на сон грядущий.— О, конечно.— Скажем, в одиннадцать часов. Здесь же, в баре.— Буду ждать.Она покинула бар, оставив за собой волну сладостного трепета, подобного замирающим в отдалении звукам церковного органа.Ночь я провел у нее в номере. Все произошло чрезвычайно просто.Раздеваясь, она сказала:— Я приехала во Флоренцию грешить. И согрешу.Кажется, лишь под утро она поинтересовалась, как меня зовут.Несмотря на свое высокомерие и заносчивость, она была нежной очаровательной любовницей, нетребовательной и благодарной, не могу сказать, что удовольствие обладать этой женщиной было больше оттого, что к нему примешивалась месть за похищенные семьдесят тысяч.Лили Эббот была начисто лишена даже обычного женского любопытства. Мы мало разговаривали, и она не спрашивала, кто я такой, чем занимаюсь, почему я во Флоренции и куда собираюсь ехать.Перед тем как уйти от нее (она настаивала, чтобы я ушел, пока в отеле еще не встали), я спросил, можем ли мы вместе позавтракать сегодня.— Еще не знаю, — ответила она. — Мне должны звонить по телефону. Поцелуйте меня на прощанье.Я склонился над ней и поцеловал ее, глаза у нее были закрыты, и она, по-видимому, сразу заснула, еще до моего ухода.Шагая к себе через

роскошно обставленный холл, я почувствовал внезапный прилив оптимизма. В Цюрихе, Сан-Морице, Давосе не было ничего хорошего, никаких надежд. Вплоть до этой чудесной ночи. Будущее, правда, было еще далеко не ясным, но возник проблеск надежды. Будь благословен чудесный день св. Валентина! Обессиленный ночными переживаниями, я повалился у себя в номере на постель и крепко заснул, проспав почти до полудня. Проснувшись, я потянулся и лежал неподвижно, уставясь в потолок и ощущая сладкую истому во всем теле. Сняв потом трубку, позвонил. Долго никто не отвечал, затем горничная подняла трубку и сказала:— Леди Эббот выписалась сегодня в десять утра. Нет, она не оставила записки. Потребовалась ложь и в придачу к ней десять тысяч лир, чтобы заставить клерка в конторе разговориться и узнать от него, что леди Эббот распорядилась не сообщать никому ее адрес, который она оставила только для пересылки ей писем. Сунув клерку деньги, я доверительно шепнул ему, что леди забыла у меня в номере драгоценности изрядной стоимости, которые я обязан вернуть ей лично.— *Vene, signore*,^[11] — кивнул клерк. — Отель на площади Атеней в Париже. Пожалуйста, объясните леди Эббот, что адрес сообщен лишь ввиду особых обстоятельств.— Непременно, — пообещал я. На другой день я уже был в Париже на площади Атеней. Когда я справлялся в отеле о свободных местах, я увидел ее. Она шла через вестибюль под руку с мужчиной с проседью и пушистыми английскими усами. Он был без шляпы, в темных очках. Я узнал этого субъекта: то был Майлс Фабиан, карточный игрок, который играл в бридж в отеле «Палас» в Сан-Морице. Они не заметили меня и вышли на щедро залитое солнцем авеню Монтень, направляясь на изысканный завтрак, двое счастливых любовников в этом городе влюбленных, оба чуждые и всему остальному миру, и мне. Я стоял в нескольких шагах от них, стилет лежал у меня в чемодане, а в сердце моем закипала кровавая жажда мщения.¹²

На следующее утро с половины девятого я занял наблюдательный пост в вестибюле. Прождав часа два, я заметил Лили Эббот, которая выходила из отеля. Во Флоренции мне не пришлось видеть ее при дневном свете, и она теперь показалась мне еще прелестней. Она была именно той женщиной, в которой воплотилась бы американская мечта о многогрешной неделе в Париже. Убедившись, что она ушла, не заметив меня, я поднялся к себе в номер. Там я быстро — неизвестно, сколько времени могла отсутствовать Лили Эббот, — уложил в чемодан все вещи Фабиана в том порядке, как они лежали в нем. Потом вызвал посыльного, чтобы отнести чемодан. В карман

я сунул стилет в кожаных ножнах. Нервная дрожь охватила меня, дыхание стало частым и прерывистым. Я смутно представлял себе, как встречу с Фабианом и как буду говорить с ним. Посыльный пришел, взял чемодан, и я последовал за ним на шестой этаж. И надо ж так, что опять на шестом этаже, подумал я. Лифт остановился, двери открылись, и я вышел вслед за посыльным в коридор. Звуки наших шагов тонули в пышном ковре. По дороге мы не встретили ни души — видно, богатые постояльцы не терпели суеты. У номера, занимаемого Фабианом, посыльный поставил мои вещи и хотел было постучать, но я остановил его. — Не нужно, — сказал я. — Я сам. Мистер Фабиани мой друг. Я протянул посыльному пять франков. Он поблагодарил и ушел. Затем я негромко постучал в дверь. Открыл мне сам Фабиан. — Что вам угодно? — вежливо спросил он. — Полагаю, это ваш чемодан, — сказал я, протиснувшись мимо него в прихожую и входя затем в большую гостиную, где были разбросаны газеты на нескольких языках. Повсюду в вазах стояли цветы. Страшно было даже подумать, сколько в сутки стоил этот номер. Я услышал, как Фабиан закрыл за мной дверь, и невольно спросил себя, а не вооружен ли он. — Послушайте, — сказал он, когда я повернулся к нему, — это явная ошибка. — Никакой ошибки, — отрезал я. — А кто вы, в таком случае? Мы когда-либо прежде встречались? — Да, в Сан-Морице. — А, вспоминаю. Вы тот молодой человек, что в этом году всюду сопровождал миссис Слоун. Боюсь, я не запомнил ваше имя. Гр... Грим... так, что ли? — Граймс. — Ах да, Граймс. Простите меня. — Фабиан был совершенно спокоен, говорил ровным приятным голосом. — Я уж собрался уходить, — заметил он, — но на минутку могу задержаться. Присядьте. — Не беспокойтесь, я постою, — сказал я и указал на чемодан, который поставил посреди гостиной. — Мне бы хотелось, чтобы вы открыли ваш чемодан и проверили, целы ли все ваши вещи. — Мой чемодан? Дорогой мой, я никогда... — Извините, что сломан замок, — продолжал я, — но пришлось открыть его, чтоб окончательно убедиться в ошибке. — Не понимаю, о чем вы говорите. Никогда в своей жизни я не видел этот чемодан. — Если бы он в течение года репетировал эту фразу, то вряд ли смог бы произнести ее с большей уверенностью. — Когда вы проверите, что все ваши вещи целы, верните, пожалуйста, мой чемодан. Тот, что вы подхватили в Цюрихе. Верните со всем, что в нем было. — Слова «со всем» я особенно подчеркнул. Фабиан пожал плечами: — Чрезвычайно странно. Если хотите, можете обыскать комнаты, и сами убедитесь... Я вынул из кармана письмо Лили Эббот. — Письмо это я нашел в вашей куртке. И позволил себе прочесть его. — Все у вас становится более и более таинственным, — сказал Фабиан, бегло взглянув на письмо и сопроводив это очаровательным протестующим жестом джентльмена, не читающего чужих писем. — В нем

нет ни имени, ни адреса, — ткнул он пальцем в письмо. — Его мог написать кто-то кому угодно. Почему же вы решили, что оно имеет какое-то отношение ко мне? — Тон его уже стал несколько раздраженным.— Эту мысль подсказала мне леди Эббот.— О, вот как. Должен признаться, что она мой друг. Как она поживает?— Вполне здорова. Десять минут тому назад я видел ее в вестибюле.— Боже мой, Граймс, неужели вы хотите уверить меня, что Лили здесь, в отеле?— Хватит, — оборвал я. — Вы знаете, почему я пришел к вам. Мои семьдесят тысяч долларов. Ясно?Он рассмеялся почти естественно:— Вы шутите, не правда ли? Это Лили вас подучила? Она известная шутница.— Я пришел за своими деньгами, мистер Фабиан, — сказал я угрожающе.— Вы, должно быть, не в своем уме, сэр, — решительно произнес Фабиан. — А сейчас мне пора идти.— Вы не уйдете, пока не вернете мне деньги, — воскликнул я, схватив его за руку. Было досадно, что вскричал я тонким голосом. Положение требовало, чтобы слова произносились внушительным басом, а я пел тенором. Высоким тенором.— Уберите руки, — потребовал Фабиан, вырвался и брезгливо стал очищать свой рукав. — Не прикасайтесь ко мне. Если вы сейчас же не уйдете, я позвоню в дирекцию и попрошу вызвать полицию.Схватив со стола лампу, я ударил его по голове. От удара лампа разлетелась вдребезги. Фабиан медленно оседал на пол, и лицо у него было удивленное. Тонкая струйка крови побежала у него по лбу. Я вынул стилет и, наклонившись над упавшим, ожидал, когда он придет в себя. Прошло около пятнадцати секунд, прежде чем Фабиан открыл глаза. Они были мутны, без всякого выражения. Я приставил острие стилета к его горлу. Он сразу же пришел в сознание и с ужасом уставился на меня.— Я не шучу, Фабиан, — проговорил я. И в самом деле, в этот момент я был способен убить его. Так же, как и он, я весь дрожал.— Ладно, — заплетающимся языком вымолвил он. — Не надо насилия... Я взял ваш чемодан... Помогите мне подняться.Я помог ему встать на ноги. Он немного шатался и сразу же опустился в кресло. Провел рукой по лбу и увидел, что рука в крови. Вынув платок, он стал прикладывать его к рассеченному месту.— Боже мой, вы чуть не убили меня, — слабым голосом произнес он.— Ваше счастье, что этого не случилось, — сказал я. Фабиан попытался улыбнуться, но, взглянув на стилет, который я все еще держал в руке, поморщился.— Ножи всегда вызывают у меня отвращение, — пожаловался он. — А вы, должно быть, ужасно любите деньги.— Не больше, чем вы.— Из-за них я не стал бы убивать.— Почем знать? Я тоже никогда не думал, что способен на это. До сегодняшнего дня. Где деньги?— У меня их нет.Я угрожающе шагнул к нему.— Остановитесь. Ради Бога, остановитесь. Ну... хорошо... у меня просто сейчас их нет при себе... Но они в наличии. Не размахивайте, пожалуйста, этим ножом. Я уверен, что мы сможем договориться.—

Фабиан снова приложил платок к кровоточащему лбу. И вдруг я обмяк. Меня начало дико трясти. Я был в ужасе от того, что едва не совершил. Ведь я действительно мог убить человека. Я бросил стилет на стол. Если бы в этот миг Фабиан заявил, что не даст мне ни цента, я бы повернулся и вышел, махнув на все рукой.— В глубине души, — меж тем спокойно продолжал Фабиан, — я, конечно, сознавал, что однажды кто-нибудь может появиться и потребовать деньги. Меня это очень тревожило. Но боюсь, что вам придется некоторое время обождать возврата денег.— Как это понимать? Что это за «некоторое время»? — все еще пытаюсь говорить грозным тоном, спросил я, сознавая, что вид мой не соответствует тону.— Дело в том, мистер Граймс, что я позволил себе некоторую вольность с вашими деньгами. Пустил их в оборот, — сказал он с извиняющейся улыбкой врача, сообщающего о неизлечимой болезни. — Нельзя было допустить, чтобы деньги бесполезно лежали без движения. Как вы считаете?— У меня прежде не было денег и нет опыта, как обращаться с ними.— О, неожиданное богатство. Я тоже подумал об этом. Если вы не возражаете, я пройду в ванную и отмою следы крови. Вот-вот придет Лили, и мне бы не хотелось пугать ее своим видом.— Идите, — сказал я, усаживаясь, — я подожду вас здесь.— Не сомневаюсь, — кивнул он, поднявшись с кресла и уходя в ванную. Вскоре послышался звук льющейся воды. Из ванной через спальню был выход в коридор, но я был уверен, что он не сбежит. А если бы он и захотел уйти, я бы не стал его задерживать, ибо находился в каком-то оцепенении. Деньги в обороте. Капиталовложения. Я представлял себе различные варианты встречи с человеком, похитившим у меня деньги, но уж никак не мог вообразить, что она обернется деловым финансовым обсуждением. Фабиан вышел из ванной умытый, причесанный. Шагал он твердо, и ничто не указывало на то, что несколько минут назад он без чувств и в крови лежал на полу.— Прежде всего, — сказал он, — не хотите ли выпить? Я кивнул, и он подошел к серванту, достал бутылку шотландского виски и налил два стаканчика. Я выпил залпом, он пил медленно, сидя в кресле и вертя стаканчик в руке.— Если бы не Лили, — усмехнулся Фабиан, — вы бы, вероятно, никогда не нашли меня.— Вполне возможно.— Женщины, — вздохнул он. — Вы спали с ней?— Предпочел бы не отвечать на этот вопрос.— Что ж, вы правы.— Он снова вздохнул.— Ну, а теперь... Думается, вы позволите мне рассказать с самого начала. У вас есть время?— С избытком.— Прежде чем я начну, разрешите оговорить одно условие?— А именно?— Вы ничего не скажете Лили о... обо всем этом. Как вы могли заметить из письма, она весьма высокого мнения обо мне. И мне бы не хотелось...— Если я получу обратно деньги, я никому не скажу ни слова.— Вполне справедливо. — Он опять вздохнул. — Если не возражаете,

я вначале расскажу немного о себе. Я не возражал, и он пообещал, что будет очень лаконичен. Рассказ оказался не таким уж коротким. Начал Фабиан со своих родителей-бедняков. Отец был мелким служащим на небольшой обувной фабрике в Лоуэлле в штате Массачусетс, где Майлс родился. В доме всегда не хватало денег. Ему не пришлось учиться в колледже. Во время второй мировой войны Майлс служил в авиации под Лондоном. Там он встретил девушку — англичанку с Багамских островов, где у ее родителей были большие поместья. По окончании войны Майлс демобилизовался в Англии и после стремительного ухаживания женился на этой богатой девушке. — Каким-то образом, — пояснил он мне причину вступления в этот брак, — у меня вдруг возникла склонность к шикарной жизни. Работать не было никакого желания, и в то же время никаких перспектив, чтобы жить той жизнью, которая меня манила. Приняв британское подданство, Майлс со своей женой отправился на Багамские острова. Родители жены были не скупы, но и не щедры, а потому он начал играть, чтобы пополнить свои средства. Играл главным образом в бридж и триктрак. — Увы, — заметил он, — обнаружились у меня и другие слабости. Женщины. И вот однажды собрался семейный совет, после чего последовал быстрый развод с женой. И с тех пор Майлс стал профессиональным картежником. По большей части жил довольно сносно, но в постоянной тревоге. Приходилось много разъезжать. Нью-Йорк, Лондон, Монте-Карло, Париж, Сан-Мориц, Гштаад. — Я жил сегодняшним днем, из руки в рот, — продолжал он, — не заглядывая в будущее. Мне то и дело подворачивалась возможность разбогатеть, но для этого у меня не было даже небольшого капитала. Не скажу, что это отравляло мне жизнь, но я был недоволен своей судьбой. За несколько дней до полета в Цюрих мне исполнилось пятьдесят лет, и я сознавал, что будущее ничего не сулит мне. А как тошно жить среди богатых, когда у самого почти ни гроша за душой. Делать вид, что проигрыш, скажем, трех тысяч так же мало значит для тебя, как и для них. Переезжать из одного первоклассного отеля в другой, когда ты, так сказать, на игре, а в перерывах прятаться в захудалых гостиницах. Особенно выгодной была обстановка в лыжных клубах. Из года в год там шла почти постоянная карточная игра. У Майлса был цветущий привлекательный вид, он ходил на лыжах, чтобы узаконить свое членство в клубе, аккуратно платил долги и свою долю расходов в компаниях, никогда не мошенничал, был очень мил с женщинами, знакомился с греческими, южноамериканскими и британскими миллионерами, игроками по натуре, гордившимися своим карточным умением, а на самом деле весьма беспечными в игре. Была также возможность подцепить какую-нибудь вдовушку или разведенную со средствами. — К несчастью, — со вздохом прибавил он, — я ужасный романтик, явный недостаток в моем

возрасте. То, что навязывалось, я не брал, а то, что привлекало, не предлагалось. Во всяком случае, — несколько рисуясь, заметил он, — я сам понимаю, что выгляжу вовсе не героем.— Не спорю, — сказал я.— Я лишь хочу, чтобы вы верили, что я говорю правду и что мне можно доверять.— Продолжайте. Пока я еще не доверяю вам.— Итак, теперь вы знаете того, кто пытался открыть чемодан в одном из роскошных номеров отеля «Палас» в Сан-Морице и обнаружил, что секретный замок не открывается.— И тогда вы вызвали человека, чтобы взломать замок, — сухо заметил я, вспомнив, как это происходило у меня.— Совершенно верно. Когда открыли чемодан, я тут же обнаружил, что он не мой. Не знаю, почему я вслух не сказал об этом. Возможно, какое-то шестое чувство удержало меня. Или, быть может, потому, что сверху лежал новенький кейс, который обычно носят с собой, а не кладут в чемодан. Так или иначе, я дал человеку на чай и отпустил его... Кстати сказать, мне было жаль выбросить ваш кейс, и я с удовольствием возвращу его вам.— Благодарю вас.— Не стоит благодарности, — без всякой иронии поклонился он.— Когда затем я сосчитал деньги, конечно, сразу понял, что они украдены.— Да, конечно.— Согласитесь, что это несколько меняет моральную, так сказать, сторону всего этого дела, не правда ли?— Отчасти.— Также было ясно, что тот, кто вез через океан эти деньги, не обратится за помощью к полиции. Вы не станете отрицать этого?— Нет, не стану.— Осмотрев тщательно содержимое вашего чемодана, я пришел к заключению, что владелец его человек небогатый, если не сказать больше. Я утвердительно кивнул.— В чемодане не было ни записных книжек, ни писем — ничего, что могло бы указать имя владельца. Не было даже ни одного лекарства с рецептом, на котором стояло его имя. Я невольно рассмеялся.— Вы, должно быть, необычайно здоровый человек, — одобрительно заметил Фабиан.— Так же, как и вы, — усмехнулся я.— А, вы, значит, тоже искали у меня рецепты?— Разумеется.— Далее я стал припоминать, осталось ли что-нибудь в моем чемодане, что указывало на меня. И решил, что ничего там нет. Совершенно упустил из виду письмо Лили. Мне казалось, что я его выбросил. Но даже если бы письмо и нашли, то, зная присущую ей осторожность, можно было быть уверенным, что в нем нет ни имени, ни адреса. Ну и, следовательно, мое решение было вполне очевидным.— Вы попросту присвоили деньги.— Позвольте сказать, что я пустил их в оборот. В хороший оборот.— А именно?— Разрешите объяснить все по порядку. Так вот, у меня никогда не было достаточно денег, чтобы основательно рискнуть, когда везет. Если я выигрывал, что бывало чаще, то не пожинал полностью плоды своего счастья в игре. Я, например, не отважился играть в бридж более пяти центов за очко.— Да, жена Слоуна говорила мне, что вы

играли с ним по этой ставке.— Только в первый вечер. Затем мы перешли на десять центов. Потом на пятнадцать. Понятно, что Слоун, много проигравший мне, лгал своей жене.— Сколько же он проиграл?— Буду откровенен с вами. Когда я уезжал из Сан-Морица, в моем бумажнике лежал чек Слоуна на двадцать семь тысяч долларов. Присвистнув от удивления, я с невольным уважением поглядел на Фабиана. Моя игра в покер в Вашингтоне выглядела жалким упражнением. А вот он действительно был игрок, который знал, как надо положиться на удачу. Однако меня тут же озлобила мысль, что рисковал-то он моими деньгами.— Какого черта вы мне все это рассказываете?— сердито спросил я. Фабиан умиротворяюще поднял руку:— Все в свое время, дорогой мой. Хочу добавить, что я был так же счастлив и в триктраке. Может, вы помните того страстного молодого грека с красавицей женой?— Очень смутно.— Поверьте, он был восхищен, когда я предложил увеличить ставки. В итоге — чистоганом девять тысяч с лишним.— Значит, — хрипло проговорил я, — вы сорвали еще тридцать шесть тысяч. Рад за вас, Фабиан. Стало быть, вы при деньгах. Верните мне мои семьдесят тысяч, мы пожмем друг другу руки, выпьем и разойдемся в разные стороны. Он грустно покачал головой:— Все это не так просто.— Не испытывайте моего терпения. Либо у вас есть деньги, либо их нет. И для вас же лучше, чтобы они были в наличии.— Надо бы нам выпить еще по рюмке, — сказал Фабиан, поднимаясь и идя к серванту. Я проводил его сердитым взглядом. После того, что уже произошло, когда я чуть не убил его, всякие словесные угрозы теряли свое значение. Мне пришло в голову, что, может, он просто заговаривает мне зубы, ожидая, чтобы кто-нибудь — горничная, Лили или один из его знакомых — вошел в комнату. И тогда он мог бы, имея свидетеля, обвинить меня в том, что я приставал к нему, требуя уплаты несуществующего долга, или пытался продать ему грязные порнографические открытки, или еще что-нибудь в этом роде, дабы иметь предлог выгнать меня из отеля. Когда он поднес мне рюмку, я сказал:— Имейте в виду, Фабиан, если вы мне лжете, в следующий раз я приду к вам с пистолетом.— Доверьтесь мне, — ответил он, усаживаясь с рюмкой в руке.— У меня есть планы для нас обоих, и они требуют взаимного доверия.— Какие планы?— спросил я, чувствуя, что этот многоопытный человек, несколько минут назад бывший на волосок от смерти и все же спокойный и твердый, ловко играет со мной, как с ребенком.— Вы за это время взяли еще тридцать шесть тысяч, а говорите, что вам не так просто вернуть мне мои деньги. Почему?— По той причине, что я пустил их в оборот.— Какой оборот?— Позвольте мне сначала обрисовать в основном тот план, который я наметил для нас.— Он глотнул виски.— Возможно, вам не понравится то, что я уже сделал, но в

дальнейшем, я уверен, вы будете мне глубоко благодарны. Я собрался было перебить его, но он сделал знак, прося, чтобы я выслушал его.— Семьдесят тысяч, понятно, большой кусок. Особенно для такого молодого человека, как вы, который, как видно, никогда еще не ворочал деньгами.— Куда вы это гнете, Фабиан? — не удержался я, так как видел, что шаг за шагом все идет к тому, что я уже буду не способен ни возразить, ни предпринять что-либо. Он продолжал спокойно, уверенно и убедительно:— На сколько вам хватит этих денег? На год, на два? Самое большее на три года. И как только вы всплывете наверх, за вами начнут охотиться потокающие вашим слабостям подхалимы и алчные женщины. У вас мало опыта, если он вообще есть, в обращении с большими деньгами. Это видно хотя бы потому, как вы пытались вывезти их в Европу. Я молчал, не зная, что возразить.— С другой стороны, — проговорил он, глядя мне прямо в глаза, — я почти тридцать лет ворочал крупными деньгами. Вы года, скажем, через три сядете на мель, без гроша в кармане, в каком-нибудь захолустье в Европе, ибо я сомневаюсь, что вам удобно вернуться в Америку, а я... — Он остановился, загадочно поглядев на меня.— Продолжайте, — сказал я.— А я, имея эти деньги для начала, не буду удивлен, если сделаю больше миллиона.— Долларов?— Нет, фунтов стерлингов.— Должен признаться, что ваша хватка пленяет. Но что мне за польза от этого?— Мы станем компаньонами, — невозмутимо заявил Фабиан.— Прибыль будем делить пополам. Что может быть лучше?— Значит, к моим деньгам прибавятся и ваши тридцать шесть тысяч? — спросил я.— За вычетом некоторых расходов.— Каких именно?— Ну, оплата отелей, дороги, развлечений. Я оглядел комнату, в которой было полно дорогих цветов.— Что-нибудь осталось?— Довольно много. Послушайте, — с жаром проговорил он, — чтоб успокоить вас, сделаем так: через год вам разрешается забрать свои семьдесят тысяч, если вы того пожелаете, и выйти из компании.— А если за этот год мы все потеряем?— Так то риск, на который мы оба идем. И я верю, что он оправдает себя. Кроме того, укажу вам еще на некоторые преимущества. Как американец вы обязаны платить подоходный налог, верно?— Да, но я...— Вы хотите сказать, что вовсе не собираетесь платить его. Действительно, если вы просто профукаете ваши семьдесят тысяч, у вас не будет никаких затруднений и забот. Но если вы станете увеличивать свой капитал законными или даже полузаконными путями, то вам придется остерегаться целого легиона американских агентов по всей Европе, их осведомителей в банках и деловых конторах... Вы будете в постоянном страхе, что у вас отберут заграничный паспорт, оштрафуют, возбудят уголовное преследование...— Ну, а вы-то сами?— Я британский подданный с постоянным местожительством на Багамских островах. И даже не

заполняю анкету для обложения налогом. И вот еще наглядный пример. Вам, как американцу, запрещено покупать и продавать золото, хотя ваше правительство время от времени шумит, что оно отменит этот запрет. У меня же нет таких ограничений. А ведь в наши дни золотой рынок наиболее соблазнительный. Забавляясь игрой со Слоуном и молодым греком, я заодно купил изрядное количество золота. Вы следите за его курсом?— Нет.— Так вот я... простите, мы уже имеем на нем десять тысяч.— За три недели? — удивился я.— За десять дней, если быть точным, — поправил меня Фабиан.— Что же еще вы сделали с моими деньгами? — спросил я, все еще цепляясь за то, что они мои, но уже с меньшей силой...— Ну... — он несколько замялся. — От компаньона ничего не следует скрывать. Я купил коня.— Коня? — почти простонал я.— Какого коня?— Породистого скакуна. Из-за него-то я и не приехал, как было условлено, во Флоренцию, к большой досаде Лили. Отправился в Париж, чтоб завершить сделку. Еще прошлым летом в Довилле я обратил внимание на этого скакуна, но, увы, был не в состоянии купить его. Да он тогда и не продавался. У меня есть друг в Кентукки, у которого скаковая конюшня и ферма, где он выращивает породистых лошадей. Его интересуют жеребцы-производители, и я убежден, что он будет весьма благодарен, если я дам ему знать об этом коне. Из чувства дружбы, так и быть, продам его.— А если он откажется? — К этому времени я почти незаметно оказался втянутым в обсуждение того, что четверть часа назад показалось бы мне бредовыми фантазиями игрока. — Что тогда? Фабиан пожал плечами и любовно подкрутил кончики своих усов — водилась за ним такая привычка, когда у него не было готового ответа.— Тогда это прекрасное начало для нашей скаковой конюшни. Я еще не выбрал цвета для жокеев. Какие вы предпочитаете?— Те, что в синяках. Черный и синий. Он раскатисто рассмеялся:— Весьма рад, что вы наделены чувством юмора. Скучно иметь дело с мрачными людьми.— Можно мне узнать, во сколько же обошлось это животное?— О, безусловно. Шесть тысяч долларов. Прошлой осенью на пробежке эта лошадка немного повредила себе ногу, поэтому продавалась по дешевке. Но ее наездник, старый мой друг, — похоже, у Фабиана друзья по всему свету и во всех профессиях, — заверил меня, что сейчас она в полном порядке.— В полном порядке, — машинально повторил я. — А куда еще вы вложили мои деньги? Фабиан снова подкрутил свои усы.— Случился и такой грех, — кивнул он.— Надеюсь, вы не чересчур стыдливы.— В меру, — ответил я, вспомнив отца и его чтение Библии.— А в чем дело?— Есть у меня одна знакомая, восхитительная француженка. Я обязательно навещаю ее всякий раз, когда бываю в Париже, — он мечтательно улыбнулся, видимо, представив себе эту очаровательную француженку. — Она интересуется кино. Говорит, что

в свое время была актрисой. Теперь она продюсер, занимается производством фильмов. Ее старый поклонник ссужает ее деньгами для этого. Но он жмот, как я понял. Сейчас у нее в разгаре производство одного фильма. Очень неприличного. Я бы даже сказал, исключительно непристойного. Мне показали отдельные кадры. Гм... чрезвычайно забавно. Вы знаете, какую прибыль дают эти фильмы? Скажем, такой порнофильм, как «Глубокое горло», сделанный в Америке?— Понятия не имею.— Миллионы, браток, миллионы! — мечтательно вздохнул он. — Моя французенка дала мне прочитать сценарий. Весьма грамотно состряпано. В выдумке им не откажешь. И очень возбуждает. Хотя в целом достаточно невинно. Обстановка изысканная, декорации — просто шик, словом, всего понемногу на любой вкус. Сочетание Генри Миллера и «Тысячи и одной ночи». Моя подруга — кстати, она же и режиссер фильма — приобрела сценарий за бесценок у одного молодого иранца, которого не пускают обратно на родину. Расходы она уменьшила до предела, но все же постановка может влететь в копеечку. Хотя некоторые фильмы подобного рода обходятся менее чем в сорок тысяч долларов. А такая классика, как «Глубокое горло», стоила порядка шестидесяти тысяч. Одним словом, моей французенке не хватало пятнадцати тысяч долларов.— И вы, конечно, пообещали дать ей.— Совершенно верно, — лучезарно улыбнулся Фабиан. — В благодарность она предложила мне двадцать процентов прибыли.— И вы согласились?— Нет. Я выговорил двадцать пять процентов, — сказал он с той же лучезарной улыбкой. — Я могу быть другом, однако прежде всего я деловой человек.— Фабиан, — пожал я плечами, — просто не знаю, смеяться мне или плакать?— Со временем начнете улыбаться. Это по меньшей мере. Так вот, сегодня у них просмотр отснятых кадров. Мы приглашены, и я уверен, что это произведет на вас большое впечатление.— Никогда еще в своей жизни не видел порнографического фильма, — развел я руками.— Никогда не поздно посмотреть, — заверил меня Фабиан. — А теперь, — с живостью предложил он, — давайте пойдем в бар и подождем там Лили. Она должна вскоре прийти. Скрепим нашу сделку шампанским. Я угощу вас таким завтраком, какого вы еще никогда не ели... А после завтрака отправимся в Лувр. Вы когда-нибудь были в Лувре?— Я лишь вчера впервые приехал в Париж.— Завидую: у вас все впереди. Только мы распили бутылку шампанского, как в бар вошла Лили Эббот. Фабиан представил меня как старого знакомого из Сан-Морица. Она и виду не подала, что мы когда-либо встречались. Фабиан заказал вторую бутылку. И чего они все находят в этом шампанском?13

В небольшом просмотровом зале нас сидело восемь человек. Ноги у меня ныли от долгого хождения по Лувру. В кинозале стоял застарелый запах табака и пота. Само здание на Елисейских полях было уже обветшалое, со скрипучими старомодными лифтами. В коридорах полумрак, словно люди, часто бывавшие здесь, не хотели, чтобы замечали, когда они приходят и уходят. Кроме Фабиана, Лили и меня, рядом с нами сидела восхитительная француженка, которую звали Надин Бонер. Сзади в углу притулился кинооператор — седой, усталый старик лет шестидесяти пяти, в берете и с вечной сигаретой в зубах. Он выглядел слишком старым для такого рода работы в кино и все время сидел с полузакрытыми глазами, словно не хотел напоминать о том, что именно он снимал фильм, который мы должны посмотреть. В дальнем боковом проходе уселись две звезды этого фильма: стройный смуглый молодой человек, вероятно африканец, с меланхоличным печальным лицом и веселенькая хорошенькая американка по имени Присцилла Дин, блондинка с «конским хвостом». Ее свежее цветущее личико казалось здесь явным анахронизмом, напоминавшим о давнем поколении девственниц американского Среднего Запада. На ней было строгое платье, и она выглядела столь добродетельной, как только может выглядеть белоснежный, туго накрахмаленный девичий передник с кружевами. Меня без всяких церемоний, по-деловому, представили всем. Со стороны могло показаться, что мы собрались на какую-нибудь лекцию, скажем, о здоровом питании. Длинноволосый и бородатый субъект в куртке, сшитой из портьерной ткани и покрытой сальными пятнами, сидел отдельно от всех. Он выглядел так, словно только что проглотил какую-то дрянь, и в ответ на мое приветствие просто проворчал что-то. — Это критик, — прошептал мне Фабиан. — Собственность моей Надин. — Рада познакомиться, — сказала мне Надин Бонер, протягивая мягкую и нежную руку. Сама она была маленькая, изящная, с бросающимся в глаза бюстом, добрая половина коего выпирала из низкого выреза ее черного платья. У нее был очень ровный красивый загар. Мне представилось, как она бесстыдно голая загорала на пляже в Сен-Тропезе в окружении таких же оголенных распутных мужчин. — Чего это киномеханик копается? — обратилась она к кинооператору. — Мы ждем почти тридцать минут, — произнесла она по-английски с тем французским акцентом, который так нравится американцам. Кинооператор снял трубку телефона, прокричал в нее что-то по-французски, и свет в зале стал меркнуть. В последовавшие полчаса я был несказанно рад тому, что сидел в темноте. Я дико краснел, хотя никто и не мог заметить этого, мое лицо пылало, подобно лампе с инфракрасным излучением. То, что демонстрировалось на цветном экране, мой отец

назвал бы совершенно неопишным. Возникали всевозможные совокупления, в разнообразных положениях и позах. Втроем, вчетвером, с животными, включая черного лебедя, перемежаясь с лесбийскими забавами и орально-генитальными изощрениями, по терминологии, принятой в «Плейбое». Были также сцены садизма и мазохизма, и того, что я вовсе не знаю, как назвать. Словом, на любой вкус, как объяснил мне Фабиан. Действие как будто происходило в середине прошлого века, мужчины были в цилиндрах и сюртуках, некоторые в гусарской форме и сапогах со шпорами, женщины — в кринолинах и турнюрах. Иногда нам показывали старинный замок и полногрудых крестьянок, которых затаскивали в кусты. Надин Бонер, в черном парике, полуодетая с озорным лицом школьницы, играла роль распорядительницы всех вакханалий, размещая тела в определенном порядке, как хозяйка перед приемом гостей расставляет в гостиной вазы с цветами. Фабиан говорил, что сценарий написан весьма литературно, но пока что никто на экране не произнес ни слова. Его озвучат позже, пояснил он мне. Время от времени на экране появлялся ангелоподобный молодой человек в длинной розовой мантии, отороченной мехом. В руках у него были садовые ножницы, которыми он подстригал кусты, а в промежутках между этим занятием простоудушно поглядывал на нас. В других случаях он восседал в походившем на трон позолоченном кресле и бесстрастно взирал на всевозможные сочетания тел, стремившихся к оргазму. Выражение его лица ни разу не менялось, лишь однажды, когда все достигли пика наслаждения, он безмятежно поднес к лицу роскошную розу на длинном стебле и понюхал. Надо отдать должное Лили, которая сидела рядом с Фабианом: она еле сдерживала смех.— Сюжет фильма очень прост, — шепотом объяснил мне Фабиан. — Действие происходит где-то в центре Европы. Молодой человек в мантии с садовыми ножницами — наследный принц. Кстати, рабочее название фильма «Спящий принц». Он только что женился на красивой иностранной принцессе. Отец принца, король, — его мы увидим на просмотре на следующей неделе, — желает продолжения царского рода. Но его сын — невинный юноша. Его совсем не интересуют девушки. Он всецело поглощен садоводством.— Ага, теперь понятно, почему он с ножницами, — робко вставил я.— Ну, естественно, — нетерпеливо кивнул Фабиан и продолжал: — Король поручает своей сестре, ее играет Надин Бонер, разбудить в племяннике мужчину. Принцесса, вышедшая за него замуж, безутешно рыдает в одной из башен дворца, одна на свадебном ложе, украшенном гирляндами цветов. Однако ничто не действует на принца, ничто не трогает его. У него по-прежнему тусклый безразличный взгляд. В замке все в полном отчаянии. И тогда наконец прибегают к последнему средству. Его тетя, то есть Надин, танцует перед ним в прозрачном хитоне с

красной розой в зубах. Глаза принца загораются. Он приподнимается в кресле. Бросает садовые ножницы. Кидается к тете и заключает ее в объятия. Он танцует с ней. Целует ее. В любовном экстазе они падают на траву. Замок оглашается громкими приветственными кликами. Король объявляет брак с несчастной принцессой расторгнутым, и принц женится на своей тете. По сему случаю устраивается трехдневное празднество, которое отмечается свальным гулянием в кустах. Через девять месяцев у принца рождается сын, и в ознаменование этого события каждый год принц и его тетя-жена повторяют под звон колоколов свой первый брачный танец. Есть еще и побочная линия сюжета, в которой отчаянный злодей пытается захватить трон и тетю, но я не стану докучать вам рассказом об этом. В зале зажегся свет, и я нарочно закашлялся, чтобы этим объяснить краску стыда на своих щеках.— Короче говоря, — заключил Фабиан, — тут и нашим и вашим, если вы понимаете, что я имею в виду. Мы заманим интеллигенцию так же, как и остальную публику.— Ну как, Майлс, — воскликнула Надин Бонер, поднимаясь со своего места во втором ряду впереди нас и превращаясь из искусной соблазнительницы в серьезную деловую женщину, — нравится, а?— Замечательно, — сказал Фабиан. — Очень хорошо. Мы безусловно сорвем хороший куш. Я избегал встречаться глазами с кем-нибудь, когда, выйдя из зала, мы столпились у лифта. Особенно я старался не глядеть на молодую американку Присциллу Дин, фигурировавшую в наиболее бесстыдных сценах. Вот уж кого я теперь без труда опознаю на любом нудистском пляже мира, даже с мешком на голове. Лили не поднимала глаз, сосредоточенно разглядывая пол лифта. Мы пошли через Елисейские поля к эльзасскому ресторанчику, чтобы подкрепиться. Надин Бонер взяла меня под руку.— Как вам нравится наша американочка в фильме? — спросила она. — Талантлива, не правда ли?— Исключительно, — поддакнул я.— У нее это побочная работа, — пояснила Надин. — Подрабатывает, чтоб оплатить обучение в Сорбонне. Занимается на факультете сравнительной литературы. У американок крепкий характер, не то что у европейских девушек. Вы согласны?— Не могу судить. Я всего лишь пару недель в Европе.— Как, по-вашему, фильм будет иметь успех в Америке? — с некоторой тревогой спросила Надин.— О, да.— Боюсь лишь, что, может, слишком круто замешано, — продолжала Надин.— Я бы не беспокоился об этом.— Майлса это тоже не беспокоит, — сказала Надин, призывно пожав мне руку. — Вы знаете, он просто незаменимый человек на съемочной площадке. Улыбки у него для всех без исключения. Вам тоже надо побывать на съемках. Ах, как все работают! Дружно и сообща, не считаясь со временем, сверхурочно, никогда не жалуясь. Оплата, конечно, небольшая, но звезды у нас на процентах с прибылей. Так вы заглянете завтра? Мы будем снимать сцену,

в которой Присцилла одета монахиней...— У меня много дел в Париже. Я ужасно занят.— Будем рады вам в любое время. Не стесняйтесь, пожалуйста.— Благодарю вас, — поклонился я.— Скажите, а цензура в Америке пропустит наш фильм?— опять тревожно спросила Надин.— Полагаю, что пропустит. Насколько мне известно, сейчас все это разрешают. Не исключено, конечно, что кое-где местный шериф может и запретить, — говоря это, я чувствовал, что будь я сам шерифом, то приказал бы сжечь этот фильм, не считаясь с тем, законно это или нет. Но я не полицейский, а — нравится мне это или нет — один из соучастников грязного предприятия. Тон задают мои пятнадцать тысяч долларов. И я попытался небрежно продолжить наше деловое обсуждение:— А как во Франции? Тут не будет препятствий?— Во Франции ужасные порядки, — пожаловалась Надин, опять ни с того ни с сего пожимая мне руку.— Никогда не знаешь, как обернется. Выступит с воскресной проповедью какой-нибудь старый боров, и на другой день кинозалы погрузятся в темноту. Или, скажем, попадетсЯ на глаза жене президента или премьер-министра наша афиша... Вы и представить себе не можете, какая ограниченность у французов в вопросах искусства. К счастью, на следующей неделе обычно возникает какой-то новый скандал, и нас оставляют в покое. — Неожиданно она умолкла и выпустила мою руку. Отойдя на два шага, она оценивающе оглядела меня. — Сразу же видно, что вы отлично сложены, а?— Много ходил на лыжах, — сказал я.— У нас еще нет исполнителя на роль злодея, — сказала Надин. — Он появляется в двух весьма занятных сценках. В одной вдвоем с Присциллой, а в другой с ней и нубийкой одновременно. Вас это должно заинтересовать и очень позабавить.— Вы очень любезны, мадам, — сказал я, — но если моя мать в Америке увидит меня в таких сценках... — Мне было стыдно приплетать к этому мою покойную мать, но казалось, что так можно быстрее отвертеться.— У Присциллы тоже мать в Америке, — возразила Надин.— Разные бывают матери. К тому же я единственный сын, — продолжал я. — Поверьте, мне бы хотелось помочь вам, но я в любой момент могу уехать из Парижа.Надин досадливо пожала плечами.— Одни беспокойства у меня с этим фильмом. Постоянно не хватает исполнителей. Одни и те же лица и одна и та же случка. А у вас обаяние потаенного секса, вроде как у молодого похотливого священника, этакая интригующая порочность. Невинная испорченность. Совершенно новый ракурс.— Нет уж, как-нибудь в другой раз, — решительно отказался я.— Но я еще займусь вами, — и Надин продемонстрировала свою хорошо заученную улыбку наивной школьницы.От двух выпитых кружек пива бородатый критик, похоже, вдохновился и возбужденно затараторил с Надин по-французски.— Филипп, — пожурила Надин, — говорите по-английски. У

нас ведь гости.— Но мы во Франции, — громко возмутился Филипп. — Почему бы им самим не перейти на французский?— Потому что мы, англосаксы, прирожденные тупицы, — пояснила Лили. — К тому же, дорогуша, любому французу известно, что мы все недоучки.— Он говорит по-английски замечательно, — сказала Надин. — Совершенно свободно. Он жил в Америке два года. В Голливуде. Печатал критические статьи в «Журнале кино».— Вам понравилось в Голливуде? — любопытствовал Фабиан.— Меня мутило от него.— Но фильмы-то нравились?— От них тоже мутило.— А как насчет французских фильмов? — поинтересовалась Лили.— Последний фильм, который произвел на меня впечатление, был «Бездыханный». — Филипп отхлебнул пива.— Господи, да он вышел десять лет назад, — удивилась Лили.— Даже больше, — невозмутимо произнес Филипп.— Он такой педантичный, — пояснила Надин. — Щепетилен до мелочей...— Сколько раз я тебе говорил, что это одно и то же? — напустился на нее Филипп.— Много, много. Успокойся, пожалуйста. Кстати, он влюблен в Китай, — ни с того ни с сего добавила Надин.— Вот как? — спросила Лили. — И китайские фильмы вам нравятся?Похоже, она находила удовольствие в том, что подкалывала его.— Я пока не видел ни одного китайского фильма, — ответил Филипп. — Но я непременно посмотрю, хотя бы пришлось ждать этого целых пять лет. Или даже десять.Говорил он по-английски бегло, но с заметным акцентом. Глаза его блестели. По-моему, он был готов спорить с кем угодно и о чем угодно хоть на санскрите. А наткнись он вдруг на человека, готового во всем согласиться и не препираться, ему бы ничего не оставалось, как сдаться и покинуть поле боя.— Послушайте, старина, — дружелюбно обратился к нему Фабиан. — Как вам понравилось наше творение?— Merde. Дерьмо собачье.— Да вы что? — Лили казалась изумленной.— Филипп, — предостерегла Надин, — Присцилла понимает английский. Ты же не хочешь сказать, что она не справилась с ролью?— Ничего, — пропела американка звонким сопрано. — Я никогда не принимала французов всерьез.— Мы же в городе, где великий Расин представил «Федру», — напыщенно изрек критик, — где ушел из жизни Мольер, где Флоберу пришлось в суде отстаивать «Мадам Бовари», где бунтующие толпы высыпали на улицы после премьеры «Эрнани», где любили Гейне из-за того, что он творил на другом языке, и где нашел приют. Тургенев.Борода Филиппа ходила ходуном от возбуждения, а фамилии великих людей он выговаривал с особым вкусом.— В мое время, — продолжал он, — были такие фильмы, что ими гордилась вся нация. «Большие иллюзии», «Рыжик», «Запретные игры». А как можно обсуждать то, что нам сегодня показали? Нагромождение нелепостей и безвкусицы, пошловатенькие попытки пробудить самые низменные чувства...— Ты рассуждаешь, как

пуританин, которого нашли в капусте, — оборвала его Надин. — Хотя мы слышаны о твоих похождениях, можешь мне поверить. Критик насупился и заказал еще пива. — А что вы мне показали? — огрызнулся он. — Дюжину половых актов между этой американской пустышкой и марокканским красавчиком, который... — Послушай, cheri, — вновь вмешалась Надин, — ты же всегда подписывал петиции против расизма. — Ничего, Надин, — успокоила ее Присцилла. Она усердно поедала шарики мороженого в шоколаде. — Я привыкла не обращать внимания на болтовню французов. Марокканец дружелюбно улыбнулся во весь рот. По-видимому, его знания английского не хватало на то, чтобы разобраться в тонкостях этой светской беседы. — Или возьмите «Мейд ин Франс», сделано во Франции, — не унимался критик. — Написано во Франции, сочинено во Франции, нарисовано во Франции... Ты помнишь? — Он ткнул обвиняющим перстом в Надин. — А ведь я просил, чтобы ты помнила, что это значит для Франции. Славу! Гордость. Преданность прекрасному, искусству, высочайшим порывам души человеческой. А во что вы превратили марку «Мейд ин Франс»? В технику копуляции, податливость влагища... — Вы только послушайте, что он несет! — вскинулась Лили. — Это все ваша англосаксонская вседозволенность, — продолжал Филипп, перегибаясь через стол к Лили. — Вот уже и ваша империя развалилась. Скоро и в Букингемском дворце бордель устроите. — Послушайте, старина, — улыбнулся Майлс, — по-моему, вы отвлеклись. — Черта с два я отвлекся, — вспыхнул Филипп. — Что вы имеете в виду? — Изначальный замысел заключался в том, чтобы заработать доллар-другой, — пояснил Майлс. — То, что я слышал, мне кажется, нисколько не противоречит национальному духу французов. — Деньги тут ни при чем. Это вовсе не национальный дух, а проявление капиталистического строя. Это разные вещи, месье. — Хорошо, — добродушно согласился Фабиан, — не будем пока о деньгах. Но позвольте вам напомнить, что абсолютное большинство порнографических фильмов, в том числе самые откровенные, было произведено в Швеции и Дании, то есть в странах, по вашему определению, социалистических. — Скандинавы! — презрительно фыркнул критик. — Устроили пародию на социализм. Чихал я на такой социализм. — Да, с вами трудно договориться, Филипп, — вздохнул Фабиан. — Просто я строг в терминологии, — ответил Филипп. — Для меня социализм — нечто совсем иное. — Ну вот, сейчас опять вернемся к Китаю, — захныкала Надин. — Но ведь не можем же мы все жить в Китае, пусть это и образец идеального общества, — возразил Фабиан. — Нравится нам или нет, но мы живем в обществе с другой историей, другими вкусами и потребностями... — Плевать мне на общество, которому нужно такое

дерьмо, что нам тут показали сегодня! — взорвался Филипп, но не забыл заказать себе еще пиво. Годам к сорока он станет пузатый, как бочонок, подумал я.— Сегодня днем мы с моим молодым другом ходили в Лувр, — мягко заговорил Фабиан, кивнув в мою сторону. — А вчера я посетил «Же-де-Пом». Где хранятся импрессионисты.— Спасибо, месье, я имею некоторое представление о парижских музеях, — едко произнес Филипп.— Прошу прощения, — вкрадчиво ответил Фабиан. — Но скажите, месье, к работам, выставленным в этих музеях, вы тоже относитесь неодобрительно?— Не ко всем, — неохотно признался Филипп. — Но к некоторым — да.— Я имею в виду обнаженную натуру, изображения пылких объятий, мадонн с пышными бюстами, богинь, сулящих смертным плотские удовольствия, прелестных мальчиков, ангелочков, нагих принцесс... Вы противник всего этого?— Не пойму, куда вы клоните, месье? — пробурчал Филипп, смахивая с бороды пену.— А вот куда, — сказал Фабиан, воплощение терпения и доброжелательности. — Всю историю нашей цивилизации художники в той или иной форме создавали произведения на эротические сюжеты — возвышенные и игривые, грубоватые и целомудренные, непристойные и рассчитанные на самый взыскательный вкус... Всячески выражали свои сексуальные фантазии. Вчера, например, в «Же-де-Пом» я в десятый или в двадцатый раз любовался полотном Мане «Завтрак на траве». Помните? Две обнаженные пышнотелые женщины на траве в обществе двух полностью одетых джентльменов...— Знаю я эту картину, знаю, — перебил Филипп скучающим тоном. — Продолжайте.— Так вот, — проговорил Фабиан, — месье Мане вовсе не хотел, чтобы у зрителей сложилось впечатление законченности этого сюжета. В картине содержится намек на то, что происходило до изображенной сцены, а также на то, что может случиться потом. Такое, во всяком случае, у меня сложилось впечатление. Вы понимаете, что я хочу сказать?— Понимаю, — сказал Филипп. — Но не совсем.— Кто знает, — рассудил Фабиан, — будь у Мане побольше времени, возможно, он изобразил бы какие-то сценки, что предшествовали этому мирному, остановленному во времени мгновению, а также посвятил бы нас в то, чем закончился идиллический завтрак. Вполне вероятно, что эти сценки мало отличались бы от того, чем нас угостили на просмотре. Да, верно, Надин уступает Мане в таланте, спорить тут не приходится, да и наша прелестная малышка Присцилла, возможно, не так мила, как женщины на картине, но в целом, осмелюсь уверить, фильм Надин преследует те же благородные цели, что и полотно великого Мане...— Bravo! — вскричала Надин. — Не в бровь, а в глаз! Он и в самом деле вечно норовит затащить меня в кусты или трахнуть прямо на пляже. И не вздумай отпираться, Филипп. Помнишь, что ты отчебучил со мной

прошлым летом? Я потом неделю вымывала песок из задницы.— А я вовсе не отпираюсь, — неуклюже пробормотал Филипп.— Секс, любовь, как угодно, — разглагольствовал Фабиан, — все это никогда не сводится к одной лишь нагой плоти, к удовлетворению страсти. Всегда должна примешиваться фантазия. Каждая эпоха таит для художника фантазию, загадку, которая поднимает простой акт любви на невероятную высоту. Вот и Надин попыталась внести свою скромную лепту, чтобы обогатить фантазии ваших современников. В наш мрачный, безрадостный и примитивный век ее не критиковать, а на руках носить надо.— Да он хоть коню зубы заговорит, — восхищенно воскликнула Лили.— Это точно, — поддакнул я, припомнив, как за считанные минуты Фабиан ухитрился превратить меня из врага в союзника. И вдруг я сообразил, что он, должно быть, разжалованный адвокат. Представляю, за что его могли разжаловать!— Ничего, месье, — величественно произнес Филипп, — настанет день, когда мы поспорим с вами на моем родном языке. Дискутируя по-английски, я оказываюсь в ущемленном положении. Критик поднялся.— Завтра мне рано вставать. Расплатись по счету, Надин, а я возьму такси.— Не беспокойся, Надин, — замахал руками Фабиан, хотя француженка, похоже, вовсе не собиралась последовать совету Филиппа. — Мы сами заплатим.— От меня не ускользнуло, что он употребил множественное число. — Спасибо за прекрасный вечер. Мы встали, и Надин расцеловала Фабиана в обе щеки. Со мной попрощалась за руку. Я ощутил легкое разочарование. Что ей стоило поцеловать и меня? Интересно, как относится марокканец, сыгравший с ней в двух продолжительных и отнюдь не романтических сценах, к тому, что она уходит с другим? Впрочем, актеры есть актеры, подумал я. У них все не как у людей.— А вы где живете? — спросил Фабиан мисс Дин.— Неподалеку отсюда.— Может, проводить вас...— Нет, благодарю, я не иду домой, — ответила Присцилла.— У меня свидание с женихом.— Она протянула мне руку, которую я чиино пожал.— До свидания, — попрощалась она. И вдруг я ощутил в своей ладони скатанный бумажный шарик. Тут я впервые разглядел лицо молодой американки. Уголок ее рта был выпачкан шоколадом, но глаза отливали голубизной морской приливной волны, сулящей вынести на берег таинственные сокровища из пучины.— До свидания, — сбивчиво пробормотал я ей вслед, сжимая в кулаке бумажку. Мы вышли из эльзасского ресторанчика, распрощались со всеми, и втроем, Фабиан, Лили и я, прошли немного пешком, вдыхая влажный воздух теплой февральской ночи в Париже. Я сунул руку в карман, извлек комочек бумаги, развернул и увидел при свете уличного фонаря нацарапанный телефонный номер. Спрятав бумажку в карман, я поспешил вслед за Фабианом и Лили, которые успели отдалиться на несколько

шагов.— Ну как, Дуглас, хорошо в Париже? — спросил Фабиан.— Н-да, бойкий был денек. Поучительный.— Это только начало, — сказал Фабиан. — Многое еще ожидает вас впереди. Многое.— Вы и в самом деле верите в ту галиматью, что несли там? — обратился я к Фабиану. — Насчет Надин, Мане и всего прочего? Фабиан расхохотался.— Вначале — нет, — сказал он. — Просто я завелся. Я всегда заводжусь, когда французы начинают распинаться о Расине, Мольере и Викторе Гюго. А вот в конце я же сам себя убедил, что являюсь великим знатоком искусства.— Надеюсь, вы не собираетесь поставить свое имя, вернее наши имена, в этом фильме? — с беспокойством спросил я.— Нет, — горестно вздохнул Фабиан. — Так далеко мы не зайдем. Но нам нужно деловое название нашей компании. Не подскажете ли вы, Лили? Вы всегда были умницей.— Компания «Туда, сюда, обратно, тебе и мне приятно», — с усмешкой предложила Лили.— Не будьте вульгарной, дорогая, — с важным видом произнес Фабиан. — Мы ведь хотим, чтобы о нашей картине появилась рецензия в «Таймс». Но обо всем этом мы еще трезво поразмыслим завтра. Кстати, Дуглас, надо идти баиньки. Завтра встаем в пять утра. Едем в Шантильи поглядеть пробежки.— Какие пробежки? — удивился я. Не понимая, о чем идет речь, я подумал, что Шантильи — это особое место, где актеры порнографических фильмов, готовясь к съемкам, тренируются, дабы сохранить свою форму. Судя по тому, что мне пришлось увидеть, их работенка была связана с такой затратой физических сил, какая бывает у профессионального боксера после, по меньшей мере, десяти раундов боя на ринге.— Пробежки нашей лошади, — объяснил Фабиан. — Когда мы вернулись из Лувра, я получил телеграмму. Кстати, вы довольны, что побывали в Лувре?— Да, очень. Так что же о нашей лошади?— Телеграмма пришла от моего друга из Кентукки. Каким-то образом он разузнал, что одна нога у нашей лошади не совсем в порядке. И пока воздерживается от ее покупки.— Вот те на? — воскликнул я.— Не волнуйтесь, дорогуша. Он хочет, чтобы прежде лошадка прилично выступила. После чего выложит деньги. Разве вы можете порицать его за это?— Его-то нет, а вот вас следует.— Мне кажется, Дуглас, что вы начинаете наши деловые взаимоотношения на ошибочной ноте, — обиженно заявил Фабиан. — Нам нужно переговорить с тренером и объяснить ему, как обстоят дела. Он верит в эту лошадь, очень верит. Но ему надо убедиться, что она уже вполне в форме, и тогда выставить ее в подходящем заезде. Хотя фамилия у тренера английская — Кумбс, но семья их давно, еще с начала прошлого столетия, живет в Шантильи. Кумбс прямо-таки маг и волшебник по части того, в каком именно заезде следует выпустить лошадь. Он выигрывал с такими безнадежными лошадьми, которые были годны разве для перевозки утиля. Во всяком случае, вам

понравится в Шантильи. Ни один любитель конного спорта, приехавший в Париж, не упустит случая побывать там.— Я не любитель лошадей, — поморщился я. — Не люблю и даже до смерти боюсь их. Мы уже подошли к отелю, и Фабиан покровительственным тоном заметил:— Ах, Дуглас, вам еще предстоит пройти долгий, долгий путь. — Он похлопал меня по плечу и заключил: — Но со мной вы пройдете. Ручаюсь, что пройдете. Я поднялся к себе в номер, разделся, улегся в постель и посмотрел на телефон. Припомнив кое-какие сцены из сегодняшнего фильма, я вдруг понял, что спать мне вовсе не хочется. Спустившись в бар, я заказал виски с содовой. Сделав пару медленных глотков, я запустил руку в карман, выудил комочек бумаги, развернул перед собой на стойке бара и уставился на номер телефона Присциллы Дин.— Есть у вас телефон? — спросил я бармена.— Внизу, — буркнул он. Я спустился, дал телефонистке номер, проследовал в указанную будку, снял трубку и поднес к уху. Через несколько мгновений услышал короткие гудки. Чуть подождал, потом повесил трубку. Видно, не судьба. Вернувшись в бар, я расплатился за выпивку. Десять минут спустя я уже лежал в постели. В гордом одиночестве. Имя у нашего скакуна было пышное — Полночная мечта. В еще не растаявшей утренней мгле мы стояли вместе с тренером Кумбсом на одной из дорожек в лесу Шантильи, следя за тем, как попарно и по трое галопировали на лошадях молоденькие жокеи. Семь часов холодного, зябкого утра. Ботинки и отвороты брюк были грязные и мокрые. Я ежилась в своем стареньком пальтишке и чувствовал себя прескверно в сыром лесу, где капало с деревьев и пахло влажной листвой и конским потом. А Фабиан был в бриджах и сапогах для верховой езды, на плечи поверх клетчатой куртки он накинул короткий охотничий плащ, на голове плотно сидело ирландское кепи, росинки сверкали на его пышных усах. Причем он выглядел так, словно с давних пор владел конюшней чистокровных породистых лошадей, а часы рассвета — его самое любимое время дня. Любой, впервые увидевший этого бравого молодца, сразу решил бы — такого ни один тренер не проведет. Лили тоже оделась подобающим образом: ноги в высоких сапогах коричневой кожи, сверху — свободного покроя накидка с пояском, ни дать ни взять, амазонка в лесу. Придется, пожалуй, и мне позаботиться о своем гардеробе, если я намерен остаться в их компании, а я не представлял уже, как может быть иначе. Тренер Кумбс низенький краснолицый старик с лукавым лицом, показал нам нашу лошадь. На мой взгляд, она ничем не отличалась от других такой же масти, с такими же горящими круглыми глазами и очень уж тонкими (того и гляди, переломятся) ногами.— Хорош жеребчик. Очень хорош, — похвалил его Кумбс. Тут всем нам пришлось нырнуть за деревья, потому что одна из лошадок вдруг стала пятиться прямо на нас, причем так быстро, словно

бежала вперед.— По утрам холодно, и они немного нервничают, — снисходительно объяснил Кумбс. — Этой кобылке всего два года. Вот она и играет. Молодой жокей наконец справился с игривой лошадкой, и мы смогли выйти из-за деревьев.— Как с надкостницей у нашего? — спросил у тренера Фабиан. Знаток живописи и скульптуры, водивший меня по Лувру, перевоплотился теперь в знатока конских статей.— Не беспокойтесь, приятель, — уверенно ответил Кумбс. — Все будет в порядке. Он превосходно пойдет.— Когда же он выступит на скачках? — впервые вмешался я.— Ах, дружок, — тренер неопределенно покачал головой, — это совсем другой вопрос. Не станете же вы подталкивать его? Разве не видите, что он еще не совсем окреп?— Пару недель добавочных тренировок не повредят, — заметил Фабиан.— К тому же он, кажется, припадает немного на переднюю ногу, — сказала Лили.— Ах, вы заметили, мадам, — сияя, улыбнулся ей Кумбс. — Но это у него скорее нервное. Под влиянием выстрелов на старте.— Скажите, сколько же еще потребуется времени? — упрямо спросил я, вспомнив о шести тысячах, заплаченных за эту лошадь. — Две недели, три, месяц?— Э, дружок, — тренер опять неопределенно покачал головой, — не люблю, когда меня вот так прижимают. Не в моих правилах обнадеживать владельца, а затем разочаровывать его.— Но все же хоть приблизительно можете сказать? — настаивал я. Кумбс спокойно оглядел меня. Взгляд его маленьких серых глаз, окруженных частой сеткой морщин, вдруг стал строгим и холодным.— Догадываться, конечно, могу. Но не стану. Он сам скажет мне, когда будет готов, — весело улыбнулся Кумбс, и лед в его глазах мгновенно растаял. — Что ж, мы уже достаточно посмотрели в это утро. Пойдемте перекусим. Прошу, мадам, — он галантно предложил Лили руку и зашагал с ней по тропинке, выходящей из леса.— Будьте сдержанны с этими людьми, — понизив голос, сказал мне Фабиан, когда мы последовали за ними. — Они очень обидчивы. А этот — один из лучших в своем деле. Нам повезло, что мы имеем дело с ним. И пусть он сам все решает.— Лошадь-то наша или нет? Наши шесть тысяч в ней?— Не будем больше говорить об этом. Нас могут услышать. Ах, какой сегодня прекрасный день, — нарочито громко произнес Фабиан. Мы вышли из леса, солнце уже пробивалось сквозь дымку, поблескивая на крупах лошадей, которые вереницей медленно тянулись обратно в конюшни.— И это не трогает ваше сердце? — широко раскинув руки, с чувством воскликнул Фабиан. — Древняя славная земля, залитая яркими лучами солнца, дивные, изящные животные...— А-а, одни слова, — перебил я.— Я полон уверенности, — решительно подчеркнул Фабиан, — более того, берусь утверждать, что мы добьемся успеха. И не только вернем с лихвой шесть тысяч. Мы еще придем с вами в Шантильи и увидим здесь на тренировке

десятка два наших собственных лошадей. Мы будем сидеть в ложе на ипподроме Лонгшан и глядеть, как наши скакуны гарцуют перед публикой. А пока ждите и дождетесь.— Буду ждать, — с кислым лицом согласился я. Не хотелось признаваться, что мне самому нравится и эта сельская местность, и лошади, и осмотрительный старый тренер. Я не разделял жизнерадостных надежд Фабиана, но его мечты невольно увлекли меня. Если спекуляция золотом и вкладывание огромных сумм в идиотские порнографические фильмы, в которых снимаются нимфоманки с американского Среднего Запада, обучающиеся литературе в Сорбонне, позволят мне хоть раз в месяц проводить такое сказочное утро, я готов буду последовать за Фабианом в преисподнюю. В конце концов деньги, украденные мной, приносили вполне осязаемую пользу, думал я, глубоко вдыхая свежий деревенский воздух. В доме Кумбса нас провели в столовую, где стены были увешаны призовыми кубками и наградными значками прошлых лет. Перед тем как мы сели за стол вместе с полной, румяной хозяйкой, несколькими жокеями и их подружками, старик Кумбс налил нам по большой чарке кальвадоса. В столовой стоял смешанный запах кофе, бекона, конюшни и сапог. Этот мир был гораздо проще и сердечнее, я и не знал, что он сохранился и все еще существует где-то на земле. Старик Кумбс подмигнул мне через стол и сказал:— Ваш конь сам подскажет мне, когда захочет скакать! В ответ я тоже подмигнул ему.14

— Пришло время подумать о поездке в Италию, — сказал Фабиан. — Как вы находите, дорогая?— Вполне одобряю, — отозвалась Лили. Мы сидели в ресторане «Шато Мадрид», расположенном на высоком утесе над Средиземным морем. В вечернем воздухе был разлит аромат лаванды. Внизу под нами сверкали далекие огни Ниццы и прибрежных поселков. Заказав ужин, мы пока что заправлялись шампанским. Много было выпито его и вчера в «Голубом экспрессе», в котором мы уехали из Парижа. Я все более входил во вкус шампанского марки «Моэт и Шандон». Мы взяли с собой старика Кумбса, и по приезде он провел с нами большую часть дня. После почти трех недель тренировок наш скакун наконец признался Кумбсу, что готов к скачке, и доказал это. Сегодня днем в четвертом заезде на ипподроме втайне в окрестностях Ниццы он пришел первым, завоевав приз в сто тысяч франков, что составляло около двадцати тысяч долларов. Джек Кумбс еще раз оправдал свою репутацию тренера, умеющего выбрать подходящий заезд. К сожалению, он тут же улетел обратно в Париж, лишив нас удовольствия пообедать с ним, а мне было бы любопытно посмотреть, сколько же спиртного этот старик может

вливать в себя за день. Мы сами тоже поставили пять тысяч франков на нашу лошадку. «Из родственных чувств», — пояснил Фабиан, когда мы подошли к окошку кассы. Прежде в Нью-Йорке я ставил несколько долларов на ту или иную лошадь, строго рассчитав все ее достоинства, однако руководствоваться чувствами было, очевидно, более прибыльно. Вернувшись с ипподрома в отель в Ницце, мы переоделись к обеду, и Фабиан позвонил в Париж и в Кентукки. Из Парижа сообщили, что съемки и монтаж «Спящего принца» сегодня уже закончены. Вчера представителям киноагентств Западной Германии и Японии был показан еще полностью не смонтированный фильм, и уже получены от них солидные заказы. — Заказов вполне достаточно, — с удовлетворением объявил нам Фабиан, — чтобы покрыть наши вложения. А впереди еще много других стран. Надин в экстазе. Она даже намеревается ставить совершенно чистую, целомудренную картину. К этому Фабиан затем добавил, что, как он заодно узнал, цена на золото поднялась в этот день на пять пунктов. На его друга в Кентукки победа Полночной мечты произвела большое впечатление, но он все же решил посоветоваться со своим компаньоном, прежде чем сделать определенное предложение. Обещал позвонить сегодня же вечером. Шампанское, прелестный вид, победа нашего жеребца, скачок цены золота, новости Надин, общество сияющей Лили во всей красе — все это настраивало на благодушный лад. Я ощущал в себе любовь ко всему и особое расположение к человеку, похитившему мой чемодан в аэропорту Цюриха. В конце концов, граница между врагами и союзниками довольно зыбкая, решил я. С другой стороны, не приди наш конь первым, я бы мог сбросить Фабиана с ближайшего утеса. Но скакун не подкачал, и я любовно посматривал на красивую физиономию с усами. — Вы упомянули о цене? — спросил я. — Назвал что-то около пятидесяти. — Пятидесяти чего? — Тысяч долларов, конечно, — ответил Фабиан с некоторым раздражением от моей непонятливости. — Не слишком ли это много за лошадь, которая стоила шесть тысяч? Мы можем отпугнуть покупателя. — Должен признаться, Дуглас, — сказал Фабиан, со вкусом, неторопливо потягивая шампанское, — что за нашу лошадку я на самом деле уплатил не шесть, а пятнадцать тысяч. — Но вы же говорили... — Да, говорил. Видите ли, мне тогда не хотелось раздражать вас. Если вы не верите, могу предъявить оплаченный счет. — Не надо. Я уже больше не сомневаюсь в вас, — заверил я, и это было почти правдой. — Но все же не следует ли вам заодно признаться и насчет фильма? — Честное слово, нет. — Фабиан поднял свой бокал. — Давайте пока что выпьем за нашу Полночную мечту. Мы весело чокнулись зазвеневшими бокалами. Я сказал Фабиану, что со страхом и даже с ненавистью следил за нашей лошадкой, когда в числе отстающих она выходила на последнюю прямую.

Но затем вдруг у самого финиша она вырвалась вперед.— Боюсь, мой друг, что у вас весьма развит инстинкт неудачника, — иронически заметил Фабиан.— То же самое я бы сказал и о женщинах, — добавил он, многозначительно поглядев на Лили. Было заметно, что в Париже отношения между ними стали натянутыми. Под разными деловыми предложениями Фабиан три или четыре раза слишком уж долго задерживался у Надин Бонер. Что касается меня, то я тщательно избегал бывать на съемках в их студии или снова встретиться с кем-либо из них.— Надо бы нам купить машину, — предложил Фабиан.— Остановим свой выбор на «ягуаре», не возражаете? Ни я, ни Лили не возражали.— Такая машина, как «мерседес» слишком уж бросается в глаза, — продолжал Фабиан.— Не к лицу нам выглядеть нуворишами, не так ли? К тому же я люблю помогать англичанам.— Вы только его послушайте, — фыркнула Лили. Официант принес нам икру.— Только с лимончиком, — попросил Фабиан, отмахнувшись от тарелочки с мелко нарубленными крутыми яйцами, перемешанными с луком.— Не стоит портить такое удовольствие. Официант разложил нам по тарелкам аккуратные порции сероватых зернышек. Лишь в четвертый раз мне доводилось пробовать черную икру. Три предыдущих я до сих пор отчетливо помнил.— Теперь мы отправимся в Цюрих, — сказал Фабиан.— У меня небольшое дельце в этом прекрасном городе. Там мы и купим машину. Я считаю, что честных торговцев автомобилями можно найти лишь в Швейцарии. Так же, как и первоклассные отели, которые мне хочется показать Дугласу. Если б сейчас увидели старину Маялса Фабиана в его родном городе Лоуэлле в штате Массачусетс, подумал я. Или меня бы вдруг узрел мой Незадачливый хозяин Друзек. Фабиан до сих пор так и не поинтересовался, откуда у меня взялись деньги. В Париже он по большей части пропадал на съемках фильма, и, пока был занят этой лавочкой, как он говаривал, я без устали бродил по городу, блаженно вглядываясь в его достопримечательности. Когда же мы бывали втроем, то ни я, ни Фабиан не хотели посвящать Лили в подробности возникновения нашего делового партнерства. Ну, а Лили, если и считала странным, что ее случайный любовник из Флоренции неожиданно оказался близким другом и деловым компаньоном ее постоянного любовника, то не подавала виду. Во всяком случае, никаких вопросов по этому поводу она не задавала. Ей было свойственно аристократическое пренебрежение к тому, что стояло за житейскими делами. Она была из тех женщин, которых никак не представишь себе ни на кухне, ни в конторе.— В связи с нашей поездкой, — между тем продолжал Фабиан, — хочу коснуться одного щекотливого обстоятельства. Вам понятно, к чему я клоню?— Нет, — сказал я, а Лили промолчала.— Нехорошо путешествовать втроем. Это порождает и рознь, и

всякие уловки, и ревность, и тому подобные горести.— Теперь понятно, — сказал я, покраснев.— Вы, вероятно, Дуглас, согласитесь с тем, что Лили красивая женщина. Я молча кивнул.— А вы сами весьма привлекательный молодой человек, — отеческим тоном произнес Фабиан. — И станете еще привлекательней, когда освоитесь с богатством и мы вас основательно приоденем, что будет сделано по приезду в Рим. Что ж, надо глядеть правде в глаза. Я уже в годах и могу стать третьим лишним. Однако у нас есть возможность не причинять никому вреда. Нет ли у вас, Дуглас, особы, которую вы хотели бы пригласить отправиться вместе с нами? С нежностью, смешанной с сожалением, я вспомнил о Пэт. За годы работы в «Святом Августине» мне нечасто приходилось думать о ней. В обществе Лили и Фабиана защитная оболочка, которую я носил с того памятного дня в Вермонте, когда мы расстались с Пэт, почти сошла с меня. Хотел я того или нет, но прежние чувства, привязанности и переживания вновь всколыхнули мою душу. Впрочем, окажется даже Пэт свободна, вряд ли она согласилась бы воспринять мой нынешний образ жизни и дружбу с Фабианом. Да и можно ли ожидать такого от школьной учительницы, которая способна пожертвовать часть своего скудного жалованья в помощь беженцам из Биаффы, в то время как Фабиан привык упитывать черную икру ложками? Впрочем, тут я от него недалеко ушел. Скорее в нашу компанию вписалась бы Эвелин Коутс, которая, как вы помните, тоже за словом в карман не лезет, но, кто знает, кем бы она обернулась в таком окружении — нежной ласковой женщиной, с которой я провел дивную воскресную ночь, или светской деловой тигрицей с вашингтонской вечеринки у Хейла? Не следовало к тому же забывать, что рано или поздно меня или Фабиана могли вывести на чистую воду. Вряд ли карьере Эвелин оказала бы существенную помощь связь с парой осужденных жуликов.— Боюсь, что в данную минуту у меня никого нет, — заключил я. Мне показалось, что какая-то тень улыбки пробежала по лицу нашей спутницы.— А что делает сейчас ваша сестра Юнис? — обратился к Лили Фабиан.— Вертится, по-видимому, в обществе придворных гвардейцев в Лондоне. То ли Колдрстримского, то ли Ирландского полка.— Не захочет ли она на время присоединиться к нам?— А почему бы и нет?— Так дайте ей телеграмму, чтобы она завтра к вечеру приехала к нам в Цюрих.— Хорошо, срочно сообщу ей. Юнис очень легка на подъем.— Как вы на это смотрите? — повернулся ко мне Фабиан.— Почему бы и нет? — спокойно повторил я слова Лили. К нашему столу подошел метрдотель и сообщил Фабиану, что его вызывают к телефону из Америки.— Ну как, Дуглас, снизим немного цену? — спросил Фабиан, поднимаясь из-за стола. — Скажем, до сорока тысяч, если потребуется.— Предоставляю вам решать. Я никогда не торговал лошадьми.— И я тоже, — улыбнулся

Фабиан. — Но в жизни чего не попробуешь. Оставшись вдвоем, мы сидели молча. Лили грызла подрумяненные на огне ломтики хлеба, они хрустели у нее на зубах. Меня раздражал этот хруст и ее испытующий взгляд, которым она окидывала меня. — Это вы стукнули лампой по голове Майлса? — наконец спросила она. — Он что, говорил вам? — Сказал, что у вас была небольшая размолвка. — Давайте ограничимся этим объяснением. — Пусть будет так. — Она помолчала. — Вы рассказали ему о нашей встрече во Флоренции? — Нет. А вы? — Я же не идиотка. — Он что-нибудь подозревает? — Слишком горд для этого. — К чему же мы с вами придем? — К моей сестре Юнис, — спокойно ответила Лили. — Вам она понравится. Она всем мужчинам нравится. На месяц, во всяком случае. — А когда вы вернетесь к своему мужу? — Откуда вы знаете о нем? — спросила она, пристально взглянув на меня. — Не имеет значения, — небрежно ответил я. Она сплавляла меня к своей сестрице, и мне хотелось чем-нибудь досадить ей. — Майлс говорит, что больше не будет играть ни в бридж, ни в триктрак. Вам известно об этом? — Да, кое-что. — А мне вы ничего не хотите рассказать? — Она не спускала с меня глаз. — Нет. — Путаный человек этот Майлс с его неумным пристрастием к деньгам. Будьте осторожны с ним. — Благодарю за предупреждение. Она наклонилась ко мне и прикоснулась к моей руке. — Как хорошо нам было во Флоренции... — нежно проговорила она. Мне мучительно захотелось обнять ее, прижать к себе и умолять, не теряя ни минуты, бежать со мной. — Лили... — задыхаясь, глухо проговорил я. Она отдернула руку. — Не забываетесь, дорогой мой, — наставительно сказала она. Фабиан вернулся с мрачным лицом. — Пришлось уступить, — сказал он, усаживаясь за стол. — Отдал за сорок пять, — махнув рукой, он озорно, по-мальчишески улыбнулся. — По этому случаю закажем еще бутылочку. Я сидел у себя в номере отеля за большим столом резного дуба. Только что, пожелав покойной ночи, расстался с Лили и Фабианом, которые обосновались по соседству со мной. Лили поцеловала меня в щеку, Фабиан дружески пожал руку, предупредив, что утром, до отъезда в Цюрих, хочет побывать со мной в местном музее. От выпитого немного кружилась голова; но спать не хотелось. Вынув из ящичка чистый лист бумаги, я почти машинально стал записывать в графу приход: «Приз на скачках — 20.000, золото — 15.000, игра в бридж и триктрак — 36.000, кинофильм — пока неизвестно». Словно замороженный, глядел я на написанные мной цифры. До этого, даже когда я, будучи пилотом, хорошо зарабатывал, я никогда не занимался подсчетами и никогда точно не знал, сколько у меня денег в банке или наличными при себе в кармане. Теперь же я решил вести подсчеты каждую неделю. Или, смотря по тому, как пойдут дела, даже каждый день. Я постиг, что само действие сложения — одна из величайших прелестей богатства.

Сами цифры на листке передо мной доставляли мне большую радость, чем все, что я мог бы купить на эти деньги. И я спрашивал себя, следует ли считать подобную слабость пороком и стыдиться ее? Когда-нибудь я, наверное, избавлюсь от этого. Я поморщился, услышав за стеной скрип кровати и возню. Насколько можно доверять этому Фабиану? Его отношение к деньгам, своим и чужим, было, мягко говоря, бесцеремонным. Я ничего не знал ни о нем, ни о его прошлом, чтобы судить о степени его порядочности. Завтра надо будет потребовать письменного, юридического оформления наших деловых отношений. Но, независимо от этого, все время не спускать с него глаз. Когда я наконец заснул, мне приснился мой брат Хэнк. С печальным лицом сидит он за счетной машинкой и подсчитывает чужие деньги. Утром Лили ушла в парикмахерскую, а мы с Фабианом отправились осматривать музей в Сен-Поль де Вансе, и мне, таким образом, представилась возможность поговорить с ним. На взятой напрокат машине мы выехали из Ниццы, за рулем сидел Фабиан. Утро было ясное, солнечное, дорога почти пустынная, море с левой стороны шоссе невозмутимо спокойное. Фабиан не спеша, осторожно вел машину, и мне было приятно сидеть рядом с ним, вновь переживая удачи вчерашнего дня. Мы не разговаривали, но когда выехали из Ниццы и миновали аэропорт, Фабиан вдруг сказал:— Не считаете ли вы, что меня следует ознакомить со всеми обстоятельствами?— Какими обстоятельствами?— Как попали к вам деньги? Почему вы уехали из США? Полагаю, вам что-то угрожало? Кстати, и я теперь разделяю с вами опасность, не так ли?— До некоторой степени, — согласился я. Фабиан кивнул. От подножий Приморских Альп мы стали взбираться по извилистой дороге, петлявшей среди виноградников, сосновых и оливковых рощ с их благоуханным пряным ароматом. В этом блаженном краю, под яркими лучами средиземноморского солнца рассеивалось представление об опасности где-то там, на темных улицах ночного Нью-Йорка, в совершенно ином мире. Я выбросил прошлое из головы вовсе не потому, что хотел спрятаться от него, а лишь из желания полнее ощутить, впитать в себя то чудесное, что сейчас окружало нас. Тем не менее Фабиан имел право узнать обо всем. И пока мы медленно взбирались все выше и выше на усеянные цветами горы, я рассказал ему все от начала до конца. Фабиан молча, не перебивая, выслушал мой рассказ, а затем сказал:— Допустим, что дела наши и далее пойдут так же успешно. И, скажем, через некоторое время мы сможем вернуть взятые вами сто тысяч, и у нас еще останутся вполне приличные средства. Стали бы вы в таком случае разыскивать владельца денег, чтобы возратить их?— Да, я склонен к этому.— Превосходный ответ, — одобрил Фабиан. — Но я не вижу, как это осуществить, не наводя на ваш след. На наш след, — поправился он. —

Тут необходима осторожность. Что-нибудь указывает на то, что эти люди разыскивают вас?— Только то, что они зверски избili Друзека.— Достаточно серьезное предупреждение, — поморщился Фабиан. — Когда-нибудь прежде вы имели дело с гангстерами?— Нет, никогда.— Так же и я. Возможно, это наше преимущество. Мы не знаем, как они там рассчитывают, потому не попадем в какую-нибудь опасную ловушку, пытаюсь перехитрить их. Как мне кажется, до сих пор вы поступали правильно, все время разъезжая. Надо продолжать пока переезжать с места на место. Вы же не против путешествий?— Наоборот, люблю их. Особенно теперь, когда могу позволить себе это.— Не казалось ли вам иногда, что эти люди, может, вовсе и не гангстеры?— Нет.— Когда-то я читал в газетах об одном человеке, который погиб в авиационной катастрофе. При нем нашли шестьдесят тысяч долларов. Он оказался известным республиканцем и летел в штаб-квартиру республиканской партии в Калифорнии. Это было во время второй предвыборной кампании Эйзенхауэра. Деньги, очевидно, предназначались для нее и тайно переправлялись.— Возможно, — сказал я, — но я не верю, чтобы какой-нибудь известный республиканец остановился в таком отеле, как «Святой Августин».— Что ж, — пожал плечами Фабиан, — будем надеяться, что мы никогда не узнаем, чьи это деньги. Скажите, а вы рассчитываете получить двадцать пять тысяч, которые дали займы своему брату?— Нет.— Вы не скупой. Вполне одобряю. Мы подъехали ко входу в музей.— И вот прекрасный пример, — продолжал Фабиан. — Превосходное здание, великолепное собрание предметов искусства. Какое огромное удовлетворение испытал тот, кто пожертвовал деньги на это. Поставив машину на стоянке, мы вышли и направились к красивому строению на вершине холма, вокруг которого был разбит большой парк. В парке как-то неуклюже стояли огромные статуи, колышущиеся вокруг них деревья и кусты создавали впечатление, что и статуи вот-вот сами сдвинутся с места. В музее почти никого не было, но меня главным образом озадачило то, что я в нем увидел. Очень редко бывая в музеях и на выставках, я привык видеть в их залах традиционные произведения живописи и скульптуры. Тут же я столкнулся с формами и образами, которые, очевидно, возникали лишь в странном воображении художников и передавались на полотнах грязными пятнами и мазками или диким искажением обычных предметов и человеческих форм, в чем я не мог найти никакого смысла. А меж тем Фабиан молча, с серьезным сосредоточенным видом, чинно переходил от одного экспоната к другому, весь поглощенный их созерцанием. Когда наконец мы вышли из музея, он глубоко вздохнул, как вздыхают после тяжелого труда, и воскликнул:— Какая сокровищница искусства! Сколько тут собрано

неуемного воплощения энергии, борьбы, сумасбродного юмора! Вам понравилось?— Боюсь, что до меня ничего не дошло.— Вы хотя бы честный человек, — рассмеялся Фабиан. — Нам надо почаще заглядывать на выставки и в музеи. В конце концов вы перешагнете через порог обычных восприятий и чувств. Только побольше всматривайтесь. Как и всякое ценное достижение, это тоже требует усилий.— А стоит ли? — спросил я, понимая, что в его глазах выгляжу обывателем, но про себя возмущаясь его уверенностью в том, что я должен учиться, а он учить. Как бы там ни было, если б не мои деньги, то он не оказался бы этим утром на средиземноморском побережье, а сиднем бы сидел в Сан-Морице за карточным столом в надежде выиграть у партнеров хотя бы на оплату счета в отеле.— Для меня стоит, — сказал Фабиан, мягко взяв меня за руку. — Вы недооцениваете душевные радости, Дуглас. Не одной лишь черной икрой жив человек. Мы остановились у кафе на площади в Сен-Поль де Вансе и сели за один из столиков, стоявших прямо на улице. Невдалеке под деревьями несколько пожилых мужчин играли в шары, их голоса хрипло звучали у старинной потемневшей стены, которая была частью еще сохранившихся средневековых крепостных сооружений. Мы лениво потягивали белое вино, наслаждаясь бездельем и праздностью, когда некуда спешить и нечего делать, разве что бездумно следить за игрой, которая не приносит ни выигрыша, ни проигрыша.— Не растворяйте наслаждения, — громко произнес я. — Вы помните, чьи это слова?— Мои, конечно, — рассмеялся Фабиан. И, помолчав, вдруг спросил: — Как вы относитесь к деньгам? Я в недоумении пожал плечами:— Никогда особенно не задумывался над этим. А что бы вы ответили на этот вопрос?— Деньги не существуют для нас как таковые. Они связаны с положением в жизни. Например, ваши взгляды на жизнь, судя по тому, что вы мне рассказывали, сразу в один день изменились, верно?— Да, это произошло в кабинете врача, когда меня отстранили от полетов.— И вы согласны, что ваше отношение к деньгам стало тогда совсем иным?— Да.— В моей жизни не было такого драматического поворота, — продолжал Фабиан. — Но я давно уже решил, что в мире лишь одна бесконечная несправедливость. Что я видел и пережил? Войны, в которых гибли миллионы невинных людей, разрушения, засухи, голод. И наряду с этим продажность верхов, обогащение воров и постоянное умножение жертв. И почти никакой возможности избежать или хотя бы облегчить страдания. Признаюсь, я всегда стремился не попасть в число жертв. Как я мог заметить, у кого деньги, те не становятся жертвами. Деньги приносят свободу быть самим собой. Бедняк же подобен мышке, блуждающей в лабиринте. У него нет выхода, в поисках пути им движет голод. Конечно, та или иная мышка может выскочить из лабиринта. Или случайно, или по счастью, как мы с

вами. Кроме того, есть люди, которые жаждут власти, готовы унижаться, предать всех и вся, убивать, лишь бы добиться ее. Приглядитесь к некоторым из наших президентов и ко всяким полковникам, которые правят сегодня большей частью мира. Встречаются и святые, которые скорее сожгут себя, чем станут сомневаться в том, что как бы свыше осенило их. А затем огромное множество тех, что преждевременно состарились от нелепого рвения на поточных конвейерах, в рекламных агентствах или на биржах. Я уж не говорю о женщинах, ставших работягами в постели, шлюхами из чистой лени. Когда вы были летчиком, то, наверное, чувствовали себя счастливым человеком.— Очень счастливым, — подтвердил я.— Не люблю летать, — признался Фабиан. — В воздухе или скучаю, или боюсь. Каждому свое. У меня, признаюсь, желания весьма банальные и эгоистичные. Прежде всего не люблю работать. Обожаю общество изящных женщин, путешествия, жизнь в хороших отелях. И поскольку мы волею судеб стали компаньонами, мне бы хотелось, чтобы у нас были и общие вкусы. А я обнаружил, что вы, Дуглас, чересчур уж скромны. Потому в критический момент вы, того и гляди, станете мертвым грузом. Деньги и скромность просто несовместимы. Как вы могли заметить, я люблю деньги, но скучаю копить их, угробив на это лучшие годы жизни. Надо находить деньги, что лежат в доступном месте, куда время от времени проникают посторонние вроде меня, не связанные установленными законами и моральными предубеждениями. Благодаря вам, Дуглас, и счастливой случайности с одинаковыми чемоданами я сейчас получил возможность жить как мне нравится. Теперь о вас. Хотя вам уже больше тридцати лет, в вас еще есть что-то ребяческое, неустойчивое. Если у меня всегда была цель, то у вас нет сейчас ясного направления. Прав я?— Не совсем, — ответил я. — Скорее я пока еще на распутье.— Быть может, вы еще полностью не поняли последствий своего поступка?— Какого поступка? — удивился я.— Того, который вы совершили в «Святом Августине». Скажите, если бы с вами ничего не случилось и вы по-прежнему были бы летчиком, забрали бы вы эти деньги у мертвеца?— Нет, конечно.— Но, увы, есть одно обстоятельство, от коего всегда зависишь, — изрек Фабиан. — Дурной человек в какой-то момент всегда оказывается на дурном месте. — Он налил себе еще вина. — Что касается меня, то я никогда не колебался, если что плохо лежит... Но все это в прошлом. А сейчас нам надо забыть, откуда у нас деньги, нарастить на них капитал, чтоб не видно было, с чего начали.— Каким же образом? Не сможем же мы каждый раз покупать лошадей, чтобы они брали призы.— Да, оно, конечно, так, — согласился Фабиан.— А в бридж или триктрак, как вы сами заявили, играть вы больше не будете.— Нет, не буду. Эти люди за карточным столом угнетали меня. Мороча их, я стыдился

самого себя, что вдвойне неприятно для человека, который высокого мнения о своей персоне. Каждый вечер я садился с ними за стол с холодным расчетом взять у них деньги и ничего более. А мне приходилось быть обходительным, выслушивать их исповеди, ужинать с ними. Я уже достаточно стар для всего этого. Ах, деньги, деньги... — он произнес с таким выражением, словно это было основное условие задачи, которую задали решить на дом. — От денег тем больше удовольствия, чем меньше думаешь о них. Хорошо иметь их, не полагаясь на свое счастье или сноровку. А для вас лучше всего сколотить такой капиталец, что приносил бы приличный постоянный доход. Кстати, Дуглас, какой годовой доход вас устроит? — Тысяч пятнадцать — двадцать. Фабиан рассмеялся. — Поднимайте выше, дружок, — сказал он. — Так сколько же вы хотите? — По крайней мере сто тысяч. — Ого! Это не так просто. — Да, еще бы. И связано с известным риском. И потребует больших усилий. Но как бы ни обернулись наши дела, никаких взаимных упреков и обвинений. И уж, разумеется, без всяких кинжалов. — Будьте спокойны, — сказал я, надеясь, что в моих словах звучит уверенность в будущем, которой я на самом деле не ощущал. — Если понадобится, пойду и напролом. — Решения будем принимать сообща. Я говорю это в назидание нам обоим. — Понятно, Майлс. И мне бы хотелось закрепить это письменно. В документе. Фабиан взглянул на меня с таким видом, словно я ударил его. — Дуглас, дружище, — обидчиво проговорил он. — Вы что, не доверяете мне? Разве я не абсолютно честен с вами? — Да, но лишь после того, как я стукнул вас лампой по голове. — У меня инстинктивное отвращение ко всяким бумагам и документам. Всегда предпочитаю скрепить все простым искренним рукопожатием. Он протянул мне через стол руку, но я не ответил ему тем же. — Ну, если вы так настаиваете, — процедил он, убрав руку, — оформим в Цюрихе. Надеюсь, уживемся и с этим. — Взглянув на часы, он поднялся из-за стола. — Лили, должно быть, уже ждет нас. Я полез за бумажником, чтоб расплатиться, но он остановил меня и бросил несколько монет на стол: — Нет уж, доставьте мне удовольствие. 15

— Что сделано, то сделано, — сказал Фабиан, когда мы вышли из конторы юриста, шагая по слякоти цюрихских улиц. — Теперь мы скованы цепями закона. Соглашение между нами только что было нотариально оформлено, и юрист обещал, что в течение месяца официальный статус нашей компании будет зарегистрирован в княжестве Лихтенштейн. Как я узнал, это княжество, где прибыль не облагалась налогами, а доходы и расходы корпораций тщательно охранялись наравне с государственными тайнами,

что особенно привлекало юристов и их клиентов. В нашей компании были учреждены два неоплаченных пая, один — мой, другой — Фабиана. Почему это понадобилось, я так и не понял. По каким-то причинам, связанным со сложностью швейцарских законов, юрист назначил себя президентом компании, которую я предложил назвать «Августинской». Возражений против такого названия ни с чьей стороны не поступило, и мы с легким сердцем оплатили все сборы, поборы и вознаграждения юристу. Фабиан любезно включил в соглашение пункт о том, что в конце года я имею право выйти из компании, забрав свои семьдесят тысяч долларов. Счет Фабиана в частном банке стал нашим общим, и один из нас не мог теперь распорядиться им без согласия другого. Каждый из нас положил в Объединенный швейцарский банк пять тысяч долларов на свое имя. «На карманные расходы», — объяснил Фабиан. В случае смерти одного из владельцев все имущество компании и ее банковские счета переходили второму владельцу. — Немного мрачно, — заметил по этому поводу Фабиан, — но в таких делах надо быть предусмотрительным. Если это вызывает у вас, Дуглас, какие-то опасения, то я все же значительно старше вас и могу раньше отправиться в мир иной. — Все понятно, — сказал я, умолчав о том, что это также может соблазнить моего компаньона столкнуть, скажем, меня где-нибудь в горах со скалы или при случае отравить. — Ну как, вы довольны? — спросил Фабиан, обходя лужи. — Чувствуете себя в безопасности? — В безопасности от всего, кроме вашего оптимизма, — отвечал я. Мы уже шесть дней обретались в Цюрихе под его серым угрюмым небом, и за эти дни Фабиан купил еще на двадцать тысяч долларов золота, провернул сделку с перепродажей сахара, дважды смотался в Париж и приобрел там три абстрактные картины художника, о коем я никогда не слыхал, но который, по утверждениям Фабиана, в ближайшие два года взлетит, как ракета. Он объяснил мне, что не любит, когда деньги лениво лежат без движения. Фабиан обсуждал со мной все наши дела и терпеливо объяснял операции на товарных рынках, где колебания цен были так беспорядочны, что капиталы создавались и терялись в течение одного дня, и где мы потрясающе преуспели с четверга на пятницу в перепродаже сахара. Я как-то постигал или делал вид, что постигаю наши запутанные деловые операции, но когда он спрашивал моего совета, я предоставлял решать ему самому. Я стыдился своей наивности и чувствовал себя в положении школьника, вызванного к доске отвечать урок, которого он не приготовил. Все казалось мне таким сложным и опасным, что я стал удивляться, как смог тридцать три года прожить в том же мире, где преуспевал Майлс Фабиан. К концу этих шести дней я уже ни в чем не был уверен и не знал, смогу ли далее вынести эту нервотрепку. Просыпаясь по утрам, я обливался холодным потом. А

Фабиана, казалось, ничто не тревожило: чем больше риска, тем невозмутимее он был. Если мне следовало чему-нибудь поучиться, так именно этому. Пожалуй, впервые с тех пор, как я вышел из детского возраста, у меня заболел желудок. Безостановочно поглощая сельтерскую, я утешал себя, что неприятности с желудком у меня вовсе не из-за нервов, а из-за непривычно обильной пищи и деликатесов (Фабиан дважды в день водил нас в лучшие рестораны), а также изысканных вин, к которым я не привык. Но ни Фабиан, ни Лили, ни ее сестра Юнис ни на что не жаловались, даже после обеда в Кроненхалле, этом швейцарском оплоте чревоугодия, где мы ели копченую форель, вырезку оленины со специями и брусникой, какой-то особый сыр и шоколадное суфле, запивая все это сначала легким вином, а затем и более основательным бургундским. С беспокойством я начал замечать, что полнею, брюки становились тесны, особенно в талии. А вот на Лили, например, ничто не отражалось, она по-прежнему была стройна и изящна, хотя ела больше меня или Фабиана. Ее сестра Юнис оставалась все той же привлекательной толстушкой, а Фабиан каким-то чудом даже похудел, благодаря чему выглядел много лучше, словно внезапная инъекция денег в его жизнь значительно улучшила и обмен веществ у него. Сколько бы он ни ел и ни пил, глаза у него были ясными, лицо сохраняло здоровый румянец, усы заодно топорщились, походка оставалась такой же легкой. Думаю, так должны выглядеть генералы, томящиеся долгие мирные годы в неизвестности, пока их внезапно не призывают на войну командовать армиями в больших кровавых сражениях. Глядя на него, я тоскливо ощущал, что мне, как рядовому, положено страдать и за себя, и за него. Юнис оказалась хорошенькой, приятной девушкой со вздернутым носиком и выразительными голубыми глазами; ее лицо, окропленное веснушками, было свежим, как весенний альпийский луг. Вообще-то она походила на девушек скорее викторианской эпохи, чем семидесятых годов нашего века. Ее тихий, неуверенный голосок был полной противоположностью той самонадеянной манере, с какой высказывалась ее старшая сестра. И уж трудно было предположить, хотя об этом мы слышали от Лили, что Юнис вертелась среди придворных гвардейцев в Лондоне. Где бы мы ни появлялись, обе сестры неизменно привлекали внимание мужчин. При других обстоятельствах я бы, без всякого сомнения, увлекся Юнис, но назойливое подглядывание Фабиана и присутствие Лили, напоминавшее о ночи во Флоренции, как-то сковывали меня, и я был сдержан, не ища сближения с девушкой и даже не стремясь вызвать у нее интерес ко мне. Я был воспитан в правилах, что интимные отношения — дело весьма личное, они не завязываются на глазах у всех и не выставляются напоказ. С самого начала Юнис и я скромно прощались в лифте (мы жили на разных этажах),

желая друг другу спокойной ночи, даже без поцелуя в щеку. Не стану скрывать, что меня радовали жалобы обеих сестер на пребывание в Цюрихе. Они уже устали от ходьбы по магазинам, их угнетала скверная слякотная погода, и они не знали, чем занять себя в те долгие часы, когда мы с Фабианом вели переговоры в конторах и в холлах отелей с различными бизнесменами, банкирами, биржевыми маклерами, которых Фабиан отыскивал в финансовом центре города. Все эти деятели говорили по-английски или, скорее, шептали с разным акцентом, и я едва ли лучше понимал их, чем обе сестры, которые по настоянию Фабиана часто присутствовали при наших деловых операциях и сделках. Сестры собирались уехать в Гштаад, где, по сводкам погоды, было солнечно, выпал хороший снег, и мы одобрили их поездку. Фабиан заверил их, что как только мы закончим наши дела в Цюрихе, на что потребуется немного времени, мы приедем к ним и затем отправимся в Италию. Он дал им на расходы две тысячи долларов из наших карманных денег, как он их называл (расточительное название, внушавшее мне страх). У него были барские замашки, не вязавшиеся с тем, что большую часть своей жизни он едва сводил концы с концами, живя на сомнительные случайные доходы. Как только сестры уехали, Фабиан ухитрился выкроить время на то, чтобы показать мне подлинные достопримечательности Цюриха. Полдня мы провели в музее искусств, где я досыта налюбовался на изумительную обнаженную натуру кисти Кранаха; Фабиан заявил, что посещает этот зал при каждом приезде в Цюрих. О собственных вкусах Фабиан особенно не распространялся, довольствуясь тем, что я сопровождаю его по всем выставкам и галереям города. Например, после концерта Брамса все, что он мне сказал, было: «В Европе надо слушать Брамса». Фабиан сводил меня даже на кладбище, где был похоронен умерший в Цюрихе Джеймс Джойс. У могилы со статуей писателя Фабиан вырвал у меня признание, что я не читал «Улисса», и по возвращении в город отвел меня прямо в книжный магазин, где купил этот роман. Тут мне впервые пришло в голову, что тюрьмы могут быть заполнены вовсе не отъявленными головорезами, а приличными людьми, которые увлекаются Платоном и знают толк в музыке, литературе, современной живописи, винах и породистых скакунах. Размышляя об отношениях с Фабианом, я не мог отделаться от мысли, что по каким-то скрытым личным соображениям он пытается развратить меня. Но если и было у него такое намерение, то осуществлялось оно весьма своеобразно. С тех самых пор, как мы оставили Париж, он стал относиться ко мне полулюбовно, полупокровительственно, подобно искушенному дядюшке, наставляющему наивного простодушного племянника в познании оборотной стороны жизни. Дела проворачивались так быстро, будущее, которое он рисовал, казалось таким радужным, что у

меня не было времени да и желания на что-либо жаловаться. Казалось, мне даже повезло в том, что мой чемодан попал к нему, и я многому могу научиться у него. В иные эпохи доблесть героя обычно заключалась в храбрости, благородстве, физической ловкости, убежденности и честности, но уж никак не в апломбе. Однако в наше время, когда большинство из нас вряд ли знает, чего следует придерживаться, и не может с уверенностью сказать, поднимаемся ли мы или падаем, движемся вперед или назад, любим или ненавидим, презираем или поклоняемся, — в наше время, по крайней мере для таких людей, как я, апломб выглядит весьма важным рычагом в жизни. Каковы бы ни были недостатки Майлса Фабиана, апломб у него был. — Видимо, что-то подходящее намечается в Лугано, — озабоченно произнес Фабиан. Мы сидели в гостиной его номера, где, как обычно, были разбросаны американские, английские, французские, немецкие и итальянские газеты, раскрытые на финансовых страницах. Он был еще в купальном халате и прихлебывал утренний кофе, а я уже выпил у себя натошак бутылку сельтерской воды. — Я полагал, что мы покатаем в Гштаад, — заметил я. — С этим можно обождать, — ответил он, помешивая кофе. Впервые мне бросилось в глаза, что руки у него выглядят старше, чем лицо. — Конечно, если вы хотите, то можете ехать туда без меня. — Какое-нибудь дело в Лугано? — Вроде того, — небрежно ответил он. — Тогда я еду с вами. — Ничего не скажешь — компаньон, — улыбнулся он. Через час мы выехали на нашем новеньком синем «ягуаре». Фабиан сидел за рулем, держа путь к перевалу Сан-Бернардино. Он быстро вел машину, почти не сбавляя скорости, даже когда мы взбирались в Альпах на участках, покрытых снегом и льдом. Мы едва ли обменялись словом, пока не проехали через длинный туннель и оказались на южных склонах горной цепи. Фабиан, казалось, был погружен в глубокое раздумье, а я уже достаточно хорошо знал его, чтобы понять, что он разрабатывает какие-то операции и, возможно, решает, во что следует посвятить и меня. На протяжении почти всего пути небо было сумрачным, в сплошных облаках, но едва мы выехали из туннеля, как все сразу переменялось: повсюду ярко блестело солнце, в высокой синеве проплывали отдельные белые облачка. Это, видимо, подняло настроение Фабиана, и, прервав молчание, он повернулся ко мне и весело спросил: — Вам, наверное, хотелось бы знать, для чего мы едем в Лугано? — Жду, что объясните. — Так вот, среди моих знакомых есть один немец, который живет в Лугано. Со времени так называемого германского экономического чуда начался большой наплыв богатых немцев в эти края. Тут, в районе Тичино, хороший климат. Солидные банки. — А чем занимается ваш знакомый немец? — Трудно сказать. Всем понемногу. — Фабиан, очевидно, не хотел раскрывать карты и чувствовал, что я понимаю это. — Интересуется старыми мастерами,

дабы умножить свой капитал. У меня с ним были кое-какие дела. Вчера он позвонил мне в Цюрих. Просит о небольшом одолжении, за которое был бы весьма признателен. Однако не было оговорено ничего определенного. Пока все еще очень туманно. Будьте уверены, как только дело прояснится, вы полностью будете посвящены в него. Я уже знал, что бесполезно задавать вопросы, когда он не договаривает до конца, ограничиваясь лишь намеками. Поэтому я включил радио, и мы спустились в зеленую долину Тичино под звуки арии из «Аиды». В Лугано остановились в новом отеле на берегу озера. Повсюду здесь росли цветы. Остроконечные листья пальм едва колыхались под южным ветерком, на открытой террасе сидели люди в летних платьях и пили чай. В застекленном плавательном бассейне, примыкавшем к террасе, пышущая здоровьем блондинка методично плавала круг за кругом.— В отелях теперь бассейны, потому что в озере плавать нельзя. Оно отравлено, — заметил Фабиан. Раскинувшееся перед отелем озеро голубело и искрилось под солнцем. Я вспомнил старика, которого повстречал у нас в Америке, и его жалобы на то, что озеро Эри уже мертво и что такая же участь постигнет лет через пять и озеро Шамплейн.— Когда я впервые приехал в Швейцарию, — продолжал Фабиан, — купаться можно было в любом озере, даже в любой реке. Времена изменились не к лучшему, — вздохнул он. — Закажите-ка бутылку вина, пока я схожу и позвоню своему немцу. Это ненадолго. Я заказал вино и сидел, радуясь хорошему теплему дню и солнцу. Переговоры, которые вел Фабиан, должно быть, проходили нелегко, потому что я выпил почти полбутылки, прежде чем он вернулся.— Все в порядке, — весело сказал он, садясь и наливая себе вина. — К шести часам заедем к нему на виллу. Кстати, его зовут герр Штюбель. Пока больше ничего не скажу о нем.— Вы и так ничего не сказали.— Не хочу, чтобы у вас сложилось предвзятое мнение. Вы вообще-то не против немцев, надеюсь?— Не замечал за собой этого.— У многих американцев еще водится такое. Между прочим, дабы объяснить, почему вы со мной, я сказал, что приеду с профессором Граймсом с факультета искусств Миссурийского университета.— Боже мой, Майлс! — воскликнул я, расплескав вино. — Если он понимает что-либо в искусстве, то сразу же увидит, что я совершенный профан. — Теперь мне стало понятно, почему Фабиан был так задумчив в пути. Он подыскивал соответствующую роль для меня.— Вам нечего беспокоиться, — заверил меня Фабиан. — Как только он станет показывать картины, примите серьезный, рассудительный вид. Когда я спрошу ваше мнение, начните колебаться. Вы же в любых случаях жизни привыкли колебаться, не так ли?— А дальше что? — строго спросил я — После колебаний?— Вы заявите: «На первый взгляд, уважаемый мистер Фабиан, как будто подлинник». Затем добавьте,

что хотели бы завтра осмотреть более тщательно. При дневном свете, так сказать.— В чем же тут смысл?— Надо, чтобы он понервничал до завтра, — холодно объяснил Фабиан. — Станет более покладист. Помните лишь об одном: не выражайте никаких восторгов.— Это для меня легче всего с тех пор, как я встретил вас, — угрюмо заметил я.— Я знаю, что могу положиться на вас, Дуглас.— Сколько это нам будет стоить?— В том-то и дело, что ничего.— Объясните мне, чтоб я понял.— Ей-богу, сейчас не время, — с досадой проговорил Фабиан. — Пусть все идет своим чередом. У нас должно быть взаимное доверие.— Объясните, или я не поеду. Фабиан с раздражением покачал головой:— Ладно, если вы уж так настаиваете. Так вот, по некоторым причинам этот немец, герр Штюбель, решил продать часть семейного собрания картин. Он считает, что этим можно избежать судебных процессов при разделе наследства. И, вполне естественно, предпочитает продать, не платя налогов. Избежать таможенных поборов при вывозе за границу.— Значит, мы собираемся тайно, контрабандой, вывезти его картины из Швейцарии?— Я полагал, что вы меня лучше знаете, Дуглас, — с упреком сказал Фабиан.— Тогда объясните, что мы делаем. Покупаем или продаем?— Ни то, ни другое. Мы просто посредники. Честные посредники. В Южной Америке есть один очень богатый человек, мой знакомый...— Опять знакомый.— Мне известно, — невозмутимо продолжал Фабиан, — что он собирает картины эпохи Ренессанса и хорошо платит за них. В страны Южной Америки перекочевало много ценных произведений искусства. Вероятно, тысячи картин великих европейских мастеров спокойно переплыли океан и хранятся там в особняках, где еще сто лет никто и не услышит о них.— Вы утверждаете, что мы ничего не будем вывозить из Швейцарии. Но когда в последний раз я смотрел на карту, Швейцарии не было в Южной Америке.— Не острите, Дуглас. У вас плохо получается. Тот южноамериканец, о котором я упомянул, в настоящее время находится в Сан-Морице. Он в большой дружбе с послом своей страны, и дипломатическая почта к его услугам. К слову сказать, он намекнул мне, что готов за картину большого художника заплатить до ста тысяч долларов. Нам, следовательно, надо выжать из нашего немца подходящий процент за посредничество.— Что вы считаете подходящим? — Двадцать пять процентов, — тут же определил Фабиан. — Итак, двадцать пять тысяч долларов за пятичасовую, совершенно законную поездку по живописной, прекрасной Швейцарии. Отсюда в Сан-Мориц. Теперь вы понимаете, почему мне хотелось заехать сюда?— Да, понимаю, — кивнул я.— Не смотрите так угрюмо. Между прочим, чтоб не забыть, картина, которую нам покажут, кисти Тинторетто. Как профессор истории искусств вы, конечно, узнаете ее. Запомнили имя художника?— Тинторетто, — повторил я.— Превосходно, — ласково

улыбнулся мне Фабиан и налил нам обоим вина. Уже стемнело, когда мы подъехали к вилле герра Штюбеля, приземистому двухэтажному каменному строению, стоящему высоко над озером, с прилегающей к нему узкой дорогой. В окнах за закрытыми ставнями не было света. Жилище не походило на дворец человека, владевшего собранием картин старых мастеров.— Вы уверены, что именно здесь? — спросил я Фабиана.— Да, здесь, — кивнул он, выключая мотор.— Хозяин мне подробно объяснил. Мы вылезли из машины и направились по тропинке через небольшой заросший сад к входной двери. Фабиан дернул колокольчик, но внутри дома не последовало никакого движения. Мне показалось, что за нами откуда-то наблюдают. Фабиан вторично дернул колокольчик, и скрипучая дверь наконец отворилась.— *Buona sera*,^[12] — сказала стоявшая в дверях низенькая старушка в кружевном чепчике и передничке.— *Buona sera, signora*, — ответил Фабиан, входя в дом. Прихрамывая, старушка провела нас через тускло освещенный зал. Никаких картин на стенах не было. Она открыла тяжелую дубовую дверь, и мы вошли в столовую, которую освещала большая хрустальная люстра над столом. Ожидая нас, тут стоял грузный плешивый мужчина с отвислым животом и шкиперской бородкой. Он был в измятой пливовой куртке и коротких штанах, красные шерстяные чулки до колен плотно обтягивали его толстые икры. Позади него на стене висела большая темная картина без рамы, пришпиленная кнопками. На ней была изображена мадонна с младенцем. Чуть наклонившись, мужчина поздоровался с нами по-немецки.— К сожалению, герр Штюбель, — сказал Фабиан, — профессор Граймс не знает немецкого языка.— В таком случае будем, конечно, говорить по-английски, — с довольно заметным акцентом проговорил Штюбель. — Очень рад, что вы приехали. Не хотите ли немного освежиться? — Вы весьма любезны, герр Штюбель, — отвечал Фабиан, — но у нас нет времени. Профессору Граймсу нужно в семь часов позвонить в Италию, а потом в Америку. Штюбель прищурился и потер ладони, словно они у него вспотели. У меня сложилось впечатление, что ему явно не хотелось, чтобы куда-нибудь звонили.— Могу я взглянуть? — сказал я, шагнув к картине на стене.— Да, пожалуйста, — с готовностью согласился Штюбель, отойдя в сторону.— У вас, конечно, есть документы на эту картину? — спросил я. Штюбель на этот раз еще сильнее потер ладони: — Конечно есть. Но не с собой. Они... они в моем доме... во Флоренции.— Понятно, — холодно сказал я.— Доставить их дело нескольких дней, — продолжал Штюбель.— Я понимаю, мистер Фабиани, что у вас мало время.— Он повернулся к Фабиану.— Вы говорили мне, что гаспадин уезжает в конце недели.— Возможно, и говорил, но, честно говоря, не помню, — отозвался Фабиан.— В любом случае — вот эта картина. Она сама говорит за себя,

профессор. Я подошел к картине и уставился на нее, слыша за спиной тяжелое дыхание Штюбеля. Намерение моего компаньона заставить немца поволноваться, очевидно, успешно осуществлялось. После недолгого молчаливого изучения картины я покачал головой и обернулся. — Я, конечно, могу и ошибиться, — рассудительным тоном начал я, — однако и после весьма поверхностного осмотра сказал бы, что это не Тинторетто. Может быть, картина его школы, но и в этом я тоже сомневаюсь. — Профессор Граймс, — огорченно обратился ко мне Фабиан, — очевидно, нельзя после беглого осмотра при искусственном освещении с уверенностью утверждать... Дыхание немца стало коротким и более затрудненным, он даже облокотился, ища опоры, на обеденный стол. — Мистер Фабиан, — сухо проговорил я, — вы просили меня высказать мое мнение. Что я и сделал. — Но вы обязаны... — Фабиан остановился и подкрутил усы, ища подходящие слова. — Простая вежливость... обязывает проверить и поразмыслить. Мы еще раз приедем завтра. Осмотрим при дневном свете. Незачем решать так поспешно. Сплеча. Тем более герр Штюбель говорит, что у него есть документы. — Документы?! — простонал Штюбель. — Да ведь сам Беренсон удостоверил подлинность этой картины. Беренсон... Я не имел ни малейшего представления о том, кто такой Беренсон, но решил рискнуть. — Как известно, Беренсона нет в живых, — бросил я свой рискованный вызов. — Но когда он был шив, — перебил Штюбель. Риск оказался оправданным. Мой авторитет знатока искусств заметно повысился. — Вы, разумеется, можете узнать и другие мнения. Если хотите, могу предложить список некоторых моих коллег. — Не нушны мне ваши шортовы коллеги, — закричал Штюбель, от волнения заговорив с еще большим акцентом. Он угрожающе наклонился вперед, так что я даже подумал, что он сейчас ударит меня своим кувалдоподобным кулаком. — Што мое, то мое. И на кой шорт, чтоб я слутцаль о Тинторетто невещественный американцы. — Мне здесь больше нечего делать, — поджав губы, с достоинством сказал я. — Вы идете со мной, мистер Фабиан? — Да, иду, — кивнул он, пробормотав какое-то проклятие. — Позвоню вам попозже, герр Штюбель. Договоримся о завтрашнем дне, когда сможем обсудить более спокойно. — Приходите один, — буркнул немец, открыв дверь столовой и выпустив нас в полутемный зал. Старушка в кружевном чепчике стояла под дверью, как видно, подслушивая, о чем мы говорили. Она молча проводила нас из дому. Даже если она ничего и не поняла из нашей беседы с хозяином, то сама атмосфера разговора и поспешность, с какой мы прощались, должны были произвести на нее впечатление. Фабиан шумно, в сердцах, захлопнул за мной дверцу машины и мягко закрыл свою, когда сел с другой стороны. Не говоря ни слова, он

включил мотор и рванул с места на возрастающей скорости. В полном молчании мы проехали до поворота дороги к озеру. Там он остановил машину и повернулся ко мне.— Так что вы скажете? — сказал он, стараясь быть сдержанным.— О чем именно? — с невинным видом спросил я.— Какого черта вы затеяли разговор о подделке?— Этот немецкий боров произвел на меня отвратительное впечатление.— Ха, впечатление! По милости вашего впечатления мы рискуем потерять двадцать пять тысяч.— Ваш герр Штюбель просто жулик.— А мы кто? Праведники?— Если мы и стали мошенниками, то случайно, — кривя душой, сказал я. — А этот немец — прожженный жулик. На нем клейма негде ставить.— Всего несколько минут вы видели человека и уже определили всю его жизнь. Я имел дело с ним, и он всегда выполнял свои обязательства. И на этот раз, ручаюсь, что мы получим свою долю.— Возможно, получим и попадем в тюрьму.— За что? Перевозка картины, даже поддельной, вовсе не преступление. Одного я не выношу в людях, Дуглас, и должен прямо сказать вам это в лицо — не выношу трусости. Если хотите знать, немец сказал правду. К вашему сведению, профессор Миссурийского университета Граймс, это действительно подлинная картина Тинторетто.— Так вот, перевозку картины, даже поддельной, вы не считаете преступлением. А что скажете об участии в продаже украденной картины Тинторетто?— Откуда вы знаете, что она украдена? — сердито спросил Фабиан.— Чувствую. И вы, наверное, тоже.— Мне это неизвестно.— Вы спросили его об этом?— Конечно, нет. Меня это не касается. Так же, как и вас. Мы не станем отвечать за то, чего не знаем. Но раз вы решили отойти от этого дела, что ж, как хотите. А я позвоню ему и скажу, что завтра утром заеду и заберу картину.— Если вы сделаете это, — спокойно возразил я, — я сообщу полиции, чтобы она на месте преступления забрала вас вместе с этим любителем живописи. У Фабиана отвалилась челюсть.— Вы, надеюсь, шутите?— Нисколько. Все, что делал я с тех пор, как взял деньги у мертвеца, было законным или почти законным. Включая и то, что мы вместе предпринимали. Если я и преступник, то, во всяком случае, не рецидивист. Если когда-нибудь меня и обвинят в чем-нибудь, то лишь в уклонении от уплаты налогов. А на это никто не посмотрит как на серьезное преступление. И я вовсе не намерен сесть в тюрьму за какие-нибудь темные дела. Зарубите это себе на носу.— Но если я докажу вам, что картина не украдена...— Вы не сможете доказать и отлично знаете это. Фабиан досадливо вздохнул и запустил мотор.— Я все же позвоню Штюбелю и скажу, что приеду к нему в десять утра, — заявил он.— Тогда полиция приедет за вами.— А, не верю я вам, — отмахнулся Фабиан.— Поверьте мне, Майлс. Я твердо решил. По дороге мы больше не разговаривали. Когда приехали в отель, Фабиан пошел звонить

по телефону, а я зашел в бар, не сомневаясь, что он присоединится ко мне. Я выпил уже второй стаканчик виски, когда Фабиан вошел в бар. Он выглядел более сосредоточенным, чем когда-либо. Сев рядом со мной у стойки бара, он крикнул бармену:— Бутылку «Моэт и Шандон». И два бокала. — Он молча ждал, пока бармен нальет нам шампанское, затем поднял свой бокал и повернулся ко мне. — За нашу дружбу, — широко улыбнулся он. — А мне так и не пришлось поговорить с немцем.— Очень хорошо, — кивнул я. — Я еще не звонил в полицию.— Говорил я лишь со старухой, что живет у него, — продолжал Фабиан. — Плача, она рассказала мне, что минут через десять после нашего ухода явилась полиция и забрала ее хозяина вместе с картиной Тинторетто. Оказалось, что полтора года назад она была украдена из одной частной коллекции. — Фабиан громко рассмеялся. — Как видите, у меня были достаточно веские основания, чтобы привезти вас в Лугано, дорогой профессор Граймс. Мы чокнулись, и Фабиан опять так зычно захохотал, что на него с любопытством стали оборачиваться другие посетители бара.16

Покончив с делами в Лугано, на следующее утро мы сели в свой темно-синий «ягуар» и покатали в Гштаад. На сей раз за рулем сидел я, наслаждаясь легким ходом машины, которая, словно птица, неслась под ярким солнцем между заснеженными горными вершинами и бесчисленными холмами, раскинувшимися вдоль шоссе Цюрих — Берн. Фабиан пристроился на соседнем сиденье и мурлыкал под нос какую-то мелодию из концерта Брамса, на который водил меня несколько дней назад. Время от времени Фабиан ни с того ни с сего фыркал, как кот. Вспомнил, должно быть, незадачливого герра Штюбеля. Или представлял, каково тому приходится в тюрьме Лугано. Мы миновали несколько чистеньких, ухоженных городков с опрятными улочками, геометрически правильные прямоугольники полей, богатые крестьянские уголья с огромными хозяйственными постройками, напоминавшими о земледельческих традициях края, уходящих корнями в далекое прошлое. Благодатная, процветающая земля, прославляющая трудолюбивого человека. Идиллический пасторальный пейзаж, чудесная мирная картина — невозможно было представить здесь марширующие армии, толпы беженцев — любая повседневная суэта казалась тут неуместной. Господи, подумал я, знай эти порой попадающиеся нам полицейские, которые вежливо указывали направление движения на перекрестках, что за парочка сидит в новеньком синем «ягуаре», нас бы давно уже арестовали и выставили через ближайшую границу. Дышалось мне легко и свободно.

Здесь, в дороге, руки у Фабиана были связаны, так что, по меньшей мере, один день я был спокоен за наши деньги и не ощущал лихорадочного беспокойства, тревожной нервозности и состояния, когда меня бросало то в жар, то в холод всякий раз, как Фабиан оказывался поблизости от телефона-автомата или какого-нибудь банка. Этим утром я воздержался от приема сельтерской и уже предвкушал, какой аппетит нагуляю к обеду. А Фабиан, как водится, знал в Берне прекрасный ресторанчик и посулил угостить чем-то особенным. Как обычно, от плавного уверенного хода машины я ощущал, как в моей мошонке разливается приятное тепло, и перебирал в памяти самые захватывающие мгновения ночи, проведенные с Лили во Флоренции, а также предвкушал встречу с Юнис, вспоминал ее прелестные веснушки, тихий голосок, нежную шею и викторианскую грудь. Будь она рядом со мной в данную минуту вместо Фабиана, я не сомневаюсь, что мы съехали бы с дороги и завернули в одну из прелестных бревенчатых гостиниц с названием вроде «Львы и олени» или «Отель трех королей», где сняли бы номер на день. Ладно, утешал я себя, тише едешь — дальше будешь, и сильнее надавил на педаль акселератора. Посматривая на заснеженные вершины холмов по сторонам от дороги, я поймал себя на том, что уже опять не прочь встать на лыжи. Беготня по Цюриху и непривычное общение с банкирами и юристами настолько приелись мне, что свежий горный воздух и яркое солнце манили и притягивали как магнит. — Вам приходилось кататься на лыжах в Гштааде? — поинтересовался Фабиан. Должно быть, заснеженные холмы вызвали у него те же мысли, что и у меня. — Нет, — ответил я. — Я катался только в двух местах: в Вермонте и в Сан-Морице. Но я слышал, что в Гштааде трассы не очень сложные. — Но шею сломать там вполне можно, — усмехнулся Фабиан. — Как, впрочем, и везде. — А как катаются наши сестренки? — О, как все англичанки. Рвутся на склон, как на штурм вражеской крепости... — Фабиан вдруг фыркнул себе под нос. — Придется вам попотеть. Это вам не миссис Слоун. — Не напоминайте мне о ней, — взмолился я. — Что, не выгорело? — лукаво спросил он. — В какой-то мере да. — Я недоумевал, зачем вы с ней связались. Сразу было видно, что она вам не пара. — Так и есть, — честно ответил я. — Кстати, это все из-за вас. — Почему? — изумился Фабиан. — Я посчитал, что Слоун — это вы! — Что? — Я думал, что он украл мой чемодан, — пояснил я. Потом рассказал про коричневые ботинки и темно-красный шерстяной галстук. — Бедняга, — посочувствовал Фабиан. — Вы потратили на миссис Слоун целую неделю такой короткой жизни. Я и впрямь теперь ощущаю свою вину. Она засовывала язычок вам за ухо? — Случалось, — признался я. — Мне пришлось терпеть это три ночи. В прошлом году. А как вам удалось выяснить, что Слоун тут ни при чем? — Если не возражаете, я пока

об этом умолчу. Припомнив жуткий миг разоблачения, когда Слоун застал меня в своем номере с этим дурацким гипсом на ноге и с его ботинком в руках, я решил, что эта кошмарная история должна умереть вместе со мной. А как он вышвырнул в окно мой ботинок и часы, подаренные миссис Слоун. Брр... Я зябко поежился.— Вот как? — Фабиан надулся. — Но ведь мы же компаньоны?— Да, конечно. Как-нибудь в другой раз, — пообещал я. — Когда нам обоим захочется посмеяться.— Ну, этого недолго ждать, — протянул он. И умолк. «Ягуар» мчал по живописнейшей дороге, проложенной среди изумительно прекрасного соснового бора, чистенького и ухоженного, как и все в Швейцарии.— Послушайте, Дуглас, — спросил Фабиан. — А остались у вас родственники в Америке? Ответил я не сразу. Подумал почему-то сначала о Пэт, потом вспомнил Эвелин Коутс, своего брата Хэнка, озеро Шамплейн, вермонтские крутые склоны и даже номер 602. А на закуску еще Джереми Хейла и мисс Шварц.— По большому счету нет, — сказал я наконец. — А почему вы спрашиваете?— Откровенно говоря, меня спрашивала об этом Юнис.— Юнис? — Пришел мой черед удивляться. — Ей что-то не нравится?— Нет, конечно, нет. Но вы так молчаливы и сдержанны... мягко говоря.— Она на меня пожаловалась?— Нет. По меньшей мере, мне, — ответил Фабиан. — Но Лили намекнула, что Юнис несколько озадачена. Все-таки она бросила все и примчалась сюда из самой Англии... Он пожал плечами.— Впрочем, вы и сами понимаете, что я имею в виду.— Да, понимаю, — смущенно признался я.— Надеюсь, в принципе-то вам девочки нравятся, Дуглас?— О Господи, ну конечно, — отмахнулся я. Припомнив моего братца, ведущего радиопрограммы для гомиков в Сан-Диего, я вывернул руль чуть резче, чем следовало, и с некоторым трудом вписался в поворот.— Не обижайтесь, я просто пошутил. В наши дни такое часто случается. Но вы хоть находите ее привлекательной?— Да! Послушайте, Майлс, — с горячностью заговорил я, — мы, конечно, компаньоны, но в нашем контракте не предусмотрено, чтобы меня использовали как племенного жеребца, не так ли?— Резковато сказано, — к моему изумлению, он хихикнул. — Хотя, должен признаться, мне в своей долгой карьере приходилось выступать в роли подобного, как вы выразились, племенного четвероногого.— Господи, Майлс, — попытался оправдаться я, — да мы знакомы-то с ней без году неделя. Сказал и тут же прикусил язык. Во Флоренции, когда я поднялся в номер Лили, я с ней и нескольких часов не был знаком. А что уж говорить про Эвелин Коутс...— И вообще, роль любовника по заказу не для меня. — Тут я оседлал любимого конька. — Должно быть, меня воспитали несколько иначе, чем вас.— Полно вам, — доброжелательно отозвался Фабиан. — В конце концов, Лоуэлл не так уж сильно отличался от Скрантона.— Кому вы вешаете лапшу на уши,

Майлс? — огрызнулся я. — Следов вашего пребывания в Лоуэлле днем с огнем не найти. — Вы, конечно, удивитесь, Дуглас, — миролюбиво произнес Фабиан. — Даже не поверите. Но что вы скажете, если я признаюсь, что настолько привязался к вам, что забочусь только о ваших интересах? — Конечно, не поверю, — отрезал я. — Даже когда они совпадают с моими собственными интересами? — О нет, тогда другое дело, — ответил я. — Хотя все равно с некоторыми оговорками. Но куда вы гнете? — Мне кажется, что пора вам остепениться, — сказал он. Это прозвучало так серьезно, словно Фабиан годами вынашивал свой план и наконец созрел для его осуществления. — Ой, смотрите, какой изумительный пейзаж! — воскликнул я. — Я вовсе не шучу. Слушайте и не перебивайте. Вам ведь тридцать три, верно? — Да. — Значит, так или иначе, в ближайшие пару лет вам придется обзавестись семьей. — Почему? — Потому что так принято. Потому что вы привлекательны. О вас пойдет молва как о богатом молодом человеке. Какая-нибудь девушка непременно решит, что должна заполучить вас, и добьется своего. Потом вы сами признавались мне, что устали от одиночества. И вам захочется иметь детишек. Разве я не прав? Я вдруг припомнил острое сожаление и грызущее чувство потери, которое ощутил в Вашингтоне, в доме Джереми Хейла, когда дочка Хейла ответила по телефону звонким голоском и позвала папу. — Пожалуй, правы, — согласился я. — А клоню я к тому, чтобы вы не полагались на слепой случай, как большинство молодых балбесов. Возьмите судьбу в свои руки. — Каким образом? Быть может, вы сами подберете мне подходящую пару и подпишете брачный контракт? Так поступают в наши дни в великом княжестве Лоуэлл? — Веселитесь-веселитесь, — великодушно кивнул Фабиан. — Я-то понимаю, что задел вас за живое, потому и прощаю. — Черт побери, Майлс, не слишком ли вы о себе возомнили? — воскликнул я. Он пропустил мою вспышку мимо ушей. — Запомните — в свои руки. Это самое важное. — Сами-то вы, помнится, женились на богатенькой, — мстительно напомнил я, — и кончилось дело разводом. — Я был молод и жаден, — вздохнул он. — К тому же рядом со мной вовремя не оказалось опытного друга, который наставил бы меня на путь истинный. Жена попалась довольно строптивая — богатые родители испортили ее. Я все отдал бы, чтобы вы не повторили мою ошибку. Столько в мире хорошеньких девушек с обеспеченными, терпимыми папашами, которые мечтают выдать дочь за приятного, образованного молодого человека с хорошими манерами, который бы, к тому же, не нуждался в средствах. За такого, как вы, Дуглас. Господи, Дуг, ведь говорят, что в богатую девушку так же легко влюбиться, как и в бедную. — Зачем мне все это, если я стану таким же богатым, как вы? — не удержался я. — Да ради

страховки, — выпалил Фабиан. — Со мной тоже всякое может случиться. Верно, сейчас мы с вами в деньгах не нуждаемся. Во всяком случае, вам так кажется, — я предпочел бы иметь побольше. Ведь в глазах настоящих богачей мы нищие, Дуглас. Люмпены.— Ничего, я верю в вашу звезду, — утешил я его с легкой ехидцей. — Благодаря вам мы не кончим в ночлежке.— Мне бы вашу уверенность, — вздохнул Фабиан. — Увы, гарантию может дать только Господь Бог. Деньги приходят и уходят. Мы живем в эпоху переворотов, бесконечных катаклизмов. Быть может, сейчас как раз временное затишье перед бурей. Поэтому нам так важно застраховаться. Тем более что вы особенно уязвимы. Кто может предсказать, сколько вам осталось разгуливать, прежде чем вас опознают. В любую минуту некий крайне неприятного вида субъект может вручить вам счет на сотню тысяч долларов. И в ваших интересах будет уплатить по нему, не так ли?— Да, — согласился я.— Вот видите. А молодая смазливенькая женушка из хорошей семьи станет прекрасной маскировкой. Нужно иметь сверхбогатое воображение, чтобы представить, что такой благовоспитанный и ухоженный молодой человек, вращающийся в одних кругах со сливками общества и женатый на продолжательнице древнего британского аристократического рода, начал свою головокружительную карьеру с того, что стибрил пачку стодолларовых купюр у мертвого постояльца занюханного нью-йоркского отеля. Я ясно выражаюсь?— Яснее некуда, — неохотно признал я. — Но вам-то что до этого? Вы же говорили об общих интересах. Или вы рассчитываете на комиссионные от приданого моей суженой?— Фу, какой вы невежа, молодой человек, — Фабиан покачал головой и метнул на меня укоризненный взгляд. — Просто в таком случае нашему компаньонству ничего не будет угрожать. Ваша жена будет только рада, если вы избавите ее от необходимости следить за состоянием финансовых дел. И вообще, насколько я знаю женскую натуру, а я, поверьте, неплохо разбираюсь в ней, ваша жена безусловно предпочтет, чтобы дела ее вели вы, а не стая брокеров, опекунов и банковских служащих, на которых обычно полагаются женщины.— И вот тут-то вам и карты в руки?— Точно. — Фабиан расплылся до ушей, словно вручил мне дорогой подарок. — Мы останемся компаньонами на прежних условиях. Любой капитал, что вы привнесете, будет считаться вашей долей, а прибыль по-прежнему будет делиться пополам. Просто и красиво. Кажется, я уже доказал вам, что умею распоряжаться инвестициями?— Да, здесь и сказать нечего, — закивал я.— Каков поп, таков и приход, — изрек Фабиан. — Думаю, с вашей женой никаких сложностей не возникнет.— Это будет зависеть от жены.— Не от жены, а от вас, Дуглас. Надеюсь, вы остановите выбор на разумной девушке, которая будет любить вас и доверять вам и будет только рада

доказать вам свое расположение и безграничную преданность.— Боюсь, вы преувеличиваете мои достоинства, Майлс, — сказал я, припомнив историю своих взаимоотношений с женщинами.— Вы слишком скромны, старина, я вам не раз уже это говорил.— Однажды мне приглянулась прехорошенькая официантка из ресторана в Колумбусе, штат Огайо. Три месяца я ухаживал за ней, водил повсюду и добился лишь того, что в кино она позволяла держать себя за руку.— Ничего, Дуглас, — подбодрил Фабиан, — с тех пор ваши акции здорово подскочили в цене. Женщины, с которыми вы будете сейчас знакомиться, окружены богатыми мужчинами средних лет, которые круглосуточно заняты приумножением своих капиталов и другими делами, и времени на женщин у них почти не остается. Да, встречаются среди них и мужчины, уделяющие внимание женщинам, но они ведут себя, как бы яснее выразиться, — недостаточно по-мужски, что ли. Или преследуют чисто финансовые интересы. Ваша официантка из Колумбуса даже не перешагнула бы порог кинотеатра ни с одним из них. В тех же кругах, где вы начнете вращаться, любой мужчина моложе сорока, с достатком, манерами джентльмена и не чурающийся женского общества, просто обречен на успех. Поверьте, старина, вам достаточно держаться естественно, как вы привыкли, и вы всех покорите. И совсем неплохо, что вы при этом можете позволить себе кое-что тратить на всякие мелочи. Надеюсь, пригласите меня шафером на свадьбу?— Вы, похоже, все просчитали.— Да, — спокойно ответил Фабиан. — И хочу, чтобы вы тоже научились считать на несколько ходов вперед. Я противник того, чтобы слово «расчетливость» приобрело в наши дни дурную репутацию. Пусть школьницы и призывники упиваются романтикой, Дуглас. Вы же должны стать расчетливым.— Господи, как это... аморально, — не выдержал я.— А я так надеялся, что вы не употребите это слово, — вздохнул Фабиан. — Неужто вы считаете, что поступили высокоморально, когда улизнули с деньгами, похищенными из отеля «Святой Августин»?— Нет.— Вот видите. А морально ли поступил я, увидев, что лежит в вашем чемодане?— Нет, конечно.— Мораль неделима, мой мальчик. Это не праздничный пирог, который можно разрезать на куски и разложить по тарелочкам. Давайте посмотрим правде в глаза, Дуглас, ведь де моралью вы руководствовались, когда расплевались с герром Штюбелем, а нежеланием оказаться с ним в одной камере, верно?— От вас ничего не утаишь, черт побери! — в сердцах признался я.— Рад, что вы так думаете, — улыбнулся Фабиан. — И еще: простите за назойливость, но я вновь повторяю, что забочусь о ваших интересах. И что ваши интересы — это и мои интересы. Я порой задумываюсь над тем, какая жизнь нас ждет. Вы ведь согласны, что нам надо держаться друг друга, что бы ни случилось?— Да.— До сих пор, за исключением маленького недоразумения в Лугано. Между нами, кажется,

было полное взаимопонимание.— Пожалуй. Я умолчал о том, что был вынужден по его милости поглощать сельтерскую.— Я отдаю себе отчет в том, что такой образ жизни рано или поздно приестся. Жить на чемоданах, постоянно кочевать из отеля в отель, какими бы роскошными они ни были, — такое в конце концов надоест любому. Путешествия лишь тогда доставляют подлинную радость, когда вас ждет родной дом. Даже в вашем возрасте...— Бога ради, не делайте из меня молокососа, — взмолился я. Фабиан расхохотался:— Какие мы чувствительные! Что делать — я завидую вашей молодости. — Его взгляд посерьезнел. — А вообще-то мы оба выигрываем от разницы в возрасте. Будь нам обоим по пятьдесят или по тридцать три, сомневаюсь, чтобы нашей дружбы хватило надолго. Стали бы соперничать, да и различия в характерах сказались бы. А так ваш темперамент и мой опыт уравниваются. К общему благу.— Какой там темперамент? — Я покачал головой. — Просто порой ваши аферы меня в дрожь вгоняют. Он опять расхохотался:— Позвольте ваши слова считать комплиментом в мой адрес. Кстати, Лили или Юнис не справлялись, чем вы зарабатываете на жизнь?— Нет.— Молодцы сестрички, — похвалил он. — Настоящие леди. Ну а кто-нибудь интересовался? После того, что случилось в отеле, естественно?— Только одна дама. В Вашингтоне. Как вы догадались, я имел в виду несравненную Эвелин Коутс.— И что вы ответили?— Что унаследовал кучу денег.— Недурно. На первое время, во всяком случае. Если в Гштааде возникнет необходимость, держитесь той же версии. Попозже придумаем что-нибудь еще. Скажем, например, что вы консультант по рекламе. Под такую профессию можно подогнать все что угодно. Любимое прикрытие для агентов ЦРУ в Европе. К тому же, в любом обществе вас воспримут спокойно. У вас такая честная физиономия, что никому в голову не придет усомниться в ваших словах.— А как насчет вашей физиономии? — полюбопытствовал я. — Ведь нас будут все время видеть вместе. — Моя-то? — задумчиво переспросил он. — Порой я часами изучаю ее в зеркале. И вовсе не из тщеславия, заверяю вас. Из любопытства. Да-да, из чистого любопытства. Честно говоря, я до сих пор не уверен, что знаю, как я выгляжу со стороны. Забавно, не правда ли? Как вы считаете?— Вы похожи на потасканного плейбоя, — мстительно произнес я. Фабиан тяжело вздохнул.— Порой, Дуглас, — сказал он, — лучше уж не быть столь откровенным.— Вы же сами спросили.— Ну и что? Могли не отвечать, — проворчал он. — В следующий раз не спрошу. Помолчав немного, он добавил:— Последние годы я усиленно старался выглядеть, как отошедший от дел английский фермер-джентльмен. По-видимому, судя по вашей реплике, я мало в этом преуспел.— Просто я не знаю, как выглядят пожилые английские фермеры-джентльмены. В «Святом Августине» они не часто

появлялись.— Но все же не догадались, что я урожденный американец?— Нет.— И то хорошо.— Фабиан разгладил усы.— А вам никогда не хотелось пожить в Англии?— Нет. Хотя меня вообще никогда никуда не тянуло. Будь у меня все в порядке со зрением, я бы никуда из Вермонта не уезжал. А почему вы спросили про Англию?— Многим американцам там нравится. Особенно в провинции, в часе езды от Лондона. Вежливый, неназойливый народ. Ни суеты, ни спешки. Обожают чудаков. Первоклассные театры. А если вы любите бега или удить лосося...— Бега я обожаю. Особенно после триумфа Полночной мечты.— Славный конек. Вообще-то я имел в виду не только бега. Например, отец Юнис три раза в неделю устраивает конную охоту.— И что из этого?— У него прекрасное поместье в провинции, примерно в часе езды от Лондона...— Кажется, я смекнул, куда вы гнете, — оборвал я.— Нет, Юнис вполне самостоятельная девушка.— Кто бы мог подумать?— Лично я, — продолжал Фабиан, — нахожу ее на редкость хорошенькой. Когда на нее не давит общество старшей сестры, она такая веселенькая и бойкая...— Да она едва взглянула на меня за все эти дни.— Ничего, еще взглянет, — посулил он. — Все в свое время. Я не признался, какие сладострастные мысли по отношению к Юнис питал, пока «ягуар» плавно мчал нас по живописной дороге.— Вот, значит, почему вы спросили Лили, не захочет ли Юнис присоединиться к нам? — догадался я.— Должно быть, мое подсознание натолкнуло меня на эту идею, — ответил Фабиан.— В то время.— А сейчас?— А сейчас я бы посоветовал вам как следует обмозговать мое предложение. Спешки, впрочем, никакой нет. Можете взвесить все «за» и «против».— А что скажет Лили?— По некоторым ее высказываниям я бы рискнул предположить, что она относится к этому благосклонно.— Фабиан вдруг хлопнул в ладоши. Мы приближались к предместью Берна.— Давайте пока оставим эту тему. На некоторое время. Пусть будет как будет. Фабиан вытащил из отделения для перчаток карту автомобильных дорог и погрузился в нее, хотя до сих пор, куда бы нас ни заносило, он, похоже, знал каждый поворот, каждую улочку.— Кстати, — спросил он как бы между прочим, — а вам Присцилла Дин тоже всучила свой номер телефона тогда вечером?— Что значит «тоже»? — запинаясь, только и вымолвил я.— Она украдкой сунула мне бумажку с номером. Я не настолько самовлюблен, чтобы вообразить, что она остановила выбор исключительно на мне. Все же она истая американка. Демократична до мозга костей.— Да, мне она тоже дала свой номер, — признался я.— Вы им воспользовались? Я вспомнил частые гудки в трубке.— Нет, не успел.— Везунчик же вы, — сказал Фабиан.— Она наградила марокканца триппером. Заверните на следующем углу. Еще пять минут, и мы будем у ресторана. Мартини у них просто божественное. Пожалуй, пропустим стаканчик-другой. Вы, во всяком случае. И возьмите

еще вина к обеду. После обеда за руль сяду я.17

Мы приехали в Гштаад в сумерки. Падал снежок. В разбросанных по холмам коттеджах швейцарского стиля только начинали зажигать свет; пробиваясь сквозь задернутые занавески, он весело мигал, суля тепло и уют. В зимнем сумраке запорошенный снегом городок выглядел особенно чудесно. И меня вдруг охватила щемящая тоска по крутым снежным склонам близкого моему сердцу штата Вермонт. Когда мы медленно ехали по главной улице, из кондитерской вывалилась шумная ватага детворы в джинсах и ярких куртках с капюшонами. Оживленные голоса и смех, как колокольчики, звенели в морозном воздухе: ребята обсуждали свои проблемы. Какую гору пирожных со взбитым кремом они только что проглотили!— Здесь всегда много детей, — заметил Фабиан, на черепашьей скорости пробираясь сквозь толпу ребят. — Прекрасная особенность этого городка. Тут три или четыре интернациональные школы. Лыжному курорту нужна молодежь. Она приносит в спорт чистоту и свежесть. Завтра утром вы увидите их на всех горных спусках и будете тужить о своих школьных годах. Машина стала взбираться по извилистой горной дороге, слегка буксуя в недавно выпавшем снегу. На вершине горы, господствовавшей над городом, находился большой отель, походивший на феодальный замок. Как снаружи, так и внутри он не оказался достаточно чистым и опрятным.— Обычно шутят, что Гштаад стремится стать Сан-Морицем, но ему это никак не удастся, — сказал Фабиан.— Меня он вполне устраивает, — признался я. Снова оказаться в Сан-Морице у меня не было никакого желания. Мы расписались в книге регистрации приезжающих. Как обычно, в конторке портье сразу же узнали Фабиана и, казалось, выражали большую радость по случаю его приезда. Он то и дело здоровался, отвечая на приветствия.— Ваши дамы оставили вам записку, — поспешил сообщить швейцар. — Они сейчас в баре.— Какой сюрприз, — улыбнулся Фабиан. В просторном баре царил интимный полумрак, но в дальнем конце я все же разглядел Лили и Юнис. Они были еще в лыжных костюмах и сидели в компании пяти мужчин. На столе было вволю шампанского. Лили рассказывала какую-то историю, ее рассказ сопровождался такими взрывами смеха, что за другими столиками на них оборачивались. Я стоял в дверях, сомневаясь, следует ли нам с Фабианом присоединиться к этому веселому обществу.— Они не теряют времени понапрасну, не правда ли? — сказал я.— В этом я не сомневался, — с обычной невозмутимостью ответил Фабиан.— Поднимусь-ка я к себе в номер и приму ванну, — решил я. — Позвоните мне, когда спуститесь к

ужину.— Ах, робкая душа, — улыбнулся в усы Фабиан.— Что ж, покажите свою храбрость, — ответил я. Уже уходя, услышал, как снова заржали мужчины, сидевшие с нашими красавицами, и увидел, что Фабиан направился к их столику. Когда я проходил через вестибюль, туда ввалилась из кегельбана ватага молодежи. В их шумной и бойкой болтовне звучала французская и английская речь. Мальчики — все с длинными волосами, некоторые с бородами, хотя самому старшему из них — не более семнадцати лет. Одна из хорошеньких девушек в этой компании почему-то пристально уставилась на меня. Это была блондинка с длинными спутанными волосами, почти закрывавшими ее розовое личико. Джинсы с цветочками в пастельных тонах обтягивали ее по-детски округлые бедра. Она откинула волосы с лица, причем это было сделано рассчитанно томным движением, ее веки были голубовато подкрашены, но губы не намазаны. Мне стало неловко от ее пристального взгляда, и я отвернулся, чтобы спросить ключи у портье.— Мистер Граймс, — неуверенно окликнул меня еще детский голос. Я оглянулся. Вся компания ребят уже вышла на улицу, и девушка осталась одна.— Вы ведь Дуглас Граймс, верно? — спросила она.— Да.— Летчик? Я кивнул, не считая нужным вносить поправки в свое прошлое.— Вы не помните меня?— Признаюсь, что нет, мисс.— Конечно, прошло уже три года. Вспомните Доротею. Диди Вейлс. У меня выдавались вперед передние зубы, и я на ночь натягивала на них шину.— Она капризно тряхнула головой, и длинные белокурые волосы упали ей на лицо.— Я и не ожидала, что вы узнаете меня. Кто станет помнить какую-то тринадцатилетнюю девчонку.— Отбросив назад волосы, она улыбнулась, показав ровный ряд прекрасных белых зубов — гордость юной американки, которой не нужно больше надевать шину.— Помните, вы изредка ходили на лыжах с моими предками?— Как же, помню, — кивнул я.— Как они сейчас?— Развелись, — выпалила Диди. (Этого и нужно было ожидать, подумал я.)— Мама приходит в себя на пляже в Палм-Бич. С одним теннисистом, — хихикнув, пояснила она.— А меня спланировали сюда.— Тут, кажется, вовсе не так уж плохо...— Если бы вы только знали, — перебила она, — как вы мне нравились, когда шли на лыжах. Вы не рисовались, не выпендривались, как другие мальчики. Вот так мальчик, подумал я. Только Фабиан еще называет меня мальчиком, словно мне двадцать лет.— Ей-богу, даже за километр я узнавала вас на спусках. С вами обычно была очень хорошенькая девушка. Она и здесь с вами?— Ее нет со мной. Последний раз, когда я вас видел, помню, вы читали роман «Грозовой перевал».— Детство, — пренебрежительно отозвалась она.— А помните, как однажды в снежную метель вы сопровождали меня на шестом спуске, который назывался «самоубийца»? Помните?— Конечно, помню, — солгал я.— Даже если и забыли, то

приятно, что не признались в этом. Ведь это было мое лучшее достижение. Вы только приехали?— Да, вот только что. Она была первым человеком, узнавшим меня со времени приезда в Европу, и хотелось надеяться, что и последним.— И долго пробудете?— спросила она, как спрашивают маленькие дети, когда боятся остаться одни, без родителей.— Несколько дней.— Вы знаете этот город?— Нет, первый раз в нем.— Может, на этот раз я поведу вас?— предложила Диди, снова томно откинув назад волосы.— Очень любезно с вашей стороны.— Если вы, разумеется, не заняты, — подчеркнула она. Приоткрыв дверь с улицы, бородатый мальчик закричал:— Послушай, Диди, ты что, всю ночь будешь стоять и болтать здесь? Она нетерпеливо отмахнулась от него.— Я повстречала старого друга нашей семьи. Смывайся отсюда, — крикнула она парню и с улыбкой повернулась ко мне.— Мальчишки в наши дни уж думают, что ты им принадлежишь и телом, и душой. Противные волосатики. Вы, наверное, еще никогда не видели таких избалованных и испорченных ребят. Что только станет твориться на свете, когда они вырастут! Я постарался воспринять ее замечание всерьез и не улыбнуться.— Вы, очевидно, думаете, что и я такая же, — с вызовом произнесла она.— Вовсе нет.— Вы бы видели, как после каникул они прибывают в Женеву. На отцовских реактивных самолетах. В школу подкатывают на «роллс-ройсах». Пустой блеск гнилья! На этот раз я не смог удержаться от улыбки.— Разве уж так смешно я говорю?— обидчиво сказала она.— Ведь я много читала.— Да, знаю.— Кроме того, я единственный ребенок в семье, а мои родители всегда были где-то на отшибе.— Потому вы следили за каждым их шагом?— Совсем не то, — она пожала плечами.— Родители, само собой понятно, раздражались. Я не очень-то любила их, а они считали меня нервным ребенком. Tant pis^[13] для них. Вы говорите по-французски?— Нет, но в данном случае догадался.— Французский, по-моему, чересчур восхваляют. Одни стишки да песенки. Ну, я рада нашей встрече. Когда буду писать домой, передать от вас привет матери или отцу?— Обоим.— Вот уж смешно. Они теперь порознь. Но поговорим об этом в следующий раз. Она протянула мне руку, и я пожал ее. Ручка была маленькая, нежная. Потом она резко повернулась и пошла к дверям; цветы, вышитые на джинсах, обтягивавших ее кругленькие ягодицы, плавно покачивались. Я грустно поглядел ей вслед, мне было жаль ее отца и мать. Быть может, подумал я, школа в Скрантоне, где я учился, была вовсе не плоха. Поднялся на лифте к себе в номер и улегся в ванну. Нежась в горячей воде, я всерьез раздумывал, не написать ли коротенькую записку Фабиану и тихонечко улизнуть из Гштаада на ближайшем поезде. Ужинали мы вчетвером. Я исподтишка приглядывался к Юнис, пытаюсь представить себе, как, став моей женой, она бы выглядела через десять, двадцать лет. Как временами

распивал бы я бутылку портвейна с ее отцом, английским аристократом, который охотится три раза в неделю. А вот мы с ней у церковной купели, где крестят нашего ребенка. Фабиан, что ли, крестный отец? Потом мы навещаем нашего сына, который, судя по всему, будет определен в Итон.^[14] Тут я вспомнил, что в свое время читал об английских школах в книгах Киплинга, Во, Оруэлла и Конолли. Нет, не пошлю я своего сына в Итон. За те дни, что Юнис провела здесь, бегая на лыжах, она посвежела, на щеках заиграл здоровый румянец. Шелковое платье красиво подчеркивало ее фигуру. Довольно полная и миловидная сегодня, какой она станет впоследствии? Фабиан утверждает, что в богатую так же легко влюбиться, как и в бедную. Но так ли это? Когда я увидел ее с сестрой в шумной компании высокомерных шалопаев (такими, по крайней мере, они мне показались), я поспешил уйти из бара. Нельзя отрицать, что Юнис хорошенькая, привлекательная девушка, и она, без сомнения, всегда будет вертеться среди молодых людей ее круга. Как же я буду относиться к этому, если она станет моей женой? Я никогда не задумывался над тем, к какому классу общества принадлежу или к какому меня причисляют другие. Майлс Фабиан из городишка Лоуэлл в штате Массачусетс пытался заделаться английским сквайром. Что касается меня, то сомневаюсь, чтобы, покидая Скрантон в штате Пенсильвания, я бы притязал на что-либо большее, чем был на самом деле, — летчиком, хорошо обученным своему делу и живущим на жалованье. Аристократические гости на свадьбе, наверное, станут шушукаться, когда я пойду с ней к алтарю в английской церкви. Смогу ли я пригласить на свадьбу своего неудачливого брата и своих бедных родственников? Фабиан, конечно, мог до какой-то степени натаскать меня, но лишь до определенных границ, независимо от того, признавал он их или нет. Что касается сексуальной стороны нашего брака... Я еще не полностью отошел от приятных мыслей, которые бродили в моей голове, пока я вел машину, так что был уверен, что эта сторона супружеской жизни доставит нам взаимное удовольствие. К сожалению, я вырос в убеждении, что без пылкой страсти настоящий брак состояться не может, и потому опасался, вспыхнет ли костер такой страсти в моем сердце по отношению к этой тихой, немного замкнутой девушке. А родственные узы? Взять хотя бы будущую свояченицу, Лили... При каждой встрече с ней я буду вспоминать бурную ночь во Флоренции. Ведь даже сейчас, в данный миг мне остро хотелось, чтобы мы с Лили остались вдвоем и чтобы нам никто не мешал. Неужто мне судьбой предначертано лишь приближаться к осуществлению своей мечты, которая в последний миг будет ускользать от меня? — Тут действительно замечательно, — заявила Юнис, намазывая маслом третью булочку. Как и ее старшая сестра, она любила хорошо поесть. — Подумать только о беднягах, которые сейчас

киснут в нашем туманном, унылом Лондоне. Знаете, у меня восхитительная идея. — Она обвела нас взглядом своих голубых детски невинных глаз. — Почему бы нам всем не остаться здесь, где так чудесно светит солнышко? Поживем до самой оттепели, а? — Швейцар говорит, что завтра будет пасмурно и пойдет снег, — сказал я. — Как это на вас похоже, милый друг, — улыбнулась Юнис. Она стала так называть меня на второй день после приезда в Цюрих, но я не придавал этому особого значения. — Даже когда тут сыплется снег, вы все же чувствуете, что солнышко где-то рядом с вами. А в Лондоне оно зимой пропадает куда-то, жди его потом. — Я невольно подумал, согласилась бы она на предложение милого общения с милым другом и его окружением, если бы узнала о циничном расчетливом разговоре о своем будущем, который произошел в машине по пути к Берну. — И незачем нам тащиться в шумный копошащийся Рим, когда и тут хорошо, — заключила Юнис, уминая булочку с маслом. — В конце концов все мы уже не раз бывали в Риме. — Не считая меня, — заметил я. — Останемся тут до весны, — настаивала Юнис. — Ты согласна, Лили? — Неплохо бы, — отозвалась Лили, втягивая в рот спагетти. Из всех женщин лишь она могла изящно есть это итальянское блюдо. По всему было видно, что сестры вошли в мою жизнь не в том порядке. — Майлс, — обратилась к нему настойчивая Юнис, — вы рветесь в Рим? — Вовсе нет, — ответил тот. — У меня тут кое-какие дела, которые я бы хотел проверить. — Какие дела? — встрепнулся я. — Ведь мы на отдыхе. Одно другому не мешает, — сказал Фабиан. — Не беспокойтесь, ваши лыжные прогулки не пострадают. К концу ужина мы решили, что останемся в Гштааде по крайней мере еще на неделю, а там будет видно. Мне захотелось пройтись после ужина, и я предложил Юнис прогуляться со мной, надеясь, что это, быть может, станет первым шагом к нашему сближению. Но она зевнула, сказав, что была на морозе весь день, устала и хочет нырнуть в постель. Проводив ее к лифту, я на этот раз пожелал ей спокойной ночи, поцеловав в щечку. Затем надел пальто и бродил один. Надо мной кружились в ночи падавшие на землю снежинки. Предсказание швейцара не сбылось. Утром небо было безоблачно ясное. Взяв напрокат лыжи и лыжную обувь, мы с Лили и Юнис отправились на заснеженные вершины; обе мои спутницы неслись вниз по склонам очертя голову, с истинно британским бесстрашием. Я всерьез опасался, как бы для одной из них этот день не закончился в больнице. Фабиана с нами не было, ему понадобилось звонить по телефону. Он не сказал мне, кому и по какому делу, но я чувствовал, что вскоре буду втянут в одну из его очередных рискованных операций. Мы условились встретиться в половине второго в клубе «Орел», что находился на вершине горы Вассенграт. Это был закрытый, весьма фешенебельный клуб с особыми правилами членства

для узкого круга лиц, но Фабиан, естественно, устроил всем нам гостевые билеты на время пребывания в Гштааде. Погода в этот день была изумительная, под ярким солнцем глубокий снег блистал и искрился алмазами, обе наши красавицы были грациозны и блаженно счастливы, мчась с опьяняющей скоростью вниз по крутому спуску. Да и я сам в какой-то миг почувствовал, что ради такого дня стоило совершить то, что я совершил в ту ночь в «Святом Августине». Лишь одно событие несколько омрачило мое настроение. Молодой американец, увешанный фотоаппаратами, непрерывно фотографировал нас, что бы мы ни делали: в подъемнике, на лыжах, в непринужденном общении, при спуске со склона... — Вы знаете этого парня? — спросил я девушек. — В баре я его не встречал, это точно. — В глаза его не видела, — сказала Лили. — Должно быть, поклонник, — предположила Юнис. — Восхищается нашей красотой. — Мне поклонники ни к чему, — отрезал я. Вскоре случилось так, что Юнис неловко спускалась и упала. Я поспешил на выручку, помог ей подняться на ноги, и в этот миг откуда-то вынырнул таинственный фотолюбитель и принялся снимать нас. — Эй, приятель, — окликнул я. — Неужели вы извели на нас еще не все пленки? — Нет, кое-что осталось, — весело отозвался он. Он был высокий и худощавый, так что костюм выглядел на нем мешковато, и продолжал щелкать как ни в чем не бывало. — В моей газете любят, чтобы было из чего выбирать. — Какой еще газете? — спросил я. — «Женская одежда сегодня». Я должен подготовить репортаж о Гштааде. Вы как раз то, что, мне нужно. Вы просто шикарно смотрите на лыжах. Счастливые люди — ни забот, ни хлопот. — Это по-вашему, — хмуро отозвался я. — Здесь полно людей, которые и в самом деле вольны, как пташки. Почему бы вам не заняться ими? Мне мало улыбалось, чтобы мои фотографии попали в нью-йоркскую газету с тиражом в сотню тысяч экземпляров. Кто знает, какую газету привыкли читать по утрам те два молодчика, что искалечили Друзека? — Если дамы против, — приятно улыбнулся фотограф, — я, конечно, не буду настаивать. — Мы вовсе не против, — заверила Лили. — Если вы пришлете нам карточки, конечно. Обожаю свои фотографии. Красивые, естественно. — Ваши могут получиться только красивыми, — галантно ответил американец. Я невольно подумал, что он, должно быть, снимал немало прелестных женщин за свою карьеру, так что робостью, конечно, не страдает. В чем я ему и позавидовал. Но все-таки он наконец укатил прочь, не особенно заботясь о том, как выглядит на лыжах на ухабах и поворотах. В следующий раз мы увидели его, когда сидели на террасе и потягивали коктейли в ожидании Фабиана. Но к тому времени возникло иное осложнение. Ровно в полдень я заметил маленькую фигурку девушки, которая в отдалении следовала за нами. Это оказалась Диди

Вейлс. Она не подходила к нам близко, но куда бы мы ни шли, она сопровождала нас, спускалась по нашей лыжне, останавливалась и двигалась вместе с нами. Диди легко и уверенно бегала на лыжах, и даже когда я внезапно сильно ускорял темп, что заставляло обеих сестер сломя голову нестись за мной вниз, она следовала за нами, словно была привязана к нам какой-то длинной невидимой нитью. Перед последним спуском я нарочно задержался внизу, усадив обеих сестер в подъемник. Вскоре подошла Диди, ее длинные белокурые волосы были перевязаны лентой на затылке и спадали на спину. Она была в тех же вышитых цветами голубых джинсах и в короткой, несколько мешковатой оранжевой парке.— Поднимемся вместе, — предложил я, когда она уселась в кресло подъемника.— Давайте, — кивнула она. Мы стали подниматься вверх, двухместное кресло бесшумно взбиралось в открытом пространстве, под нами в лучах солнца вскоре раскинулся весь город. Снежные вершины гор возвышались вокруг, похожие издали на купола соборов.— Не возражаете, если я закурю? — спросила Диди, вытаскивая пачку сигарет из кармана. Я кивнул.— Молодец, папочка, — сказала она и затем, хихикнув, спросила: — Хорошо проводите день? — Замечательно.— Вы на лыжах уже не такой, как прежде. Тяжеловаты. Я знал, что это так, но было неприятно услышать об этом.— Да, отяжелел немного, — с достоинством согласился я. — Дела всякие. Занят очень.— Оно и видно, — сказала Диди непререкаемым тоном. — А те две, что с вами, — как-то по-особенному присвистнула она, — непременно разобьются когда-нибудь.— И я предупреждал их.— Если с ними не будет мужчин и они когда-нибудь пойдут одни, то весь спуск пропадут. Они, конечно, модно одеваются. Я видела их в магазинах, когда они только что приехали и покупали все, что попадется на глаза.— Что ж, они хорошенькие и хотят выглядеть поинтересней.— Сузить бы их брюки еще на пару сантиметров, и они задохнутся.— Ваши джинсы тоже не широки.— Мои по возрасту. Вот и все.— Вы собирались показать мне город.— Если бы вы были свободны. Но вы выглядите очень занятым.— Можете присоединиться к нам, — предложил я. — Мои спутницы будут рады.— Нет уж, — решительно отказалась она. — Держу пари, что все вы идете обедать в клуб «Орел». — Откуда вы знаете? — А что, разве не так? — Да, идем туда.— Я так и знала, — с презрительным торжеством воскликнула она. — Женщины вроде них всегда ходят туда обедать.— Вы же совсем их не знаете.— Я вторую зиму здесь. Присмотрелась к таким.— Ну, так пойдете с нами обедать? — Благодарю за честь. Это не для меня. Не люблю светские разговоры. Особенно с женщинами. Сплетничают. Крадут друг у друга мужей. Я немного разочарована в вас, мистер Граймс.— Вы? Почему? — В таком месте, с такими особами.— Что вы от них хотите? Они очень милые

женщины. Не придирайтесь к ним.— Мне приходится приезжать сюда, — с раздражением произнесла Диди. — Моя мамаша, видите ли, точно знает, где должна жить хорошо воспитанная девица, пока она совершенствует свое образование. Тоже мне образование, ха! Как стать бесполезным человеком, зная три языка. И мне это дорого обходится. Она говорила с горечью встревоженного зрелого человека. Вряд ли кто мог ожидать услышать нечто подобное от хорошенькой, пухленькой шестнадцатилетней американки, медленно поднимаясь с ней в подъемнике над залитыми солнцем сказочными зимними Альпами.— Ну, — начал я, чувствуя, что мои слова прозвучат как пустая отговорка. — Я уверен, что вы не окажетесь бесполезной. Независимо от того, сколько будете знать языков.— Нет, конечно, если все это не угробит меня.— А какие у вас вообще планы?— Собираюсь стать археологом. Буду копаться в руинах древней цивилизации. И чем древнее, тем лучше. Хочу уйти как можно дальше от нашего века. Или, во всяком случае, от жизни моих родителей.— Мне кажется, вы несправедливы к ним, — сказал я. Защищая их, я защищал и себя. В конце концов мы принадлежали почти к одному поколению.— Если вам не нравится, не будем говорить о моих предках. Давайте поговорим о вас. Вы женаты?— Еще нет.— Я, например, не намерена выходить замуж, — с вызовом произнесла она, как бы приглашая осмелиться оспорить ее утверждение.— Говорят, замужество уже не модно, так что ли?— И правильно. Мы уже приближались к вершине горы и приготовились вылезать из подъемника.— Если вы как-нибудь захотите пойти на лыжах только со мной, — продолжала она, особенно подчеркнув последние слова, — оставьте мне записку в вашей почтовой ячейке в отеле. Я буду заглядывать в нее. Хотя на вашем месте я бы здесь долго не пробыла. Для вас это инородная среда, — говорила она, когда, поднявшись с кресла и взяв лыжи, мы вышли из-под навеса подъемника, и она стояла в лучах горного солнца.— А где же моя естественная среда?— В Вермонте, как мне кажется. В маленьком городке штата Вермонт, где люди трудом зарабатывают себе на жизнь. Я вскинул свои лыжи на плечо. Клуб «Орел» находился тут же на вершине горы, в нескольких десятках метров. Хорошо расчищенная тропинка вела к нему.— Не обижайтесь, пожалуйста, на меня, — сказала Диди. — Недавно я поставила себе за правило во всех случаях говорить то, что думаю. По какому-то странному побуждению, которое я сам не могу понять, я вдруг наклонился к ней и поцеловал ее в щеку, холодную и розовую.— Очень мило, — кивнула она. — Благодарю вас. Приятного аппетита! Тут, очевидно, она услышала голоса моих спутниц. Став на лыжи, она легко и уверенно покатила вниз по склону горы. Я покачал головой, следя за тем, как несколько нескладная маленькая фигурка в оранжевой парке быстро скользила по склону. Потом, таща

лыжи, направился к массивному каменному зданию клуба. Фабиан появился лишь тогда, когда мы, поджидая его на террасе клуба, выпили по второй стопке «кровавой мери». Он оделся для лыжной прогулки и выглядел нарядным в свитере с высоким завернутым воротником («хомутом», как его называют), в голубой тирольской куртке и хорошо отутюженных вельветовых брюках золотистого цвета, на ногах — высокие лыжные ботинки с замшевыми голенищами. Рядом с ним я казался замухрышкой в своих уже обвисших лыжных штанах и простой голубой парке, купленных мной по дешевке в Сан-Морице. Элегантно одетые люди, собравшиеся на террасе, перешептывались, поглядывая на меня и недоумевая, как я затесался сюда. Маленькая Диди была, очевидно, права, говоря, что я тут не в своей среде. Высоко над нами, в ярко-синем небе, величественно парила крупная птица. Возможно, даже орел. Интересно, как он добывает себе пропитание в этой долине? — Ну, как дела? — спросил я Фабиана, когда он целовал наших красавиц. — Потом поговорим, — многозначительно ответил Фабиан, любивший принимать таинственный вид. — Надеюсь, вы не возражаете, если после завтрака у нас с вами состоится деловое свидание в городе? — Если мои спутницы отпустят меня... — Будьте уверены, что они тут же найдут другого молодца, чтобы пойти с ним на лыжах. — Не сомневаюсь. — Сегодня большой званый вечер, — сказала Лили. — И нам, во всяком случае, надо пойти в парикмахерскую. — И я приглашен? — осведомился я. — Конечно, — кивнула Лили. — Ведь уже известно, что мы неразлучны. — Однако вы заботливы. — Боюсь, что вы не так уж хорошо проводите свое время, — сказала Лили, бросив на меня острый взгляд. — Хотя, быть может, вас привлекают встречи с несовершеннолетними. Она ничего не добавила, но намек был совершенно ясен. — Девочка, которую я сегодня повстречал, дочь моих старых и давних друзей, — заносчиво объяснил я. — Вполне уже взрослая, — вскользь заметила Лили. — Давайте пойдём обедать. На террасе становится холодно. Деловое свидание, о котором говорил Фабиан, состоялось в маленькой конторе агента по продаже недвижимого имущества, находившейся на главной улице Гштаада. Перед тем Фабиан по дороге рассказал мне, что этим утром он осматривал участки земли, предназначенные для продажи. — Они представляют интерес для нас — пояснил он. — Как вы теперь, должно быть, уяснили себе, моя реалистическая философия весьма проста. Мы живем в мире, в котором вещи, имеющие жизненное значение, становятся все более и более дефицитными. Соевые бобы, золото, сахар, пшеница, нефть и так далее. Экономика нашей планеты страдает от перенаселения, от войн, от страха и неуверенности в завтрашнем дне, от спекуляций и избытка денег. Приняв все это во внимание, достаточно здравомыслящий человек с некоторой

долей пессимизма видит, что нас ожидает еще большая нехватка всего необходимого. Однако Швейцария — крошечная страна с устойчивым правительством, и практически маловероятно, чтобы она была вовлечена в какие-нибудь военные авантюры. Потому вскоре тут будут продавать землю по баснословным ценам. Среди моих друзей и знакомых десятки таких, которые были бы счастливы приобрести здесь хотя бы небольшие клочки земли. Но швейцарские законы им этого не разрешают. У нас же зарегистрированная по всем правилам швейцарская компания, или лихтенштейнская, что одно и то же, и ничто не мешает нам ухватить хороший кус в этой стране, объявив, что мы проектируем построить коттеджи со множеством комфортабельных квартир и собираемся сдавать их в аренду сроком, скажем, на двадцать лет. Высав из банка соответствующий кредит на это предприятие, мы станем владельцами весьма доходного поместья, которое, по существу, нам ничего не будет стоить, и мы сможем иметь свой уголок для отдыха. Видите в этом смысл?— Как обычно, — ответил я. На самом деле в этом предложении было даже больше смысла, чем обычно.— Вот так-то, дорогой компаньон, — улыбнулся Фабиан. В конце дня мы остановились на том, чтобы приобрести холмистый участок вблизи дороги в пяти милях от Гштаада. Потребуется некоторое время, предупредил нас агент, чтобы выполнить все требуемые формальности и подписать договор, но он уверен, что каких-либо серьезных препятствий не будет. Я никогда ничем не владел, кроме того, что было на мне. Теперь же, когда мы вернулись к чаю в отель, я фактически, так уверял Фабиан, стал владельцем недвижимого имущества, которое по прошествии года должно стоить свыше полумиллиона долларов. Пальцы моих рук побелели от напряжения, когда, крутя руль, я с новым чувством собственника оглядывал проносившиеся мимо дома. Фабиан сидел рядом с довольным видом человека, сделавшего свое дело.— Это только начало, дорогой друг, — сказал он, когда я поставил наш «ягуар» на стоянке у отеля. Я одевался к званому вечеру, когда раздался телефонный звонок. Звонил Фабиан.— Случилось нечто непредвиденное, — сказал он, — и я не смогу пойти с вами.— А что именно?— Только что в холле встретил Билла Слоуна.— О, лишь этого мне не доставало, — воскликнул я, чувствуя, как по спине у меня побежали мурашки. Воспоминание о встрече с ним было отнюдь не из числа приятных.— Как-нибудь вы все же должны рассказать мне, что произошло между вами.— Ладно, при случае.— Он здесь один. Жену отослал обратно в Америку.— Это самое умное, что он мог сделать. Ну, а почему же вы не пойдете с нами?— Он горит желанием сыграть. И начать сейчас же, не откладывая.— Вы же как будто навсегда бросили играть в бридж?— А он и не желает играть в бридж.— Во что же он хочет

играть?— В покер, один на один. У него в номере.— Боже мой, Майлс! Неужели нельзя сказать, что вы заняты?— Я много раз обыгрывал его и не могу отказать. Это не по-джентльменски. И притом не сомневайтесь в моих способностях, дорогой друг.— Обычные слова. Последняя, мол, игра и больше никогда не буду.— Если вы так уж беспокоитесь, можете прийти и следить за игрой.— Не думаю, чтобы Слоун был в восторге от моего присутствия.— Во всяком случае, объясните нашим девочкам.— Ладно, скажу.— Дорогой мой, если вы так скептически настроены, то я могу играть на свой страх и риск без вашего участия. Я заколебался, возникло искушение в самом деле остаться в стороне от этой игры, но я тут же устыдился.— Не будем говорить об этом. Иду в половину проигрыша или выигрыша.— Вот и порядок, — весело сказал Фабиан.18

Гостей на вечере было с полсотни. Сидели за столиками по шесть-восемь человек в огромной гостиной, уютно и хорошо обставленной. На стенах висели две подлинные картины Ренуара и одна Матисса. Подавали омаров, доставленных из Дании. В гостиной горели лишь свечи, дабы приукрасить достоинства (или затушевать некоторые изъяны) представительниц прекрасного пола. Они, правда, особенно в этом не нуждались, ибо выглядели, как на фотографиях в женских журналах мод. Разговаривали за столиками вполголоса, и в зале было не слишком шумно. Хозяин, устроивший этот прием, был высокий седовласый мужчина с ястребиным лицом, банкир из штата Атланта, удалившийся от дел. И он, и его молодая жена, ослепительная шведская блондинка, когда меня представили им, казалось, были безмерно рады. Оказалось, что они отмечают пятнадцатилетие своего брака. Гости — почти все загорелые здоровые люди, непринужденно державшиеся. Из разговоров, что журчали вокруг меня, я за весь вечер не уловил ни одного колкого замечания по чьему-либо адресу. Втайне я изумлялся тому, как много взрослых людей смогли оставить все свои дела, чтобы приехать сюда загорать на горном солнце и достичь того бронзового цвета лица, который был здесь как бы непременным признаком мужественности. Я ни у кого не спрашивал о роде занятий, и мне никто не задавал вопросов об этом. Оглядывая при колеблющемся свете свечей безукоризненно выглядевших мужчин и еще более совершенных женщин, самоуверенных, свободно сорящих деньгами, я еще более ощутил силу доводов Фабиана о заманчивости богатства. Если и были у них какие-то трения и разлады, ревность и зависть, то это никак не проявлялось (во всяком случае, я не замечал). Когда я сел рядом с Юнис, выглядевшей ослепительно в новом шелковом платье, такой же изящной и

прелестной, как и другие красавицы, у меня возникло к ней совсем иное чувство. Я отважился пожать ей руку под столом и получил в ответ обольстительную улыбку. За столиком, где мы сидели, говорили обо всем понемногу, то и дело перескакивая с одного на другое. Как и полагается на лыжном курорте, рассказывали о горных снегах, о разных происшествиях, о сломанных ногах — все это вперемежку с язвительной болтовней о театрах Парижа, Лондона, Нью-Йорка и о новейших фильмах. При этом так и сыпались разные изречения и афоризмы на многих языках. Я не видел ни одной из тех пьес или кинокартин, о которых говорили, и потому хранил молчание, изредка спрашивая о них у Юнис. Она-то видела все это в Лондоне или Париже, весьма уверенно высказывалась, и ее довольно почтительно выслушивали. Лили сидела за соседним столиком, а без нее Юнис держалась более раскованно, чем обычно. Оказалось, что когда-то она хотела стать актрисой и короткое время обучалась в Королевской академии драматического искусства. Я с еще большим интересом начал приглядываться к ней. О политике заговорили за десертом, когда подали лимонный шербет и шампанское. Среди сидевших с нами мужчин был и тучный гладколицый американец лет пятидесяти — глава страховой компании, и француз с остренькой черной бородкой — литературный критик, и дородный английский банкир. Они корректно, но твердо осуждали свои правительства. И если патриотизм следовало, по их словам, считать последним прибежищем подонков, то за нашим столом их, как видно, и не было. Француз на совершенно чистом английском жаловался на Францию:— Во внешней политике Франции проявляются худшие качества голлизма: эгоизм, нерешительность и оторванность от реальности. Англичанин вторил ему:— Английские рабочие разучились работать. Но я их не виню. И, наконец, американец:— Капиталистическая система подписала себе приговор в тот день, когда Соединенные Штаты продали два миллиона тонн пшеницы Советскому Союзу. Они усиленно подналегали на омаров, а официант едва успевал подливать в бокалы изысканное белое вино, запасы которого, казалось, были неистощимы. Я украдкой бросил взгляд на этикетку, чтобы запомнить на будущее марку этого вина — Кортон-Шарлемань. По-прежнему я сидел молча и лишь время от времени с важным видом кивал головой, как бы желая показать, что принимаю какое-то участие в общей беседе. Заговорить я не решался, боясь, что ляпну невпопад что-нибудь такое, что сразу выдаст меня как человека, не принадлежащего к их кругу, да еще всплывет темное пятно из моего прошлого, которое мне пока удастся скрывать. Потом начались танцы. Юнис любила танцевать и переходила от одного партнера к другому, а я стоял у стойки бара, пил и уныло поглядывал на часы, чувствуя себя лишним. Танцевал я плохо и уж, конечно, ни за что не

отважился бы показаться среди всех этих изящных стремительных пар, выделявавших наимодежнейшие танцевальные пары. Я уже было решил потихоньку ускользнуть и вернуться к себе в отель, когда Юнис оставила своего очередного партнера и подошла ко мне:— Милый друг, вам скучно? Хотите домой?— Подумывал об этом. А вы не собираетесь?— Не будьте мучеником. Ненавижу страдальцев. Но я уже натацевалась. — Она взяла меня под руку. — Пойдемте. Мы вышли из танцевального зала, стараясь не попасться на глаза Лили. В гардеробной взяли пальто и ушли незамеченными, ни с кем не попрощавшись. Ночь была холодная, снег на тропинке звучно скрипел под ногами. Мы с наслаждением вдыхали свежий морозный воздух, пахнувший сосной. Когда дом, из которого мы ушли, остался далеко позади, мы, словно по какому-то тайному знаку, остановились, повернулись друг к другу, обнялись и крепко поцеловались. Затем неторопливо пошли дальше, к отелю. Взяв ключи от своих номеров, вошли в лифт. Как бы по молчаливому уговору, Юнис вместе со мной вышла из лифта. И мы не спеша пошли по коридору, неслышно ступая по мягкому ковру. Казалось, ни я, ни она не торопились, желая насладиться каждым мгновением этого часа. Я открыл дверь своего номера и пропустил вперед Юнис, которая проскользнула мимо, слегка задев меня холодным мехом своей шубы. Закрыв за собой дверь, я включил свет в маленькой передней.— О Боже мой! — вскричала Юнис. Освещенная светом, падавшим из передней, на большой кровати лежала Диди Вейлс. Она спала. Совершенно голая. Ее платье было тщательно сложено на стуле, лыжные ботинки стояли под ним. Каковы бы ни были недостатки у ее матери, она все же приучила дочь к аккуратности.— Сейчас же выпустите меня отсюда, — шепотом сказала Юнис, словно боялась разбудить спавшую девушку.— Юнис... — в отчаянии произнес я.— Желаю успеха! Забавляйтесь. — И, оттолкнув меня, она вышла вон. Я уставился на Диди. Разметавшиеся белокурые волосы ниспадали на ее лицо, ровное дыхание чуть шевелило их. Кожа у нее была розоватая, как у ребенка, лишь лицо и шея бронзовые от загара. Недостаточно сформированные округлые груди как-то дисгармонировали с крепкими сильными ногами спортсменки, ногти которых были покрыты лаком. Если прикрыть наготу и убрать этот лак, Диди вполне могла бы рекламировать пищу для здоровых детей. Животик у нее тоже был совсем детский, а внизу, на лобке, трогательно пробивался пушок. Она спала, крепко прижав руки к бокам, что придавало ей забавный вид, будто она заснула по команде «смирно». Если бы перед моими глазами была лишь картина, а не живая шестнадцатилетняя девочка, то она была бы воплощением обнаженной невинности. Однако Диди, чьи родители были моими друзьями, прокралась в мою комнату и залезла в мою постель вовсе не для того, чтобы продемонстрировать свою

непорочность. Первое побуждение трусливо толкало меня тихонько уйти и оставить ее одну на ночь. Вместо этого я подошел к кровати и набросил на девочку свое пальто. В ту же минуту она проснулась, медленно открыла глаза и, отбросив упавшие на лицо волосы, воззрилась на меня. Потом призывно улыбнулась, сразу став старше своих лет.— Черт подери, что привело вас сюда, Диди? В какой школе вы учились?— В той, где девочки по ночам лазают в окна. Решила приятно удивить вас, — преспокойно объяснила она.— Что ж, это вам вполне удалось.— Вы недовольны?— Разумеется.— Когда поймете, для чего я пришла...— Диди, прошу вас, перестаньте.— Вы что, боитесь, что я нетронутая? У меня уже было дело с мужчиной постарше вас. С одним пожилым распутным греком.— Не хочу слушать ваши сказки. Поднимайтесь, одевайтесь и уходите отсюда.— Я-то вижу, что вы вовсе не против, — спокойно заявила она. — Только делаете вид. И то лишь потому, что знали меня в тринадцать лет. А я уже выросла.— Недостаточно еще выросла.— Терпеть не могу, когда меня считают ребенком, — обиделась она. Привычным жестом откинув опять назад волосы, она и не пошевелилась, чтобы встать с постели.— Какой же возраст вас привлекает? Двадцать? Восемнадцать?— Меня не возраст привлекает, — повысив голос, сердито сказал я и сел подальше, у стены, дабы сохранить свое достоинство и выказать твердость. — Просто не в моих привычках ложиться в постель с девушкой какого бы то ни было возраста, поговорив с ней десять минут.— Вот уж не думала, что вы таких строгих правил, — сказала Диди, презрительно подчеркнув слово «строгих». — С такими двумя женщинами и шикарнейшей машиной.— Ладно, давайте на этом закончим. Будете одеваться?— Неужели я совершенно не волную вас? Говорят, тело у меня восхитительное.— Вы очень хороши. Восхитительны, если вам так нравится. Но это еще ничего не значит.— Половина мальчиков в городе пытались затащить меня в постель. И многие мужчины, если хотите знать.— Не сомневаюсь, Диди. Но и это тоже не имеет значения.— Вы говорили со мной больше десяти минут, так что это не предлог. Если забыли, то я хорошо помню, как мы вместе мчались на том опасном спуске в Вермонте.— Наш разговор становится прямо-таки смешным, — сказал я как только мог веско и твердо. — И мне стыдно за вас и за себя.— Ничего нет смешного в любви.— Любви?! — возмутился я.— Да, уже три года, как я люблю вас, — дрожащим голосом произнесла она, в глазах у нее заблестели слезы. — И вот теперь, когда я снова встретила вас... Но вы, видно, уже и стары, и истрепанны, чтобы верить в любовь.— Ничего подобного, — сказал я. — У меня свои правила поведения. И потому я не связываюсь с глупыми девчонками, которые вешаются мне на шею.— Вы оскорбляете мои чувства, — заплакала она. — Вот уж не ожидала, что вы

так отнесетесь ко мне.— Меня выводят из себя ваши дурачества.— Будет хуже, если я начну кричать во весь голос. Сбегутся люди, и я скажу, что вы пытались меня изнасиловать.— Не будь подлой, девочка, — сказал я, с угрожающим видом встав со своего места. — К вашему сведению, я вошел сюда не один. И мы оба застали вас голой на постели. Так что вам придется с позором уехать из города.— Я все равно уеду отсюда. А позор вам, что вы так обращаетесь со мной. Я попробовал переменить тактику.— Диди, детка... — начал я.— Не называйте меня деткой. Я не ребенок.— Хорошо, не буду, — ласково улыбнулся я.— Хотите, чтобы я остался вашим другом?— Хочу, чтоб вы полюбили меня. Другие добиваются, а почему я не могу? — слезливо запричитала она. Я дал ей носовой платок, чтобы она вытерла слезы и заодно высморкалась. И удержался от нравоучения, что в мои годы она поймет: не все совершается по капризу.— Вы же сегодня утром на горе поцеловали меня, — воскликнула она. — Почему?— Поцелуи бывают разные, — наставительно сказал я.— Извините, если вы не поняли. Внезапно она сбросила с себя пальто, села на кровати и протянула ко мне руки.— Ну, поцелуйте еще раз. Невольно отступив назад, я сказал как можно строже:— Я ухожу, но если к моему возвращению вы еще будете здесь, я позвоню в вашу школу, чтобы пришли и забрали вас.— Трус! — крикнула она. — Трус, жалкий трус! — с издевкой повторила она. Когда я вышел, захлопнув за собой дверь, она все еще продолжала что-то выкрикивать. Я спустился в бар, чтобы немного выпить и прийти в себя. К счастью, кругом не было ни одного знакомого лица, и я сидел в тускло освещенном баре, уставившись на свой стакан. Размышлял о том, что в последнее время поддавался без разбору тому, во что жизнь случайно вовлекала меня: футляр с деньгами в «Святом Августине», ночи с Эвелин в Вашингтоне и с Лили во Флоренции, необычные предложения человека, неожиданно ставшего моим компаньоном, после того как я стукнул его лампой по голове; манипуляции со скаковой лошадью, финансирование грязного французского фильма, спекуляция на золоте и соевых бобах, согласие на приезд Юнис, покупка земли в Швейцарии, наконец, половинное участие в картежной игре с богатым и мстительным американцем. Однако должны же быть границы дозволенного! И Диди Вейлс была той границей, которую я не мог переступить, воспользовавшись слабостью капризной несчастной девочки. А как поступил бы в подобном случае Фабиан? Наверное, хихикнул благодушно: «Какой очаровательный визит!» — и залез в постель. Не сомневаюсь в этом. Мне стало совсем плохо, когда я вспомнил о Юнис, с которой увижусь утром за завтраком. Юнис. Господи, вдруг, попивая кофе или апельсиновый сок, она начнет рассказывать Лили и Фабиану: «Поразительный случай — вчера вечером мы с милым другом заглянули к нему в номер...» Допив

виски, я поднялся, чтобы уйти, но неожиданно в бар вошла Лили в сопровождении трех мужчин огромного роста, каждый не меньше двух метров. Я заметил, что с одним из них она танцевала на вечере. Увидев меня, Лили остановилась.— Мне показалось, что вы ушли с моей сестрой, — сказала она.— Да, мы ушли вместе.— А теперь вы один?— Как видите. Она покачала головой. В глазах у нее сверкнул веселый огонек.— Странный вы человек, — пожав плечами, сказала она.— Не хотите ли присоединиться к нам?— Ростом не вышел. Трое мужчин так громко заржали, что за стойкой бара зазвенели стаканы.— Майлса видели? — спросила Лили.— Нет.— Он обещал зайти в бар после двенадцати, — недовольно произнесла она.— Но, вероятно, так поглощен тем, чтобы раздеть до нитки этого отчаянного дурачка Слоуна, что забыл обо всем на свете. Как вам понравился сегодняшний вечер?— Потрясающе.— Было почти совсем как в Техасе, — как-то двусмысленно заметила она.— Что будем пить, ребята? — обратилась она к своим провожатым.— Шампанское, — ответил самый высокий и, пошатываясь, зашагал к стойке бара. Попрощавшись с ними, я через несколько минут оказался у дверей Юнис. Прислушался, но изнутри не доносилось ни звука. Непонятно, что я ожидал услышать. Рыдания? Смех? Шумное веселье? Я постучал в дверь, подождал немного и опять постучал. Дверь приоткрылась, на пороге стояла Юнис в кружевном пеньюаре.— А, это вы, — безразличным тоном произнесла она.— Можно мне войти?— Если хотите.— Она пошире приоткрыла дверь, и я вошел. Ее платья были в беспорядке разбросаны по всей комнате. Окно полуоткрыто, и по комнате гулял холодный альпийский ветерок. Я невольно поежился.— Вы не простудитесь?— Не забывайте, что я англичанка, — ответила она, но окно закрыла. И молча поглядела на меня. Полненькая, в кружевах, в туфлях на босу ногу.— Могу я сесть?— Садитесь, если хотите, — она указала на стул.— Уберите только вещи оттуда. Я снял со стула шелковое платье — в нем она была на вечере, и мне показалось, что оно еще сохранило тепло ее тела, — и положил его на небольшой письменный стол. Потом сел, а она улеглась на постели, опершись локтем на гору подушек. Пеньюар при этом распахнулся, обнажив ее ноги. Они были такие же длинные, как и у сестры, но несколько полнее. Стройненькая, подумал я. В комнате стоял легкий аромат духов. Она, видно, перед сном протирала лицо, и оно блестело в свете лампы у изголовья кровати. Меня грызла досада.— Юнис, я пришел объяснить, — начал я.— Нечего объяснять. Перепутали свидания — вот и все.— Неужели вы думаете, что я позвал к себе эту девочку?— Мне незачем и думать. Она лежала в вашей постели. И вовсе уж не девочка. Вполне пригодная, я бы сказала, — как-то вяло и утомленно проговорила она.— Одна из нас была

лишней. И я ушла.— Сегодня, когда наконец мы...— И у меня было такое же ощущение, — криво усмехнулась она.— Мне давно следовало быть посмелее, — беспомощно махнул я рукой. — Но мы всегда были вместе с Майлсом и вашей сестрой.— Да, с этой парочкой. А разве моя сестра не поучала вас, что со мной можно не церемониться? Она любит выставять меня самой сумасбродной девушкой в Лондоне. Стерва.— О чем вы говорите? — озадаченно спросил я.— Не обращайтесь внимания.— Откинувшись на подушки, она закрыла лицо руками и продолжала глухим голосом: — Вам следует понять, что не ради вас я приехала в Цюрих. Кем бы вы ни были. Хотя вы оказались много лучше, чем я обычно представляла себе американцев.— Благодарю, — поклонился я. — Давайте все же забудем об этом инциденте в моей комнате.— Что вы, я и впрямь должна быть благодарна этой голой толстушке. Ведь я пошла к вам по совершенно нелепому побуждению. «Как это понять?— А так, что ни вы, ни я тут ни при чем.— А кто же тогда?— Майлс Фабиан, — горько призналась она. — Я хотела показать ему...— Что показать?— Что мне наплевать на него. И что я могу быть такой же, как он. — Еще сильнее прижав руки к лицу, она разрыдалась. Как видно, мне было суждено, чтобы вся эта ночь прошла в женских слезах.— Может, у вас найдется и более убедительное объяснение?— Не будьте балдой, американец. Я люблю Майлса. Люблю с того дня, когда впервые встретила его. Несколько лет назад просила его жениться на мне. Но он сбежал. Прямо в ручки моей сестрицы.— О-о, — было единственное, что я смог произнести. Она отняла ладони от лица. Слезинки блестели на ее щеках, но выражение лица было спокойным, как у человека, который отвел душу.— Поторопитесь к себе, — сказала она. — Возможно, эта толстушка еще ждет вас. И тогда ночь не пропадет даром.Вернувшись, я обнаружил, что Диди уже ушла, оставив на столе записку, написанную крупным школьным почерком: «Взяла вашу куртку. На память. Но можете прийти за ней. Вы знаете, где я. С любовью, Диди».Едва я отложил записку, как зазвонил телефон. Мне не хотелось отвечать, в эту ночь я уже не ждал ничего доброго. Сняв трубку, я услышал голос Фабиана.— Надеюсь, что не перебил вас на самом интересном месте, — посмеиваясь, сказал он. — Спешу оповестить, что случилось. — После паузы послышался легкий вздох, и он продолжил: — Плохи дела, друг мой. Слоуну дьявольски везло. Мы проиграли.— Много?— Около тридцати тысяч.— Франков?— Нет, долларов.Я выругался и повесил трубку.19

На другой день с утра все пошло кувырком. Я не мог заснуть почти до

рассвета, а когда в десять часов заказал по телефону завтрак, мне вместе с ним подали письмо от Юнис.«Милый друг, в девять утра уезжаю из Гштаада. Причина отъезда вам, конечно, понятна. Привет».Как было не понять.Затем позвонил Фабиан и попросил встретиться с ним в одиннадцать часов у здания местного банка.Потом меня арестовали. Или одно время казалось, что арестовали.Едва я начал бриться, с отвращением глядя в зеркало на свое помятое невыспавшееся лицо с покрасневшими глазами, ко мне постучали. С мыльной пеной на щеках я подошел к двери и, открыв ее, увидел перед собой одного из дежурных администраторов отеля, корректного молодого человека в темном костюме и безукоризненно белой рубашке, и рядом с ним седовласого, стриженного ежиком низенького толстяка в шинели, подпоясанной ремнем.— Разрешите войти? — спросил администратор.— Как видите, я бреюсь и не одет. — Стоял я босиком в одной лишь пижаме. — Не обождете ли несколько минут?Администратор по-немецки обратился к толстяку в шинели, и тот коротко ответил: «Nein».^[15]— Офицер полиции Бругельман говорит, что нельзя ждать, — сказал администратор.Вслед за тем полицейский прошел прямо в комнату.— После вас, мистер Граймс, — слегка поклонился администратор, пропуская меня вперед.Я зашел в ванную, стер с лица мыльную пену и надел халат. Полицейский остановился посреди комнаты, подозрительно осматриваясь. Он внимательно оглядел столик, где лежал мой бумажник и кошелек с мелочью, и два чемодана, стоявших у окна.Вот так на, подумал я, это, наверно, связано с Диди. Они ищут ее и полагают, что найдут у меня. Бог его знает, какие у них в Швейцарии законы. Говорят, тут в каждом кантоне свой закон.— Чем вызвано такое бесцеремонное вторжение ко мне? Прошу немедленно объяснить, — как можно тверже сказал я.Снова администратор быстро заговорил по-немецки с полицейским. Тот кивал. У него был какой-то тугой механический кивок. Толстая шея складками выпирала из воротника.— Офицер полиции Бругельман поручил мне все объяснить, — сказал администратор. — Коротко говоря, мистер Граймс, в отеле прошлой ночью совершена кража. На пятом этаже. Исчезло бриллиантовое кольцо весьма большой ценности.Юнис жила в номере на пятом этаже, почему-то мелькнуло у меня в голове.— Какое это имеет отношение ко мне? — с чувством облегчения спросил я. По крайней мере, ничто тут не связано с Диди.Опять начался разговор по-немецки.— Прошлой ночью заметили, как вы крадучись шли по коридору пятого этажа, — пояснил администратор.— Я был у своей знакомой и шел вовсе не крадучись.— Мне приходится просто переводить, — извиняющимся тоном сказал администратор. Он, видимо, был не рад тому, что знание английского языка втянуло его в такую

историю.Полицейский что-то негромко сказал.— Знакомая, у которой вы были, — перевел администратор, — выписалась из отеля в половине девятого утра. Известно ли вам, куда она отправилась?— Нет, не известно, — искренне ответил я, так как в самом деле не знал адреса Юнис. Ее скомканное письмо лежало в кармане моего халата, но я надеялся, что до него дело не дойдет.На этот раз полицейский неприятно прохрипел несколько слов.— Он просит разрешения произвести обыск в комнате, — перевел администратор; слова словно застревали у него в горле.— У него есть ордер на обыск? — спросил я как истый американец, заботящийся о своих гражданских правах.Опять они заговорили по-немецки.— Ордера у него нет, — объявил затем администратор. — Если вы настаиваете на выдаче ордера, то он свяжется с полицейским бюро, чтобы его выписали, а вас задержат здесь до его получения. Он предупреждает, что выдача ордера займет много времени. Может, дня два. И в таком случае, указывает он, не избежать огласки. В городе у нас много иностранных корреспондентов ввиду большого числа и высокого положения наших гостей.— Он все это говорил? — недоверчиво спросил я.— Кое-что я добавил от себя, — признался администратор. — Чтобы вы смогли надлежащим образом уяснить положение. Я сосредоточенно оглядел полицейского офицера Бругельмана. Встретил его мутный ледяной взгляд. В комнате было очень тепло, но он не расстегнул ни одной пуговицы на своей шинели.— Ладно, — сказал я, усаживаясь в кресло. — Мне нечего прятать. Пусть ищет, но побыстрее. В одиннадцать у меня деловое свидание.Мои слова перевели полицейскому, и он с удовлетворением кивнул. Потом сделал мне знак, чтобы я встал.— Чего он еще хочет? — спросил я.— Осмотреть кресло, на которое вы сели, — объяснил мне администратор.Я поднялся, невольно отдавая дань профессиональным навыкам полицейского. Действительно, если бы кольцо было спрятано в кресле, то я должен был в первую очередь сесть в него. Отойдя в сторону, я наблюдал, как полицейский ощупал обивку, потом немного отодрал ее и пошарил в сиденье и спинке кресла. Приладив все обратно, он указал мне, что я могу снова сесть.Затем он быстро осмотрел все мои вещи. Открыв стенной шкаф, вынул оттуда мои грошовые лыжные штаны и что-то сказал по-немецки администратору.— Офицер полиции Бругельман желает знать, — перевел администратор, — что у вас — лишь одни эти лыжные штаны?— Да, одни.— Где вы биль прешде? — не прибегая к переводу, вдруг нетерпеливо спросил полицейский на ломаном английском языке.— В Сан-Морице.— Сан-Мориц? В такой лыжной штаны? — недоверчиво проговорил полицейский. — И теперь в Гштаад тоже?— Они вполне пригодны.— Сколько время хотите пробыть здесь?— Три недели. Может, и подольше.Полицейский, держа кончиками пальцев мои лыжные

штаны, торжественно повесил их обратно в шкаф, затем сел за столик и вынул блокнот.— Должень задать несколько вопрос Постоянный адрес в Америка.Я чуть не назвал отель «Святой Августин», но удержался и дал адрес своей прежней квартирке на Восемьдесят первой улице. Она была такой же постоянной, как и все в моей теперешней жизни. Но если Интерпол^[16] или еще кто-нибудь займется расследованием, то меня по крайней мере не смогут обвинить во лжи.— Профессия? — задавая вопрос, полицейский не поднимал головы, старательно записывая. Частный предприниматель.— Счет в какой банк?По выражению его лица я понял, что рано или поздно, но придется сказать. Как говорится, вода в реке становилась все глубже.— «Юнион бэнк» в Цюрихе, — ответил я и мысленно поблагодарил Фабиана за то, что он настоял, чтобы мы открыли и отдельные личные счета.— А в Америке?— Я закрыл счета в Америке. Перевожу в Европу. Состояние экономики...— Находился под арест прешде?— Послушайте, — обратился я к администратору, — где я живу? Как будто ваш отель считается одним из почтенных в Европе? И я не желаю отвечать на оскорбительные вопросы.— Это обыкновенная полицейская процедура, — смущенно оправдывался администратор. — Совершенно безличная. Всех то же самое спрашивают.— Вы, наверно, знаете мистера Майлса Фабиана? — продолжал я.— Конечно, — с жаром подтвердил администратор. — Мистер Фабиан один из наших давних и уважаемых гостей.— Он мой близкий друг. Позвоните ему и спросите обо мне.Администратор о чем-то быстро заговорил по-немецки с полицейским. Тот кивнул, а потом снова повторил:— Находился под арест прешде?— Да нет же!— Дайте ваш паспорт.— Для чего вам мой паспорт?— Надо быть уверен, что вы остался Швейцарии, герр Краймс.— А если я не дам паспорт?— Тогда другой мера. Задержание. Наш швейцарский тюрьма имеют хороший репутаций. Но она все-таки тюрьма.— Мистер Граймс, прошу вас, — взмолился администратор.Вынув из бумажника паспорт, я отдал его.— Я немедленно обращусь к адвокату, — сказал я, обиженно вскинув голову.— Поступайт, как вам угодно, — ответил полицейский, засовывая мой паспорт во внутренний карман шинели. Кивнув мне, с трудом ворочая своей заплывшей шеей, он вышел из комнаты.— Приношу вам искренние извинения от дирекции отеля, — всплеснув руками, сказал администратор. — Поверьте, это тяготит всех нас.— Вас? — удивился я.— Ах, эти беззаботные богатые дамы, — продолжал администратор. — Они не сознают, что такое деньги. Забывают в поезде драгоценности тысяч на восемьдесят долларов, а потом устраивают истерики, чтобы мы искали их в гостинице. К счастью, мы в Швейцарии, мистер Граймс. Все, чем дирекция может помочь вам...— Дирекция может получить обратно мой паспорт. Этим она действительно поможет. Я хочу уехать, и

побыстрее.— Понимаю, — поклонился администратор. — С Альп уж подул фен, как мы его называем, теплый ветер. Начнет таять. Позвольте заметить, что я лично ни в чем не подозреваю вас, — еще раз поклонился он.— И на том спасибо, — буркнул я.— Удачно покататься вам сегодня, — по привычке пожелал он.— Постараюсь, — хмыкнул я. Он попятился и вышел из номера, неловко теребя пуговицу. Фабиан в щегольском тирольском костюме поджидал меня у входа в банк. Он хорошо выглядел, и никто бы не сказал, что этот человек целую ночь провел за картами, проиграв кучу денег. Завидев меня, он приветливо заулыбался, но, заметив мой удрученный вид, с беспокойством спросил:— С вами что-то случилось? Не зная, с чего начать, я сказал:— Вы, как всегда, франтом.— Слышал об отъезде Юнис. Понимаю, это удар для вас.— Давайте сначала сделаем то, для чего мы пришли сюда, — сухо заметил я. Поговорить с ним о Юнис лучше в другой раз, когда я буду спокойней и у меня пройдет желание съездить ему по физиономии.— Извините, что я так опростоволосился, — сказал Фабиан, беря меня под руку. — Первый раз в жизни. Слоуну исключительно везло. Я выдал ему расписку. Но он хочет наличными, и я обещал, что сегодня к четырем часам будет уплачено. Позвонил в Цюрих, чтоб перевели в местный банк. Но нам надо вместе выполнить еще кое-какие формальности. Ох, уж эти швейцарские банкиры! В задней комнате банка нас тщательно опросил молодой клерк. Потом он позвонил по телефону в наш банк в Цюрихе и долго говорил по-немецки, то и дело поглядывая на нас и, как я понял, подробно описывая обоих. Он спросил номер моего паспорта, и, к счастью, я помнил его. Окончив переговоры, он объявил:— Все в порядке, джентльмены. К четырем часам будут приготовлены деньги. Когда мы вышли и прошли к машине, которую Фабиан поставил на стоянке у банка, он пригляделся ко мне и сказал:— Вы меня беспокоите, Дуглас. У вас такой подавленный вид. В конце концов, это лишь деньги. Не больше. У нас еще все впереди. — Деньги тут ни при чем, — ответил я и рассказал о приходе полицейского, не упомянув о событиях этой ночи, связанных с Диди и Юнис.— Так вы, значит, взяли это кольцо? — посмеиваясь, спросил Фабиан.— Идите к черту, Майлс. За кого вы меня принимаете?— Я только начинаю как следует узнавать вас, друг мой. Во всяком случае, вы несколько лет провели в отелях.— Всего в одном. А у тех, кто в нем жил, можно было взять лишь грошовые запонки.— Могу ли я напомнить, что вы взяли и нечто более ценное? — холодно заметил он. В первый раз я почувствовал, что он может поверить тому, что я украл это кольцо.— Ладно, заткнитесь, — сказал я. — Пошли лучше на лыжах. Мы молча ехали в машине. Впервые между нами возникла неприязненная отчужденность. Фабиан хорошо ходил на лыжах, движения его были уверенны и четки, как видно, в свое время он прошел неплохую школу.

Однако он был осторожен, поэтому я все время шел далеко впереди него и Лили и мы не могли разговаривать. Лишь перед спуском Лили спросила меня:— Что вы сделали с моей сестрой? Почему она чуть ли не крадучись сбежала от нас?— Спросите у нее самой, — досадливо буркнул я.— А, понятно. Подул фен. А этот теплый с истомой ветер раздражает нас, лыжников. Когда мы затем обедали в клубе, появился Слоун и тут же направился к нашему столу. В лыжных ботинках он ступал тяжелее и громче обычного. Лицо у него было багровое, вид победоносный, наверное, он уже подзаправился виски. Его появление сразу же отбило у меня охоту есть, и я отложил нож и вилку.— Привет, друзья, — обратился к нам Слоун. — Замечательный денек, не правда ли?— Угу, — промычал Фабиан, потягивая вино.— Не пригласите ли меня к вашему столу? — спросил Слоун.— Нет, — ответил Фабиан. Слоун криво ухмыльнулся, в глазах у него загорелся злой огонек.— Обожаю игроков, которых расстраивает проигрыш, — с издевкой сказал он. Потом порылся в карманах и вытащил листок бумаги.— Фабиан, вы не забыли о расписке?— Не хамите, — холодно предупредил Фабиан.— С нами женщина.— Добрый день, мадам, — поздоровался Слоун, как будто только что заметил Лили. — Мы, помнится, уже встречались в прошлом году в Сан-Морице.— Да, помню, сэр, — небрежно проговорила Лили в дворцовой манере восемнадцатого века. Слоун аккуратно сложил расписку, спрятал ее в карман и повернулся ко мне, тяжело похлопав меня по плечу.— Какого черта вы здесь, Граймс? Вы же сломали свою драгоценную ногу.— То был ошибочный диагноз, — сказал я.— Ну как, шустрый мальчик, вломились еще в какой-нибудь номер в отеле? Я смущенно огляделся вокруг. Хотя Слоун говорил громко, никто, казалось, не услышал его слов.— Не далее как этой ночью, — в тон ему ответил я.— Все шутите, юноша. Ишь, обожатель чужих ботинок. — Слоун хрипло рассмеялся, глаза его налились кровью. Он был из тех людей, что за полчаса могут поссорить целые нации. Мысль о том, что этому хаму придется сегодня в четыре часа отдать тридцать тысяч, раздражала и угнетала меня.— Новые часики случайно не заработали? — нарочито громко спросил Слоун. — Или здесь вам труднее развернуться?— Убирайся вон, свинья, — прошипел я, чувствуя, что кровь закипает в жилах. Слоун натянуто рассмеялся, словно счел мою резкость за шутку.— Будьте поосторожней с этим приятелем, — обратился он к Фабиану. — Он ушлый малый... — Он хрипло расхохотался: — Ну, раз меня не приглашают, пойду прокачусь на лыжах. Тем более поздно сегодня встал, надо размяться. Встретимся в четыре в отеле, Фабиан, — подчеркнуто серьезным тоном напомнил он и, тяжело и неуклюже ступая, вышел из ресторана.— И вот с такими людьми приходится иметь дело, — вздохнул Фабиан.— Что ж — американцы! — воскликнула Лили и, пожав мне руку, добавила: —

Простите, милый, вас я не имела в виду.— Прощаю всех, — сказал я. — А как насчет еще одной бутылочки вина? Я был взвинчен, надо было успокоиться. Сидя за столом с Фабианом и Лили, спокойно и мерно жующими, я чувствовал, как во мне нарастает острая неприязнь к ним обоим. Меня так и подмывало высказать им в лицо все: и то, что было во Флоренции, и то, что вчера ночью поведала мне Юнис. Однако моя жизнь крепко переплелась с этими людьми и зависела от них. Потому я молча занялся едой и поданной бутылкой вина, едва прислушиваясь к тому, о чем они болтали за столом.— Мистер Фабиан, мистер Фабиан! — высоким тревожным голосом крикнул молодой лыжный инструктор, вбежавший в ресторан.— Да, я здесь, — отозвался Фабиан, попросив инструктора не кричать так громко. — В чем дело?— Ваш друг мистер Слоун, — торопливо заговорил инструктор. — Вам лучше самому выйти к нему. Он наклонился надеть лыжи...— Успокойтесь, Ганс, и не кричите, — остановил его Фабиан, знавший всех служащих на лыжных курортах по имени, что было основой его популярности среди них. — В чем же дело?— Едва он прошел несколько шагов, — начал объяснять инструктор, — как вдруг упал, потеряв сознание. Мне кажется, что он уже мертв. Фабиан бросил на меня странный, загадочный взгляд. Готов поклясться, что в нем сквозила радость.— Ерунда, Ганс, — резко возразил он. — Очевидно, мне нужно выйти и посмотреть, что случилось. Лили, останься здесь, а вас, Дуглас, попрошу пойти со мной. Фабиан поднялся из-за стола и с мрачным видом торопливо направился к выходу, все сидевшие в ресторане с любопытством провожали его взглядами. Я последовал за ним. Наши лыжные ботинки так гулко стучали по полу, словно шел взвод солдат. Небольшая толпа людей собралась у подъемника, где лежал на спине Слоун, недвижимым взглядом уставившись в небо. Другой лыжный инструктор растирал снегом его лицо, которое было каким-то багрово-зеленым. Фабиан опустился на одно колено рядом с телом, расстегнул молнию на куртке с капюшоном, задрал свитер и рубашку и приложил ухо к белой волосатой груди Слоуна.— Надо отправить его в больницу, — бросил он обоим инструкторам. — И как можно быстрее. — Поднявшись на ноги, он провел по лицу руками, как будто его охватила нестерпимая скорбь. — Бедняга много пил, — вздохнул Фабиан. — А тут сразу высота, резкое изменение температуры... Я спущусь с ним, а вы, — обратился он к инструкторам, — вызовите машину «скорой помощи», чтобы она ожидала внизу. Затем он подозвал меня, обнял за плечи и отвел в сторону. Как будто два опечаленных друга скорбят о трагической потери.— Дуглас, мой мальчик, — сказал он мне, поглаживая по плечу и словно утешая меня. — Я сейчас спущусь с ним и заберу у него из кармана мою расписку. Вы не помните, в какой карман он ее положил, в правый или

левый?— Вот это я бы назвал истинно благопристойным знаком уважения к умершему, — сказал я. — По-моему, в левый.— Я просто восхищен вами, милый друг. — Фабиан обнял меня крепким мужским объятием. — Вы человек, на которого можно рассчитывать. — Отпустив меня, он громко произнес, чтобы слышали окружающие: — Ступайте к Лили. Она не снесет такого удара. Дайте ей крепкого бренди. Фабиан поспешил к подъемнику, где оба инструктора уложили труп на двухместном сиденье, пристегнув его ремнями. Фабиан сел рядом на второе сиденье и, заботливо поддерживая мертвеца, дал сигнал; чтобы их спустили вниз. Инструкторы заняли следующую кабину. Почетные могильщики в неподобающе ярких парках, им выпала честь сопроводить мертвое тело вниз для погребения. Я вернулся в клуб. Лили допивала кофе. Я заказал две рюмки бренди. 20

Когда я вернулся в отель, швейцар сказал, что мистер Фабиан просил меня зайти к нему. Уже был конец дня. До этого я и Лили в молчании сидели в постепенно пустевшем ресторане. Выпили несколько рюмок бренди. Провожая покойников, обычно засиживаешься за столом. Потом я проводил Лили в парикмахерскую, так как она сказала, что нет смысла попусту терять весь день. Вниз мы спустились на подъемнике, поскольку пришли к единому мнению, что, если спуститься после случившегося на лыжах, это может быть воспринято как неуважение к покойнику. Ни один из нас не упоминал Юнис.— А что вы сказали напоследок Слоуну? — спросила Лили, когда мы медленно плыли вниз к погружающейся в сумрак долине.— Убирайся вон, свинья, — честно ответил я. Она кивнула:— Так мне и показалось. Здравствуй и прощай. Лили протянула руку в направлении отдаленных горных пиков, верхушки которых еще озарялись лучами заходящего солнца. Орел, если эта громадная птица была орлом, все так же величественно парил, рассекая мощными крыльями нейтральное небо Гельвеции. Лили вдруг рассмеялась:— Ничего, здесь все же не самое худшее место для смерти. Если есть в мире справедливость, он должен был выкинуть свою жену из завещания.— Уверен, что не выкинул.— Я же сказала: если есть справедливость.— А вы не думаете, что ваш супруг может выкинуть вас из своего завещания?— Господи, какой же вы неисправимый американец! — воскликнула она. Больше мы не касались этой темы. Возвращаясь в отель, я завернул в магазинчик и приобрел себе пальто. Пусть Диди Вейлс сохранит мою куртку на память. Я бы отдал ей куда больше, лишь бы избавиться от ее присутствия. Зайдя к Фабиану, я увидел, что он укладывает вещи. Путешествовать налегке было не в его правилах. Четыре больших чемодана стояли в двух комнатах, которые он

занимал вместе с Лили. Как обычно, повсюду были разбросаны газеты, открытые на финансовых страницах. Фабиан быстро и аккуратно укладывал вещи: ботинки в один чемодан, рубашки — в другой.— Буду сопровождать его тело домой, — сказал он. — Единственное, что я могу для него сделать, не так ли?— Пожалуй, — кивнул я.— Вы были правы, — продолжал он. — Расписка оказалась в левом кармане. Сегодня вечером выполним все формальности по отправке тела. В Швейцарии очень расторопны, когда дело касается того, чтобы избавиться от умершего иностранца. Ему было пятьдесят два года. Холерик. Потому преждевременно отдал концы. Урок для всех нас. Я позвонил его жене. Она геройски восприняла известие. Будет завтра встречать нас — гроб и меня — в аэропорту Кеннеди. Кстати, не знаете, где Лили?— В парикмахерской.— Невозмутимая женщина. Ее ничем не проймешь. Мне это нравится в ней.— Он снял трубку и попросил соединить с парикмахерской. — Не могли бы вы завтра подбросить нас в Женеву на нашем «ягуаре»?— Если полиция разрешит мне выехать из города. У меня же отобрали паспорт.— О, совсем забыл, — воскликнул Фабиан и, вытащив из кармана мой паспорт, бросил его на стол. — Вот он.— Как вам удалось получить его?Вообще говоря, я не был удивлен. Отчасти потому, что против моей воли он представлялся мне неким покровителем, необычайно ловким, решающим все проблемы и затруднения. Я перелистал паспорт, ища в нем какие-либо новые пометки, но ничего не нашел.— Дежурный администратор вручил его мне, — пояснил Фабиан. — Нашли это бриллиантовое кольцо.— Кто же украл его?— Никто не украл. Хозяйка спрятала его в лыжный ботинок и забыла об этом. Ее муж нашел сегодня утром. Дирекция приносит вам свои глубочайшие извинения, которые сопровождаются тем, что у себя в номере вы найдете букеты цветов и ведро с охлажденным шампанским. Алло, алло! — закричал он в телефон. — Попросите, пожалуйста, леди Эббот. — И опять ко мне. — Ничего, что вы на какое-то время останетесь один?— Откровенно говоря, меня это даже радует.— Почему? — удивленно поднял он брови.— Все эти дни прошли для меня, как бег по пересеченной местности. Хочу немного отдохнуть и прийти в себя.— А мне-то показалось, что вы весело проводите время.В его голосе прозвучала укоризна.— Останемся каждый при своем мнении.— Лили, — сказал в трубку Фабиан, — завтра я улетаю в Америку. На две-три недели, самое большее. Поедете со мной? — Он слушал ее ответ, радостно улыбаясь. — Вот и умница, тогда побыстрее приходите и начинайте собирать вещи, — весело сказал он и повесил трубку. — Ей нравится Нью-Йорк. Мы, должно быть, остановимся в Сент-Риджисе. Имейте это в виду, чтобы связаться со мной. Потом, мне нравится тамошний бар. Кстати, не случись эта история со Слоуном, мне

бы все равно пришлось прошвырнуться в Штаты через пару деньков. Нужно завершить кое-какие дела на Восточном побережье. Не исключено, что я прокачусь на недельку в Палм-Бич. После похорон, конечно.— Да, тяжело там придется, — посочувствовал я.— Не язвите, Дуглас, — Фабиан повертел в руках кашемировый свитер.— Пожалуй, там он мне не понадобится, как считаете?— В Палм-Бич наверняка.— Вы говорите так, словно я еду развлекаться. Опять укоризненный тон. Я бы с большим удовольствием поехал вместе с вами в Италию. Когда будете в Риме, хотелось бы, чтобы вы для меня, простите, для нас, кое-что сделали. Побывайте у одного очаровательного итальянца, его фамилия Квадрочелли. Ну и мастаки эти итальянцы выдумывать имена, верно? У меня с ним давние деловые связи. Я дам ему телеграмму, чтобы он ожидал вас. На очереди одно небольшое, но славное дельце, которое надо проверить.— Что это еще?— Вы уж сразу и насторожились.— Вашу последнюю затею едва ли назовешь успешной.— Однако под конец все оказалось в порядке, — улыбнулся Фабиан.— Но не можем же мы каждый раз полагаться на то, что наш кредитор даст дуба в день платежа. Фабиан расхохотался, обнажив два ряда ослепительно белых зубов.— Кто знает? — отдышавшись, произнес он.— Я и сам приближаюсь к критическому возрасту.— Ну что вы, Фабиан? — утешил я.— Вы же знаете, что кончите жизнь на плахе. Он снова засмеялся.— Как бы то ни было, объясните синьору Квадрочелли обстоятельства, которые помешали мне приехать. Найдете вы его в Порто-Эрколе. Это в двух часах езды на север от Рима. Восхитительное место. Я надеюсь попозже пожить там хотя бы пару недель. Там первоклассный отель «Пеликано» с окнами на море. Идеальное местечко, чтоб уединиться с девочкой. Лили обожала его. Попросите себе комнату с большой террасой.— А что вы затеваете на этот раз? Не надо быть таким резким, милый друг. Люблю сдержанных, спокойных компаньонов.— Нервы у меня не такие, как у вас.— Да, оно и видно. Итак, дело в вине.— В чем?— Вы же спросили, что я затеваю. Так вот, собираюсь заняться вином. В наши дни во всем мире так пьют, что торговля вином — это разрешение залезть в чужие карманы. Вы обращали внимание на то, как растут цены на вино? Особенно в Америке?— Нет, не приходилось.— Поверьте мне. Цены на вино все время растут. А у Квадрочелли под Флоренцией небольшое поместье с виноградниками. Его кьянти — чудное вино. И по всей округе такие же виноградники и такое же превосходное вино. Так вот, прошлым летом я обсуждал с этим очаровательным итальянцем возможность покупки вина у окрестных виноделов. Мы хотели затем разлить его в бутылки с красивой, броской этикеткой и, устранив всех посредников, продавать прямо в рестораны США. Представляете себе преимущества такого предприятия?— Не очень

ясно. Мне еще никогда не приходилось устранять посредников.— Уж поверьте мне, — внушал Фабиан. — Потребуется, конечно, вложить в это дело небольшой капитал. У Квадрочелли не было тогда свободных денег, а у вашего покорного слуги и подавно.— Но теперь они у вас есть.— Давайте говорить во множественном числе, — он дружески пожал мне руку. — Отныне и навсегда. Я поддерживал связь с Квадрочелли, и он сообщил, что сделал все необходимые подсчеты. Посмотрите, что у него получилось, и позвоните мне в Нью-Йорк. Вообще было бы неплохо, если бы вы раза два-три в неделю звонили мне, скажем, часов в десять утра по нью-йоркскому времени. Всегда найдется о чем поговорить.— Это уж точно.— Наслаждайтесь жизнью, — весело пожелал он. — Скажите мистеру Квадрочелли, что я займусь ресторанами. К счастью, у меня там есть кому замолвить словечко. Правда, люди все чересчур деловые. Даже меня хотели втянуть. Сделать вице-президентом компании. Это меня-то? Можете представить, чтобы я каждый день ходил к девяти часам на работу? Подумать страшно. Ни за какие деньги в мире не согласился бы на такую каторгу. Да еще пришлось бы все время улыбаться. Нет, это не по мне.— Майлс, сколько же еще проектов у вас в голове?— Не тревожьтесь, — улыбнулся он. — Не буду докучать вам, пока они окончательно не созреют. После обеда дам вам адрес и телефон моего итальянца. А также адрес моего портного в Риме. Вам следует полностью обновить свой гардероб и выбросить то барахло, что на вас надето. Пока что мы по внешнему виду никак не подходим друг другу. Надеюсь, вы не обижаетесь.— Напротив, к тому времени, когда мы снова встретимся, я оправдаю ваши ожидания.— Так-то будет лучше. Дать вам телефоны нескольких хорошеньких итальянских девочек?— Нет, благодарю вас.— Поймите, это сбережет вам время.— А я и не тороплюсь.— Со временем попытаемся соскоблить вашу праведность. А пока принимаю вас таким, какой вы есть.— Так же, как и я вас. Пока мы беседовали, Фабиан без конца сновал из гостиной в спальню и обратно, рассовывая вещи по чемоданам и сумкам. Наконец он в очередной раз вынырнул из спальни, держа в руках роскошную синюю тирольскую куртку.— Вам она будет в самый раз, Дуглас, — сказал он. — А мне великовата. Возьмете?— Нет, спасибо. Я уже накатался досыта.— Понимаю, — кивнул он. — После случившегося разочаровались в альпийских прелестях?— Начнем с того, что я вообще не хотел сюда приезжать.— Порой приходится жертвовать собой, чтобы угодить дамам, — улыбнулся Фабиан. — Кстати, о дамах. Не желаете поведать мне, почему вдруг уехала Юнис?— Не особенно.— Жаль, что вы не послушались моего совета, — вздохнул Фабиан.— Да бросьте, Майлс! Не прикидывайтесь. Она мне все рассказала. И про вас тоже. Что вы за птица! Почему-то этот красивый, аккуратный, изысканно одетый

человек вдруг вызвал у меня раздражение.— Господи, да я и понятия не имею, о чем вы говорите, старина. — Он аккуратно засунул полдюжины носков в угол чемодана. — Что она могла вам нарасказать?— Она любит вас.— О Боже! — вздохнул он.— У вас с ней был роман. Я не привык подбирать чужие объедки.— О Боже, — повторил Фабиан. — Это она вам сказала?— И многое другое.— Ваша добродетель пугала меня с самой первой встречи, — сказал он. — Вы слишком ранимы. Да, люди влюбляются. Такова жизнь. Это случается сплошь и рядом. Господи, да вы были хоть раз на такой свадьбе, где бы невеста не имела давний роман хотя бы с одним из гостей?— Могли сами сказать мне, — пробормотал я и тут же пожалел: уж больно по-ребячьи это у меня вырвалось.— И что бы это изменило? Будьте благоразумны. Я познакомил вас с Юнис с самыми благими намерениями. Вы оба мне очень симпатичны. Могу поручиться, что она замечательная девушка. И не только в постели.— Но она хотела выйти за вас замуж.— Это обычная женская прихоть. Я слишком стар для нее.— Ерунда, Майлс. Пятьдесят лет не так уж и много.— Мне вовсе не пятьдесят. Я уже давно перевалил за полсотни. Я изумленно воззрился на него. Не скажи он мне при знакомстве, что ему пятьдесят, я бы дал ему не больше сорока. Я знал, что Фабиан соврет — не дорого возьмет, но к чему ему было прикидываться старше своих лет?— Как давно? — спросил я.— В следующем месяце мне стукнет шестьдесят, старина.— Господи! — У меня отвисла челюсть. — Когда-нибудь откроете мне свою тайну?— Когда-нибудь. — Он решительно защелкнул чемодан.— Женщины, подобные Юнис, не обладают чувством времени. Они не способны видеть, что ждет их в будущем. Смотрят они на мужчину, к которому привязались, и видят в нем только своего любовника, страсти которого не подвластны возрасту. Между тем через каких-то несколько лет рядом с ними может сидеть старик, способный только на то, чтобы доплестись в домашних шлепанцах до камина и погреть свои дряхлые мощи. Кстати, надеюсь, все сказанное останется между нами?— А Лили знает? — спросил я.— Нет, конечно, — убежденно ответил Фабиан. — Я так надеялся, что вы с Юнис понравитесь друг другу.— Увы, не вышло, — я развел руками.— Жаль. Я едва сдержался, чтобы не рассказать ему про выходку Диди Вейлс. Вместо этого произнес:— Для всех лучше, что Юнис уехала.— Возможно, вы правы, — сказал Фабиан. — Посмотрим. Кстати, вы не хотите, чтобы я кому-нибудь позвонил или с кем-то встретился в Америке? Я на миг призадумался.— Позвоните, пожалуйста, моему брату в Скрантон, — попросил я. — Узнайте, как дела. Скажите, что у меня все в порядке. И что я обзавелся другом. Фабиан широко улыбнулся:— Еще каким! Все? Я чуть поколебался:— Да.— Ну и ладно. Фабиан взял у меня бумажку с адресом и телефоном Генри и положил в карман.— Теперь, если

не возражаете, я немного позанимаюсь гимнастикой, а потом приму ванну. А вам, наверно, надо переодеться к ужину? Так он занимается йогой, подумал я. Может, это как раз то, чего мне не хватает? Я проводил взглядом самолет, который оторвался от взлетной дорожки в женевском аэропорту, унося Фабиана, Лили и гроб с телом Слоуна. Небо было уныло-серым, моросил дождь. Однако во мне пробудилось радостное ощущение свободы, как у школьника в начале каникул, хотя в то же время я чувствовал себя одиноким и подавленным оттого, что все вокруг было мне чужим. В бумажнике лежала записка с адресами и телефонами Квадрочелли, портного и белошвейки в Риме — единственных известных мне по имени людей — да список ресторанов и церквей, в которых Фабиан рекомендовал мне побывать по дороге в Рим. Когда самолет превратился в маленькую точку и исчез, я почувствовал себя покинутым, оставшим от своей уже привычной компании. А вдруг самолет разобьется? Едва страшная мысль закралась мне в голову, как тут же показалось, что это не такая уж чепуха. Иначе с чего мне вдруг об этом подумалось? Как профессионального летчика меня всегда интересовали причины авиакатастроф. Уж я-то знал, каких можно ждать неприятностей в самый неподходящий миг. Заклинит шасси, поднимется смерч, или стайка птиц вдруг окажется на пути самолета... Вдруг моему взору представилось, как Фабиан невозмутимо падает с самолетом в океан и в последнее мгновение признается Лили в том, сколько ему лет. За небольшой промежуток времени я видел две смерти: старика в отеле «Святой Августин», потом Слоуна, тело которого везут, чтобы предать земле на родине. Ждать ли третьей смерти? Неужели на украденных деньгах лежит проклятье? Может, предупредить Фабиана? Как я проживу без него? В этот угрюмый пасмурный день Европа вдруг показалась мне враждебной и полной всяких опасностей. Быть может, думал я, направляясь к стоянке, где находился наш «ягуар», в Италии я почувствую себя иначе. Но мне что-то не верилось.²¹

По пути из Женевы в Рим я посетил большинство церквей и ресторанов, которые рекомендовал Фабиан. От этой неторопливой поездки на юг в памяти остались цветные узоры витражей, статуи мадонн и святых мучеников да полные тарелки spaghetti e fritto misto.^[17] Сообщений об авиакатастрофах не поступало. Погода стояла хорошая, страна, по которой я катил, пленяла своей живописностью, а наш шикарный «ягуар» был безупречен на ходу. С детских лет я мечтал о таком путешествии и теперь старался наслаждаться каждой его минутой. Но въехав в Рим и пересекая

его широкую оживленную Piazza del Popolo, я впервые в жизни особенно горько осознал, как ужасно я одинок на этом свете. Слоун и своей смертью насолил мне. Сверяясь с картой города, я медленно пробирался в тот район, где находился «Гранд Отель», в котором Фабиан посоветовал остановиться. Движение на улицах казалось сумасшедшим, а все водители — заклятыми врагами друг другу. Малейший неточный расчет или ошибочный поворот руля, и можно было навсегда остаться в этом городе безумной езды. В «Гранд Отеле» мне отвели большую, но довольно темную комнату. Распаковав чемодан, я аккуратно развесил в шкафу свои вещи. До встречи с Квадрочелли, который должен был приехать к себе в Порто-Эрколе не ранее конца недели, мне предстояло весело или скучно прожить в Риме четыре дня. Разбирая вещи, я заметил на дне чемодана толстый конверт, который Эвелин Коутс поручила мне передать ее другу в посольстве. Его имя и номера телефонов были в моей записной книжке. Я разыскал запись и выяснил, что его зовут Дзвид Лоример. Эвелин просила не звонить ему на службу в посольство, но сейчас было начало второго, и он мог обедать дома. Почти всю неделю в дороге я провел в одиночестве, чувствуя себя отчужденным из-за незнания языка. Постоянная замкнутость, к которой меня приучила ночная работа в «Святом Августине», мало-помалу исчезла, я остро ощущал отсутствие друзей, знакомых, не слыша звуков родной английской речи. И обрадовался возможности встречи с американцем, который, может, пригласит меня пообедать с ним. Я позвонил и вскоре услышал в трубке мужской голос, произнесший «Pronto».^[18] — Говорит Дуглас Граймс. Мне поручила Эвелин... — Д-а, знаю, — быстро перебил тот же голос. — Где вы сейчас? — В «Гранд Отеле». — Буду у вас через четверть часа. Вы играете в теннис? — Немного, — ответил я, несколько удивленный, полагая, что это, возможно, какой-то зашифрованный вопрос. — Я как раз собираюсь в свой клуб. Нам нужен четвертый партнер. Но у меня ничего нет с собой. — Найдем в клубе. И ракетку тоже. Встретимся в баре вашего отеля. Я рыжий, потому сразу узнаете меня. — И он резко дал отбой. Большими уверенными шагами в бар вошел долговязый рыжий мужчина. У него были резкие черты лица, пушистые рыжие брови, крутой нос и довольно длинные, по крайней мере для дипломата, волосы. Действительно, его нельзя было не узнать. Мы пожали друг другу руки. Он, казалось, был моего возраста. — Нашел у себя пару старых теннисных туфель, — сказал он, здороваясь со мной. — Какой размер у вас? — Десятый. — Очень хорошо. Они вам подойдут. Его открытая машина, синяя двухместная «альфа-ромео», стояла у подъезда отеля, мешая движению. Подошедший полицейский недовольно оглядывал ее. Когда мы сели в машину, он сделал Лоримеру замечание, очень музыкально прозвучавшее на

итальянском языке, тот в ответ добродушно помахал ему рукой, и мы поехали. Как и все в Риме, Лоример весьма лихо вел машину, и мы раз десять оцарапали крылья автомобиля, пока добрались до теннисного клуба, расположенного на берегу Тибра. Говорить во время такой езды, естественно, было невозможно, и он лишь один раз отвлекся, указав мне на «Сады Боргезе», когда мы проезжали мимо них, сказав, что следует сходить в этот музей. Фабиан тоже говорил мне о нем и будет, конечно, рад, узнав, что я побывал там. «Обратите особое внимание на картины Тициана», — при этом наставлял он меня. Мы проскочили в ворота клуба, и Лоример поставил машину в сторонке, в тени тополей. Едва я взялся за ручку дверцы, чтобы выйти, как он остановил меня, потянув за рукав. — У вас при себе? — спросил он. Вытащив из внутреннего кармана объемистый конверт, я вручил его Лоримеру, и тот, не распечатывая, спрятал его. Мы вышли из машины и пошли к зданию клуба. — Я рад, что вы поехали со мной, — сказал Лори-мер. — В этот час дня трудно найти партнеров. Я люблю играть перед обедом, а итальянцы после него. Коренные, так сказать, различия двух цивилизаций. И совершенно непримиримые. Мы словно через пропасть зовем друг друга. — Он поздоровался с двумя смуглыми мужчинами небольшого роста, игравшими на одном из кортов, и крикнул им: — Сию минуту придем! Двое на корте тренировались, ловко посылая мячи друг другу. — Боюсь, что мне не справиться с вашим темпом игры, — сказал я, следя за тем, как они на корте обменивались неплохими, ударами. — Уж очень давно не играл. — Неважно. Держитесь лишь поближе к сетке. Они расколются, когда насядем на них. — Лоример широко улыбнулся. Улыбка была и приятная, и дружелюбная, но проступал волчий оскал. Теннисные туфли оказались мне впору, шорты и рубашка немного широки, но были вполне пригодны для игры. — Возьмите с собой на корт все, что у вас при себе ценное, — посоветовал Лоример. — Можно сдать на хранение в контору, но там всякое случается. И ни в коем случае нигде не оставляйте свой паспорт, а то в один прекрасный день прочтаете в газетах, что некий сицилиец по имени Дуглас Граймс арестован за провоз наркотиков. С собой Лоример забрал бумажник, кошелек с мелочью, часы, а также конверт с письмом Эвелин. Игра доставила мне больше удовольствия, чем я ожидал. Лыжные прогулки этой зимой укрепили меня, и мои движения были быстры и достаточно ловки. Лоример носился по всей нашей площадке, всюду поспевая. Играл он с диким азартом, весьма успешно. В первых двух сетах мы подавили итальянцев, которые, как и предвидел Лоример, стушевались под нашим натиском. В третьем сете у меня от усердия вскочил волдырь на большом пальце и я вышел из игры. Это, конечно, был пустяк по сравнению с удовольствием играть под живительным римским солнцем на берегу той реки, которую, по

утверждению Шекспира, Цезарь переплывал в полном вооружении и доспехах. Сейчас, в сухое время года, река выглядела совсем безобидной, так что и я мог бы рискнуть переплыть ее. После игры, когда мы мылись под душем, итальянцы пригласили нас пообедать в клубе. — Вы первый раз в Риме? — спросил меня Лоример. — И первый день, — ответил я. — Тогда мы не станем здесь обедать. Отправимся в туристское заведение на Piazza Navona. — Я кивнул. Фабиан тоже рекомендовал мне это местечко. — Каждого, кто приезжает в Рим, — продолжал Лоример, — я призываю ни на что не претендовать, а быть только туристом. Осмотрите сначала все классическое: Ватикан, Сикстинскую капеллу, Замок Сан-Анджело, статую Моисея, Форум и так далее. Не зря они сотни лет значатся во всех путеводителях. А потом найдете и свой путь знакомства с этим вечным городом. Будете читать, скажем, Стендаля. Вы знаете французский? — Нет. — Жаль. — Я бы хотел вернуться обратно в школу и начать все с самого начала. — А разве не все мы этого хотим? — Ну как, нравится тут? — спросил Лоример. Мы сидели на открытой террасе, глядя на огромный фонтан, который украшали четыре мраморные женские фигуры. — Очень! — воскликнул я. — Только никому не рассказывайте. В высших кругах принято считать, что пища здесь несъедобная. — Он ухмыльнулся. — Вас заклеят мужланом, и вам придется долго искать свою принцессу. — Но я могу хотя бы признаться, что мне понравился фонтан? — Скажите, что случайно забрели на Piazza Navona. Сбились с пути в темноте. Если же речь пойдет об этом, то молчите. Лоример не отрывал глаз от фонтана. — Хороши, не правда ли? — Кто? — Вот эти скульптуры. Для меня это одна из причин, почему я предпочитаю Рим, скажем, Нью-Йорку. Здесь вас подавляют искусство и святыни, а не сталь и стекло многоэтажных зданий страховых компаний и биржевых маклеров. — Вы давно в Риме? — Не так уж давно. Да вот разные сукины сыны пытаются убрать меня отсюда. — Он нащупал в кармане письмо, которое я привез ему, вытащил и бегло пробежал, пока мы ожидали заказанные блюда. Когда нам подали, он спрятал письмо обратно. — Пока что ждем, кто первым сделает неверный шаг. Различие во взглядах. Возможно, неизбежное. Не похваляйтесь тем, что знакомы со мной. Шпионы тут повсюду. Когда б я ни вернулся к письменному столу, все бумаги на нем уже кем-то просмотрены. Я говорю, как психопат? — Не очень-то мне понятно, хотя Эвелин и намекала на разные обстоятельства. — Это случалось и прежде и, конечно, будет продолжаться, особенно в связи с тем, что происходит в Вашингтоне. То, что проделывал Маккарти, выглядит просто детской кутерьмой по сравнению с тем, что способна вытворять теперешняя братия в Белом Доме. Оруэлл ошибся, предсказывая тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год. Это началось

уже в семьдесят третьем. Вы думаете, они уберут из Белого Дома этого взломщика?— Признаться, я не слежу и не очень-то интересуюсь этим, — пожал я плечами. Лоример как-то странно поглядел на меня.— Эх, американцы, — печально покачал он головой. — Держу пари, что он и до следующих выборов просидит на нашей шее и будет давить нас. А меня, вероятно, вскоре переведут в какую-нибудь маленькую африканскую страну, где каждые три месяца совершают государственные перевороты и убивают американских послов. Приезжайте тогда в гости ко мне. — Он осклабился и налил себе полный стакан вина. Что бы с ним ни случилось, он, очевидно, не боялся. — К сожалению, не смогу быть с вами на этой неделе. Уезжаю в Неаполь. Но мы можем встретиться в субботу днем на этом же теннисном корте или вечером за игрой в покер. Эвелин пишет, что вы сильный игрок.— Извините, но в субботу я уеду в Порто-Эрколе.— Вот как? В отель «Пеликано»?— Да, я уже заказал там номер.— Для только что приехавшего в Италию вы весьма быстро и хорошо освоились тут.— Это по советам моего друга, который все и вся знает, — улыбнулся я. Лоример поглядел на часы и поднялся.— Мне пора. Подвезти вас?— Нет, благодарю. Пройдусь пешком.— Неплохо задумано, — кивнул он.— Хотел бы я прогуляться с вами, но мои палачи поджидают меня. Arrivederci,^[19] дружище. По-американски быстро и живо он зашагал к своей машине. Статуи фонтана маячили над ним. И он уехал, чтобы сесть за свой письменный стол, где бумаги переворошили за время его отсутствия. Лениво допив кофе, я расплатился и неторопливо побрел по улицам к себе в отель, убеждаясь в том, что Рим, каким его видит пешеход, совсем другой, несравненно лучше, чем кажется из окна автомобиля. Замечание Лоримера о том, что Италия прекрасная, но достойная сожаления страна безрассудных людей, представлялось мне лишь отчасти верным. Вскоре я оказался на узкой оживленной улице — виа дель Бабуино, где было несколько художественных выставок. Следуя наставлениям Фабиана, я стал осматривать витрины. В одном из окон была выставлена большая, написанная маслом картина, изображавшая улицу маленького американского городка. Виднелась знакомая аптека-закусочная, где торгуют лекарствами, косметикой, журналами, мороженым, кофе и еще Бог знает чем, парикмахерская, здание местного банка в псевдоколониальном стиле, обитая дранкой контора местной газеты — и все это в предвечернем холодном тумане где-то посреди раскинувшейся прерии. Все было передано реалистически, жизненность картины еще усиливалась дотошным изображением каждой мельчайшей детали, что создавало впечатление странного фанатичного пристрастия, одновременно любовного и неистового. Художник, чьи картины тут выставлялись, был, судя по имени, не американец или, может, полуамериканец. Его звали

Анжело Квин. Из любопытства я зашел на выставку. Там никого не было, кроме хозяина помещения, старика лет за шестьдесят, седого, с редкими растрепанными волосами, и сидевшего в углу молодого человека, небритого, неряшливо одетого, который читал, не отрываясь, какой-то журнал по искусству. На других вывешенных картинах также изображались американские провинциальные городки, старые обветшавшие уголки, где там и сям на открытом всем ветрам холме стоял источенный непогодой жилой дом фермера или тянулись давно заржавевшие рельсы железнодорожной колеи с замерзшими лужами, выглядевшей так, словно последний поезд прошел по ней сто лет назад. Ни на одной из картин не было таблички с указанием, что она продана. Хозяин не сопровождал меня, когда я осматривал полотна, и не сделал попытки заговорить со мной. Лишь встретив мой взгляд, он печально улыбнулся, показав ряд вставных зубов. Молодой человек в углу был целиком погружен в чтение. Когда я вышел от них, у меня не было уверенности, способен ли я правильно судить, хороши или плохи картины, но они так непосредственно напоминали мне о том, что я не мог и не хотел бы забыть. Медленно пробираясь по суматошным улицам, я был озадачен тем впечатлением, которое произвела на меня эта выставка. Это было схоже с проникновением в огромный, часто загадочный смысл книги, который мучительно открывался мне, когда в тридцать лет я начал серьезно и увлеченно читать. Уже недалеко от отеля я случайно наткнулся на ателье портного, о котором мне говорил Фабиан. Зайдя туда, я провел чрезвычайно занятый час, выбирая материи на костюмы и беседуя о фасонах с портным, который прилично объяснялся по-английски. Заказал я сразу пять костюмов. Вот уж ахнет Фабиан, когда встречу с ним. На другой день я побывал на нескольких выставках, прежде чем снова зашел взглянуть на картины Анжело Квина. Мне хотелось узнать, какое впечатление произведут на меня другие образцы современной живописи. Они совсем не тронули меня. Мои глаза безразлично скользили по натуралистическим, сюрреалистическим и абстрактным картинам. Вернувшись на выставку Квина, я потихоньку переходил от одной картины к другой, внимательно вглядываясь в них, чтобы проверить свое вчерашнее впечатление. Впечатление было даже сильнее. По-прежнему тут находились лишь старик и молодой человек с журналом, словно прошедшие сутки они неподвижно провели на своих местах. Если они и узнали меня, то не подали виду. Как-то внезапно я решил, что если могу покупать себе костюмы, то могу купить и понравившуюся мне картину. — Скажите, пожалуйста, — обратился я к старику, который автоматически улыбнулся мне. — Меня интересует картина, выставленная у вас в окне. И, возможно, также и эта, — указал я на полотно, около

которого стоял. На нем была изображена заброшенная железнодорожная колея. — Сколько они могут стоить? — Пятьсот тысяч лир, — быстро и уверенно произнес старик. — Пятьсот тысяч? Гм! — Цена звучала ошеломляюще. Я все время путался в переводе итальянских денег на другую валюту. — А сколько это будет в долларах? — поинтересовался я. (Тоже мне турист, усмехнулся я в душе.) — Около восьмисот долларов, — уныло ответил старик. — А при сегодняшнем совсем смехотворном курсе обмена и того меньше. За каждый заказанный костюм я уплатил по двести пятьдесят долларов, но разве они принесут мне столько радости, сколько покупка первой в жизни картины? — Вы возьмете чек швейцарского банка? — Конечно, — ответил старик. — Выписывайте его на имя Пьетро Бонелли. Выставка закроется, через две недели. Мы доставим вам картину, если пожелаете. — Нет, я захвачу ее с собой. — Мне хотелось поскорее обладать своим сокровищем. — Тогда надо внести задаток. Мы договорились о задатке в двадцать тысяч лир (больше у меня не было при себе), я сообщил свое имя и выписал чек. Все это время молодой человек сидел в углу, не поднимая головы, уткнувшись в свой журнал. — Желаете познакомиться с художником? — под коней, спросил старик. — Если это удобно. — Вполне. Анжело! — воскликнул старик. — Мистер Граймс, собиратель ваших работ, хочет познакомиться с вами. Молодой человек оторвался от журнала, взглянул на меня и улыбнулся. Улыбка делала его еще моложе, особенно выделялись тогда его прекрасные белые зубы и блестящие темные глаза с грустным, как у итальянского ребенка, взором. Поднявшись, он сказал: — Пойдемте, мистер Граймс, в кафе и побеседуем, отметив это событие. Когда мы выходили, старик прикрепил первую табличку «продано» на картине, выставленной в окне. Анжело привел меня в кафе на углу, где мы заказали кофе. — Вы американец, не так ли? — спросил я. — Слоеный пирожок. — И давно уже здесь? — Около пяти лет. — Значит, выставленные картины созданы более пяти лет назад? Он рассмеялся: — Нет, они все новые. Созданы памятью и воображением. Я рисовал их от чувства одиночества и тоски. И мне как будто удалось передать в них подлинное дуновение, вы не находите? — Я бы согласился с этим. — А когда вернусь в Америку, буду рисовать Италию. Подобно многим художникам, и у меня своя теория. Она заключается в том, что надо уйти из дома, чтобы издалека понять, каков твой дом. Вы думаете, что я чокнутый? — Нет. Во всяком случае, судя по вашим работам. — Они вам нравятся? — Очень. — Это хорошо. — Он улыбнулся. — Анжело Квин дал простор своим чувствам. Я помешан на родной земле. Держитесь за эти картины. Рано или поздно они будут стоять целое состояние. Вот увидите. — Я собираюсь оставить их у себя, — сказал я. — И вовсе не из-за денег. — Спасибо, — он прихлебнул кофе из чашечки. — Даже только ради

такого кофе стоило пожить в Италии.— Почему вас зовут Анжело?— Моя мать итальянка. Отец привез ее в Америку. Отец был провинциальный журналист, часто менял работу, и они мотались по всяким захолустным городишкам. Вот я и изобразил места, где жила наша семья. А вы и в самом деле собираете картины? Или Бонелли просто так ляпнул?— Нет, — ответил я. — Откровенно говоря, я впервые в жизни приобрел картину.— Боже всемогущий! — воскликнул Квин. — Так вы только что лишились девственности. Что же, вкус у вас хороший, хотя мне, должно быть, не стоило так говорить. Я закажу вам еще кофе, вы принесли мне удачу. На следующий день я принес Бонелли чек и потом добрых полчаса любовался на купленные мной картины. Бонелли пообещал, что картины дождутся моего возвращения, даже если я опоздаю к закрытию выставки. Во всяком творчестве должно быть жизненное устремление, думал я, уезжая в пятницу из Рима в Пор-то-Эрколе. И я решил, что первое посещение вечного города было успешным, по-настоящему обогатив меня.22

В отеле «Пеликано» было свободно, мне отвели светлую просторную комнату, из окон открывался чудесный вид на море. Попросив девушку в конторе позвонить домой Квадрочелли, я узнал, что его ожидают завтра утром. На всякий случай я предупредил, что все время буду в отеле. На следующее утро, после игры в теннис с пожилыми англичанами, я сидел на террасе, когда появилась девушка из конторы вместе с небольшого роста смуглым мужчиной, на котором были поношенные плисовые штаны и темно-синий матросский свитер. Это оказался *dottore* Квадрочелли. Я поднялся, мы пожали друг другу руки. Его рука была по-рабочему твердая и шершавая. Загорелый, крепко сбитый, он походил на крестьянина, черноволосого, черноглазого, веселого и жизнерадостного. У глаз была частая сетка морщинок, словно большую часть своей жизни он постоянно смеялся. На вид ему было лет сорок пять.— Приветствую вас, мой дорогой друг, — оживленно заговорил он.— Садитесь, садитесь. Радуйтесь прекрасному утру. Как вам нравится этот великолепный вид на море? — Он спросил таким тоном, будто и скалистое побережье полуострова Арджентарио, и освещенное солнцем море, и видневшийся в дали остров Джаннутри были его личными владениями.— Могу ли я предложить выпить? — спросил он, когда мы оба уселись.— Нет, благодарю. Еще рано, с утра не пью.— О, замечательно, — воскликнул он.— Вы подаете мне хороший пример.— Говорил он по-английски быстро и почти без акцента, а так как мысли в его голове, как видно, набегали одна на другую, то и

слова произносились торопливой скороговоркой. — А как поживает очаровательный Майлс Фабиан? Очень жаль, что он не смог приехать с вами. Моя жена в отчаянии. Она безнадежно влюблена в него. И три мои дочери тоже, — весело рассмеялся он. Рот у него был маленький, губы сложены бантиком, почти совсем как у девочки, но смеялся он по-мужски громко и раскатисто. — Ах, его жизнь, должно быть, полна любовных историй! И к тому же он все еще не женат. Мудро, очень мудро. Наш друг Майлс Фабиан дальновиден, как философ. Вы согласны? — Я его еще мало знаю. Мы лишь недавно познакомились... — Годы только на» пользу ему. Сравните его с остальными бедными смертными, — снова рассмеялся он. — А вы приехали один? Я кивнул. Квадрочелли скорчил печальную гримасу. — Жаль вас. В таком чудном месте... — Он широко раскинул руки, как бы прославляя все вокруг. — Вы что, не женаты? Я подтвердил, что не женат. — Вот я познакомлю вас с моими дочками. Одна — писаная красавица. Поверьте, даже если это говорит отец, который души в ней не чает. Две другие — с характером. Но, как говорится, каждая душа по-своему хороша. И я отношусь к ним одинаково. Знаете, когда Майлс говорил со мной по телефону из Гштаада, он очень хорошо отзывался о вас. Называл вас своим лучшим компаньоном. Говорил, что вы умны и честны. Качества, которые в наши дни не так часто встретишь в человеке. То же самое я бы сказал и о самом Майлсе. Я не считал нужным умерить пыл своего нового знакомого, заметив, что он очень щедр в своих суждениях обо мне. — Как же вы познакомились с Майлсом? — продолжал свои расспросы Квадрочелли. — Летели вместе на самолете из Нью-Йорка, — коротко объяснил я, стремясь избавиться от дальнейших расспросов. — И судьба вас случайно столкнула? — щелкнул пальцами Квадрочелли. Вернее сказать — одарила, подумал я, вспомнив лампу, которую разбил о голову Фабиана. — Что-то вроде этого, — кивнул я. — Товарищества, подобно бракам, тоже заключаются на небесах. По их воле, — глубокомысленно изрек Квадрочелли. — Скажите, мистер Граймс, вы разбираетесь в вине? — Нисколько. До приезда в Европу я вообще едва ли когда пил вино. Предпочитал пиво. — Ну, это уж не столь важно. У Майлса вкус за нас троих. То был особенный день, когда Майлс почтил мое вино, заявив, что собирается продавать его и на бутылках поставить мое имя. И если американец станет требовать: «Подайте-ка мне бутылку кьянти Квадрочелли», — не скрою, мне это будет приятно. Человек я не тщеславный, но все же и не без этого. Заверяю вас, что мое вино натуральное. Без всяких примесей, не крепленое. Ах, чего только не делают с вином у нас в Италии... Добавляют и бычью кровь, и всякие химикалии. Я стыжусь за свою страну. Что с вином, то и с нашей политикой. Вконец испорченная. Обесцененная, как наша лира. Мы же будем смотреть всем

прямо в лицо, никого не обманывая. И разбогатею на моем вине. Здорово разбогатею, мой дорогой друг. После завтрака я покажу вам сделанные мной подсчеты. Завтракать прошу со мной и моей женой.— Благодарю, — поклонился я.— Мое вино, — не унимался Квадрочелли, — это то небольшое, что наше идиотское правительство не в силах испортить. В Милане у меня печатное дело. Вы и представить себе не можете, как трудно сейчас сводить концы с концами. Налоги, забастовки, бюрократизм. Да еще вдобавок взрывы бомб. — Лицо у него помрачнело. — *Dolce Italia*.^[20] На моем предприятии в Милане мне приходится держать круглосуточную вооруженную охрану. Для некоторых из своих друзей-социалистов я по себестоимости печатаю безвредные брошюры, и мне постоянно угрожают за это. Не верьте, мистер Граймс, когда вам говорят, что Муссолини нет. В 1928 году мой отец бежал в Англию. Единственное утешение, что благодаря этому я выучился вашему прекрасному языку. Но не буду удивлен, если и мне придется бежать. От правых, от левых — от всего. — Он нетерпеливо махнул рукой, как если бы осуждал себя за излишне откровенный пессимизм. — Ах, не принимайте слишком всерьез все, что я говорю. Я бросаюсь из одной крайности в другую. Мы — южане, и все в нашей семье сразу и плачут, и смеются, — и он раскатисто рассмеялся, демонстрируя одну из особенностей их семьи. — Однако мы встретились, чтобы поговорить о вине, а не о нашей сумасшедшей политике. Вино вечно. И ни политикам, ни бандитам не заглушить выращивание винограда. И его брожение в чанах идет себе без всяких забастовок. Вы и Майлс выбрали у нас самый основательный бизнес. И не слишком рискованный. Майлс сказал мне по телефону, что кто-то умер. Я уже смекнул, что надо держать ухо востро, поскольку мистер Квадрочелли имел склонность внезапно переходить на совершенно другую тему.— Один наш общий друг, — ответил я.— Надеюсь, это было не слишком тяжело?— Не слишком, — сказал я.— Увы, — вздохнул он. — Все мы смертны. Он обхватил себя руками, словно желая удостовериться, что все на месте.— Давайте поговорим о более приятных вещах. Вам уже приходилось бывать в Италии?— Нет, — ответил я, решив не упоминать о поездке во Флоренцию, когда я охотился за Фабианом.— Тогда я буду вашим гидом. Наша страна удивительна, полна сюрпризов. Некоторые из них даже приятные. — Он засмеялся, для него, видимо, было обычным радоваться собственным шуткам. Мне начал нравиться этот человек, его живость, крепкое здоровье и несколько избыточная откровенность. — Мы уже больше не великая страна, а наследники былого величия. Убогие сторожа того, что понемногу распадается от времени. Я отвезу вас в мой дом под Флоренцией. Посмотрите своими глазами мои виноградники, попробуете на месте ваше будущее вино. А оперу вы любите?— Никогда не бывал.— Поведу вас в

театр Ла Скала в Милане. Придете в восторг. Как долго вы пробудете в Италии?— Зависит от Майлса.— Только не спешите уезжать, умоляю вас. Я не хочу, чтобы наши отношения сводились к сугубо деловым, — сказал он с серьезным видом. — Я понимаю, что это звучит глупо, но для качества вина было бы лучше, чтобы между нами были не только деловые связи. Вы хорошо переносите море?— Не знаю. Я выходил только в озеро на весельных лодках.— У меня есть небольшая прогулочная яхта длиной в двадцать пять футов. Мы отправимся на остров Джаннутри.— Квадрочелли ткнул пальцем в направлении туманного пятнышка на горизонте. — Он сохранился в первозданной красе. В наши дни это такая редкость. Жаль только, что купаться холодновато. А вода — чистая, как сапфир. Устроим пикничок и позагораем на песке. Вот увидите, вас придется силком тащить оттуда. На всю жизнь запомните. А где вы живете в Америке?— В Вермонте, — чуть поколебавшись, ответил я. — Но я часто переезжаю.— Вермонт, — он содрогнулся. — Никак не возьму в толк, почему люди живут в такой холодрыге, если их к тому никто не принуждает. Как Майлс, например. Когда-нибудь он непременно сломает себе шею, гоняя на лыжах, как сумасшедший. Кстати, я миллион раз говорил ему, что нечего жить среди снегов да ходить на лыжах. Рядом с моим домом продается прекрасная вилла и по сходной цене. С его знанием языка он мог бы жить у нас, как король, прежде чем все провалится в тартарары... У него ведь неплохой капиталец... — Квадрочелли испытующе поглядел на меня, прищурив глаза. — Верно?— Не знаю. Как я уже говорил, мы недавно познакомились.— О, вы весьма сдержанный человек.— Более или менее.— Могу ли я спросить, мистер Граймс... — последовал нетерпеливый жест. — Как ваше имя?— Дуглас.— А меня зовут Джулиано. Будем называть друг друга просто по имени. Так скажите, Дуглас, какой у вас бизнес?— Главным образом помещение капитала, — немного замямвшись, ответил я.— Не буду назойливым, — Квадрочелли вытянул руки, как бы отводя дальнейшие вопросы. — Вы друг Майлса, и этого для меня вполне достаточно. А теперь время уже завтракать, — сказал он, поднимаясь. — Макароны и свежая рыба. Пища простая, но с того самого дня, как я живу со своей дорогой половиной, у меня никогда еще не болел живот. Полнеете, говорят мне доктора, но я же не собираюсь стать кинозвездой, — снова рассмеялся он. Я тоже поднялся, взял его под руку, и мы направились к выходу. Неожиданно дверь отворилась, и на пороге в лучах яркого итальянского солнца показалась Эвелин Коутс.— Мне звонил Лоример и сказал, что вы здесь, — объяснила она. — Надеюсь, не помешаю вам.— Конечно, нет. Быть может, потому, что наша встреча теперь произошла весной у Средиземного моря, или потому, что Эвелин была в отпуске, или наконец просто далеко от Вашингтона, но она казалась совсем

другой женщиной. Резкость и властность, которые меня раздражали в ней при первом знакомстве, словно исчезли без следа. Лежа с ней в постели, я не заметил прежнего охватывавшего ее отчаянного поиска того, чего никогда не найдешь. Чувствовалось сейчас в ней какое-то внутреннее, затаенное напряжение или ожидание. Мы провели вместе несколько часов, грелись на солнце, держались за руки, о чем-то несвязно говорили, весело смеялись и дурачились, забавляясь попытками объясняться по-итальянски с официантом или фотографированием друг друга в разных позах. Когда Эвелин приехала, Квадрочелли тут же оставил нас одних, сказав, что мне, конечно, надо о многом переговорить со своей прелестной американской подружкой. — Встретиться сможем и завтра, — добавил он. — Моя жена все поймет. И дочери тоже, — раскатисто рассмеялся он, покидая нас. Однако в этот же день Квадрочелли со множеством извинений сообщил, что вечером вылетает в Милан, так как на предприятии у него нелады, которые можно назвать саботажем. Вернется он при первой же возможности. После обеда Квадрочелли позвонил мне как раз в ту минуту, когда, насладившись любовью, мы с Эвелин расслабленно лежали в постели в моей уютной комнатке с видом на море. Я посочувствовал Квадрочелли в связи с его неприятностями, но в глубине души вовсе не сожалел, что лишен его общества, поскольку мог теперь уделить все свободное время прелестной Эвелин. Туристский сезон еще не наступил, потому в «Пеликано» было почти совсем пусто, и мы жили, словно владельцы роскошного загородного дома с приветливой и услужливой прислугой, где все было для нас. Раздевшись, мы часами лежали рядышком, загорая на теплом весеннем солнце. Мне показалось, что тело Эвелин стало более нежным и округлым. Прежде оно было крепким и упругим, как у женщины, которая следит за собой, за своим весом и формами, с помощью усердных гимнастических упражнений и дорогостоящего ежедневного массажа. Мы говорили о многом и разном, но никогда о Вашингтоне или о ее работе. Я не спрашивал ее, надолго ли она приехала, и она не заговаривала об этом. Про свою беседу с Лоримером я решил ей не говорить. То были чудесные дни, беззаботные и сладострастные, ничем не тревожимые — ни часами, ни календарем, в прекрасной стране, языка которой мы не знали и печали которой не заботили нас. Мы не читали газет, не слушали радио и не строили никаких планов на будущее. Несколько раз звонил Фабиан из Нью-Йорка, говорил, что все идет гладко, что мы день ото дня богатеем, но все же есть некоторые трудности, которые не объяснишь по телефону, и потому он задерживается дольше, чем ожидалось. Квадрочелли перед отлетом в Милан прислал мне расчеты по сделке с вином, которые, не читая, я тут же срочной почтой отправил Фабиану. Фабиан нашел эти расчеты превосходными и просил передать Квадрочелли, что его условия

сделки вполне приемлемы.— Кстати, — спросил я, — как прошли похороны Слоуна?— Очень хорошо, — ответил Фабиан. — И вот еще, чуть не забыл. Как вы просили, я позвонил вашему брату, и он навестил меня в Нью-Йорке. Уверял, что дело, на которое вы дали ему деньги, становится весьма многообещающим. Так прошла неделя, и все в ней было хорошо. Мы поехали в Рим за заказанными пятью костюмами, остановились там в отеле и как заправские туристы бродили по улицам, завтракали на Пьяцца Навона, где пили вино Фраскати, побывали в Ватикане, осмотрели Форум, Музей Боргезе, слушали «Тоску». Во время одной из прогулок по Риму я привел Эвелин на ту выставку, где в окне стояла купленная мной картина, о чем я ей не сказал. Мне хотелось сначала узнать ее мнение об этой картине как человека, более разбирающегося в живописи. Она нашла, что картина хороша, бесспорно хороша, но мы не смогли зайти и осмотреть всю выставку, так как она была закрыта на обеденный перерыв. Я подумал, что это к лучшему. Другие картины могли ей не понравиться, а Бонелли стал бы наверняка благодарить меня за чек, и я оказался бы в неловком положении. Мне же после проведенных с Эвелин дней стало хотеться, чтобы она всегда была обо мне высокого мнения. О чем бы ни шла речь. На другой день у Эвелин было назначено свидание с ее другом из американского посольства, а я поехал за двумя купленными мной картинами. На этот раз у старика Бонелли был более радостный вид, что, очевидно, объяснялось тем, что еще на трех полотнах появились таблички с указанием «продано». Он даже напевал себе под нос какую-то арию из «Тоски». Я спросил о Квине, которого не было на выставке.— Со времени встречи с вами, — объяснил старик, — Анжело день и ночь работает у себя дома. Он был очень подавлен тем, что более года его работы висели здесь на стенах и никто ими не интересовался. Как молодой художник он приходил в отчаяние, не получая хотя бы небольшой поддержки.— Это бывает не только у художников, — заметил я.— Конечно, — согласился старик. — Отчаяние охватывает не одних лишь художников. Я сам иногда спрашиваю себя, не зря ли я прожил свою жизнь. Даже в Америке... — пожал он плечами, не договорив до конца. — Да, даже, в Америке, — кивнул я. Эвелин еще не было, и я поставил обе картины рядышком на камине с запиской: «Дорогой Эвелин на память». Потом я вышел, прогулялся по виа Венето, зашел в кафе и уселся на террасе за чашкой кофе, глаза на гуляющих. Мне хотелось, чтобы, пока меня нет, Эвелин увидела мой подарок. Когда я вернулся, Эвелин, облокотясь на подушки, полулежала на постели, пристально глядя на картины. На глазах у нее блестели слезы. Не говоря ни слова, она притянула меня к себе и поцеловала. Немного погодя она неожиданно сказала:— Распутная я девка.— Ах, успокойся, пожалуйста. Она отстранилась от меня и села на

постели.— Вот сейчас и скажу, почему приехала к тебе.— И хорошо сделала. Давай не будем говорить об этом.— Я беременна, — выпалила она. — И от тебя. В ту нашу первую ночь у меня не оказалось таблеток. Ты не обязан верить мне, если не хочешь.— А я верю.— Уж готова была сделать аборт, когда позвонил Лоример и сообщил о встрече с тобой. Прежде я всегда заявляла, что не желаю иметь детей. А тут меня осенило, и я поняла, что просто дурачу себя. И еще многое поняла. Ушла из министерства. Хватит с меня чиновничьей службы. Я губила себя в Вашингтоне... И намерена сделать вот такое безжалостное, я бы даже сказала — жестокое, предложение юриста...— А именно?— Чтоб мы поженились.— Ну, это не очень-то жестокое предложение.— После рождения ребенка мы сможем развестись. Но я не хочу иметь незаконнорожденного. Сперва я не хотела тебе говорить. Но после этой чудесной недели... Она все изменила. — Эвелин беспомощно развела руками. — Ты был таким милым. А картины меня вконец добились. Ладно, ничего, сама справлюсь. Я глубоко вздохнул.— У меня предложение получше. Почему бы нам не пожениться, завести ребенка и не разводиться? — Сказав это, я тут же поймал себя на том, что зря ляпнул это. Надо мной еще витали тени моего недавнего прошлого, которые надо было как-то развеять, прежде чем на ком-нибудь жениться. Но я почувствовал облегчение, услышав ее ответ.— Не торопись. Во-первых, я могла солгать.— О чем?— О том, например, кто отец ребенка.— Для чего это тебе?— Ну, знаешь, женщины все могут.— Но ты же не солгала?— Нет.— Твоего слова мне вполне достаточно.— Даже если и так, — покачала она головой, — все равно незачем спешить. Я не хочу потом сидеть дома и раскаиваться. Или годами недовольно глядеть друг на друга? Пылкие, благородные порывы надо приберечь для иных случаев. А тут нужно время, чтоб хорошенько обдумать. Нам обоим. Убедиться, что мы уверены, в том, что делаем. Дадим себе на размышление, скажем, пару недель.— Но ты же сказала... — ее неожиданные возражения вызвали с моей стороны и вовсе неразумную настойчивость, — что приехала ради...— Все помню, ничего не забыла. Но это, как говорят в Вашингтоне, уже не актуально. Сейчас там очень модно это словечко.— А почему не актуально?— Потому что я изменилась. Ты был для меня чужим, просто нужным для замужества человеком. А теперь ты больше не чужой.— А кто же?— Скажу в другой раз, — улыбнулась она. Потом встала, потянулась и сказала: — Пойдем выпьем. Нам обоим не помешает.— Ты помнишь, что рассказывал мне в первый вечер в Вашингтоне? — спросила Эвелин. Мы шли по виа Кондотти, праздно поглядывая по сторонам. Со времени нашего последнего объяснения мы больше не упоминали о женитьбе, словно и речи об этом не было. Или, вернее, как если бы между нами ничто

не изменилось. Мы стали более ласковы, даже нежны друг с другом, но в нашей близости проскальзывала грусть.— Так о чем я говорил тогда? — переспросил я.— О том, что ты простой провинциальный парень из очень богатой семьи.— И ты поверила?— Нет.— Что ж, возможно, ты была права.— Не забывай, — улыбнулась она, — что я вышколенный юрист. Кстати, чем же ты все-таки занимаешься? Как твоей будущей жене мне положено знать об этом, не правда ли?— Не волнуйся, сейчас у меня достаточно средств, чтобы содержать тебя. — Продолжая изображать из себя такого богача, я понимал, что это глупо и неубедительно, но ничего иного пока придумать не мог.— Я не забочусь о том, чтобы кто-нибудь кормил меня. У меня есть и свои деньги, и я всегда заработаю себе на жизнь. Адвокаты в Америке не голодают.— Почему в Америке? Чем плохо жить в Европе? Эвелин отрицательно покачала головой.— Европа не для меня. Люблю приехать сюда на отдых, но жить постоянно — нет уж, уволь. — Она зорко взглянула на меня. — Есть причины, по которым не можешь вернуться обратно?— Вовсе нет. Она замедлила шаг и остановилась.— Ты лжешь, — отрубил она.— Быть может, — пожал я плечами. Человек, вышедший из магазина кожгалантереи, задел меня и пробормотал: «Scusi».^[21]— Это надо считать хорошим началом семейной жизни?— Я не задаю тебе никаких вопросов.— Можешь спрашивать.— Нет особой охоты.— У меня прекрасный домик у залива в Сэг-Харборе, — сказала она. — Родители оставили мне его. И я люблю там жить. Будет там и адвокатская практика, и приличный заработок. А разве твои дела вынуждают тебя жить здесь?— Возможно.— Если бы я заявила, что после свадьбы мы будем жить только у меня, ты бы согласился?— Ты этого требуешь?— Да, — сказала она тем безапелляционным тоном, которым обычно разговаривала в Вашингтоне. Очевидно, она не собиралась быть послушной женой. Я промолчал, и мы пошли дальше.— Ты ничего не ответишь мне? — спросила она, когда мы прошли несколько шагов.— Не сейчас.— А когда же?— Может, сегодня вечером. А может, через неделю, через месяц... Она принуждала меня к возвращению в Америку, и потому я обозлился на нее. Картины Анжело Квина растравили мне сердце. С того дня, как я впервые увидел на его полотнах суровые и меланхоличные уголки моей страны, я понял, что уже и прежде подсознательно боролся с той мыслью, что в какой-то день вернусь обратно на родину. Некоторые люди, как я обнаружил, становились отщепенцами, находя в этом удовлетворение. Но я не принадлежал к их числу. Черт побери, подумал я, ведь я же никогда не усвою другого языка, никогда не буду думать на нем. Нет для меня другого языка, кроме родного. Возможно, то была случайность, что я попал на выставку картин, которые произвели на меня такое сильное впечатление, но и без этого, а также независимо от желания

Эвелин я теперь окончательно осознал, что должен в конце концов вернуться на родину. Фабиан, конечно, не одобрит меня. Я заранее представлял себе его возражения: «Боже мой, да вы же быстро получите пулю в лоб!» Однако я не собирался жить по указке Фабиана.— Я вовсе не отказываюсь вернуться в Америку, — после долгой паузы сказал я. — И даже поселиться в твоём доме в Сэг-Харборе, если тебе так хочется. Но условия должны быть равными. Если по некоторым причинам я не хочу объяснить, почему пока предпочитаю находиться за границей, и никогда, может, этого не объясню, согласишься ты выйти за меня замуж?— Не люблю на веру принимать людей, — ответила она. — Даже и тебя. И вообще не отличаюсь большой доверчивостью.— Повторяю свой вопрос.— Сейчас на него не отвечу, — вызывающе рассмеялась она.— А когда?— Может, сегодня вечером. А может, через неделю, через месяц...Дальше мы шли молча. При переходе улицы нас едва не задавил «мерседес», который пытался проскочить на красный свет. И вдруг я почувствовал, что сыт Римом по горло.— Кстати, — спросила Эвелин, — кто такая Пэт?— Откуда тебе известно про Пэт?— Я знаю, что у тебя есть знакомая девушка по имени «Пэт.— А почему ты думаешь, что Пэт — это девушка? Это мужское имя. — Застигнутый врасплох, я пытался выиграть время, чтобы выкрутиться. Я никогда не упоминал Пэт в разговорах с Эвелин.— В твоих устах оно так не звучало, — не отставала Эвелин.— А когда я называл его?— Дважды. Сегодня ночью, во сне. Ты обращался явно не к мужчине.— А-аа, — протянул я.— Вот именно. Так кто она?— Одна девушка, с которой я знаком. Был знаком, — поправился я.— Похоже, вы были знакомы очень близко.— В самом деле?— Еще как.— Ну и что?— Ты был влюблен в нее?— Пожалуй, да. Какое-то время.— Когда вы виделись в последний раз?— Три года назад.— Тем не менее ты по-прежнему зовешь ее во сне.— Извини, — просто сказал я.— Ты ее до сих пор любишь? Я задумался. Потом ответил:— Не знаю.— Может, тебе надо встретиться с ней и разобраться в своих чувствах?— Да, — сказал я.23

На обратном пути в Порто-Эрколе мы почти все время молчали, занятые своими мыслями. Эвелин, откинувшись в угол машины, сидела с серьезным, сосредоточенным лицом, руки ее неподвижно лежали на коленях.Пэт, в удаленном от нас на тысячи миль, занесенном снегом Вермонте, незримо пролегла между нами темной тенью, омрачавшей ясное, по-итальянски солнечное утро. Я сказал Эвелин, что должен повидаться с Пэт.— Чем быстрее, тем лучше, — ответила Эвелин.Я решил, что позвоню Фабиану и скажу, что лечу в Нью-Йорк.По приезде мне

сказали, что со вчерашнего вечера нас разыскивает Квадрочелли, я попросил соединить меня с ним. Первое, о чем он с ходу спросил, наслаждался ли я Римом. — Более или менее, — протянул я. — О, вы быстро становитесь пресыщенным, — рассмеялся он, как обычно, веселый и оживленный, ничем не походивший на владельца предприятия, пострадавшего от забастовки и саботажа. — Прекрасное утро, — продолжал он. — Хорошо бы покататься по морю. Сегодня оно тихое и нежное. Съездим на остров Джаннутри. Ну как? Я спросил стоявшую рядом со мной Эвелин и, получив ее согласие, крикнул в трубку: — Охотно поедем. — Вот и прекрасно. Жена приготовит нам еду с собой. Она-то не поедет с нами. Презирает яхты — ей подавай корабли. И, к сожалению, дочки подражают ей. Потому мне всегда приходится искать попутчиков. Вы знаете, где яхт-клуб? — Да, знаю. — Сможете быть там через час? — Как вам угодно. — Значит, договорились. Захватите с собой свитеры. На море прохладно. — Кстати, ущерб на вашем предприятии большой? — Для Италии обычный, — опять рассмеялся он. Прогулка по морю к видневшемуся вдали острову привлекала меня. Не так сама поездка, как то, что мы с Эвелин не будем сидеть с глазу на глаз. Я решил пригласить Квадрочелли с женой пообедать с нами, чтобы уж заполнить весь день. Эвелин пошла переодеться, а я заказал Нью-Йорк. В ожидании вызова просматривал утреннюю римскую газету «Дейли Америкой» и в разделе новостей прочитал, что Дэвид Лоример переводится в Вашингтон и в его честь устраивается прощальный банкет. Газету я тут же отбросил в сторону, чтобы Эвелин не увидела ее. — Боже мой, приятель, да вы что? — послышался в трубке голос Фабиана в ответ на мое приветствие. — Да вы знаете, который сейчас час? — Около двенадцати дня. — Это в Италии, а здесь шесть утра, — жалобно произнес Фабиан. — Какой воспитанный человек станет будить в такую рань своего друга? — Простите, но мне хотелось поскорей сообщить вам хорошие новости. — Какие такие новости? — подозрительно спросил Фабиан. — Я возвращаюсь в Штаты. — Что же в этом хорошего? — Расскажу при встрече. Сугубо личное дело. Скажите, а где мне оставить нашу машину? — Что за спешка? Почему не подождать моего приезда, чтобы мы спокойно все обсудили? — Не могу ждать. Все уже взвешено и решено. — Не может ждать, — вздохнул Фабиан на другом конце провода. — Ладно, Бог с вами. Сможете заехать в Париж? Тогда попросите консьержа отеля на площади Атене, чтобы он сделал мне одолжение и поставил машину к себе в гараж. У меня будут дела в Париже, и я загляну к ним. Он мог бы выбрать место поближе и поудобней для меня. Такой уж человек был Фабиан, дела у него были повсюду: в Риме, Милане, Ницце, Брюсселе, Женеве, Хельсинки. Но он нарочно выбрал неудобный, не по пути город, чтоб наказать меня. А я был не в настроении спорить с

ним.— Ладно, — согласился я. — В Париже так в Париже.— Вы разбили мне весь день, понимаете это?— Впереди у вас еще много светлых дней, — отшутился я. Приехав в порт и поставив на стоянке машину, я огляделся по сторонам и заметил Квадрочелли. Он стоял на палубе своей небольшой яхты, свертывая кольцом веревку, которой была пришвартована лодка. Большинство других лодок еще стояли на приколе, укрытые на зиму брезентом; на пристани не было ни души.«Плыви, плыви в безбрежном море», — напевала Эвелин, когда мы шагали к пристани. До этого по дороге она потребовала остановиться у аптеки и зашла туда купить драмамин, средство против морской болезни. Как видно, она с опаской относилась к морским прогулкам.— А ты не утопишь меня, как тот, в «Американской трагедии», забыла, как его зовут, который отправил на дно Шелли Винтере, когда узнал, что она беременна?— Его звали Монтгомери Клифт, — сказал я. — Но я ничем не похожу на него, как, впрочем, и ты на Шелли Винтере. Кстати, это вовсе не «Американская трагедия», а фильм под названием «Место под солнцем».— Я пошутила, — мило улыбнулась Эвелин. Во всяком случае, это был хороший признак того, что она не собирается и дальше дуться на меня. Предстояла долгая поездка во Францию, и было бы тягостно, если бы она забилась в угол машины и отчужденно молчала, как это было сегодня утром по дороге из Рима. После телефонного разговора с Фабианом я сообщил ей, что отправляюсь на машине в Париж, и спросил, поедет ли она со мной. Эвелин осведомилась, хочу ли я этого, и, получив утвердительный ответ, тут же согласилась. Завидев нас, когда мы подходили к пристани, Квадрочелли, проворно выпрыгнул из лодки и поторопился навстречу нам. У него был вид бравого моряка в широких брюках и матросском свитере.— Проходите на борт, проходите, — пригласил Квадрочелли, склонившись, чтобы поцеловать руку Эвелин, и затем обменялся со мной сердечным рукопожатием.— Все готово. В полном порядке. На море, взгляните, тишь и гладь, как на озере. А какое оно лазурное, как на хорошей рекламе. Корзинка с едой на борту. Холодные цыплята, крутые яйца, сыр, фрукты, вино. Словом, рассчитано на хороший аппетит. Мы были шагах в двадцати от яхты, когда она взорвалась. Мы бросились наземь, и взлетевшие в воздух обломки закружились над нами. Потом все стихло. Квадрочелли медленно приподнялся и поглядел на яхту. Корму оторвало, и лодка уплывала от пристани, расколовшись надвое.— Ты не ранена? — спросил я Эвелин.— Нет, ничего, — слабым голосом ответила она. — А ты как?— В порядке, — сказал я, поднимаясь и протягивая ей руку. Квадрочелли, не отрываясь, глядел на лодку.— Фашисты, — шептал он. — Проклятые фашисты. Народ уже сбежался на пристань и окружил нас плотным кольцом. Все шумно галдели, засыпая нас вопросами. Квадрочелли не

обращал на них никакого внимания.— Отвезите меня домой, пожалуйста, — попросил он меня. — Я сейчас в таком состоянии, что не могу сесть за руль. В машине он начал дрожать мелкой дрожью. Неистойвой, неумной. Загорелое лицо его посерело.— Они могли убить и вас, — стуча зубами, проговорил он. — Если бы вы пришли всего на две минуты раньше. Простите меня. Простите всех нас. Doice Italia. Рай для туристов, — горько усмехнулся он. Потом мы вернулись к себе в отель. И больше не говорили о том, что произошло. И так все было понятно.— Я бы сказала, что пора уезжать отсюда. Ты не находишь? — спросила Эвелин.— Вполне согласен с тобой, — ответил я. Уложив свои вещи и расплатившись, мы уже через двадцать минут вышли из отеля и покатали на север. Нигде не останавливаясь, кроме автозаправки, около полуночи мы пересекли итальянскую границу и приехали в Монте-Карло. Эвелин настояла на том, что сходит посмотреть казино и сыграет в рулетку. У меня же не было настроения ни играть, ни даже смотреть на игру, и я зашел посидеть в баре. Примерно через час Эвелин появилась довольная и улыбающаяся. Она выиграла пятьсот франков и по этому случаю расплатилась за меня в баре. Кто бы, в конце концов, ни женился на ней, он бы взял в жены женщину с крепкими нервами. Во взятой напрокат машине с шофером Эвелин поехала проводить меня в парижский аэропорт Орли. (Наш «ягуар» был пристроен в гараже, где стоял до прибытия Фабиана.) Сама она еще на несколько дней осталась в Париже, так как, по ее словам, было бы просто позорно мимоходом проскочить такой город. Во время нашей поездки через Францию Эвелин была весела и беспечна. Мы ехали не торопясь, часто останавливаясь для осмотра достопримечательностей или чтобы хорошо и вкусно поесть, как это нам удалось в окрестностях Лиона и в Аваллоне. Эвелин сфотографировала меня перед монастырем в Бонэ, где мы осмотрели винные подвалы, и во внутреннем дворе замка Фонтенбло. Последний день путешествия провели в Барбизоне под Парижем, где остановились в чудесной старинной гостинице. В ней мы великолепно пообедали. За обедом я во всем признался Эвелин. Откуда у меня деньги, как я выследил Фабиана и какую мы с ним заключили сделку. Рассказал все, ничего не утаив. Она слушала спокойно, не перебивая. Когда я остановился, окончив свой рассказ, она засмеялась.— Теперь я понимаю, — все еще смеясь, сказала Эвелин, — почему ты хочешь жениться на мне, как-никак я адвокат.— Она наклонилась и поцеловала меня.— Не терзайся, милый. Я и сама не прочь взять при удобном случае то, что плохо лежит. В эту ночь мы спали, крепко обнявшись. Ничего больше не говоря друг другу, мы оба поняли, что завершается одна глава нашей жизни и начинается другая. Мы подъехали к аэропорту Орли, но Эвелин не захотела выйти из машины.— Прости, дорогой, но я не люблю прощаний в

аэропортах и на вокзалах, — сказала она. Я нежно поцеловал ее, она матерински потрепала меня по щеке. У меня в глазах стояли слезы; ее глаза были сухи, но блестели ярче обычного. Загорелая, посвежевшая, она выглядела красавицей. — Позвоню тебе, — сказал я, вылезая из машины. — Обязательно позвони. У тебя же есть мой телефон в Сэг-Харборе. Наклонившись в машину, я еще раз поцеловал ее. — Ну, пока, — ласково попрощалась она. Я последовал за носильщиком, который понес мой багаж на посадку. На этот раз я лично убедился в том, что багажные квитанции точно соответствуют ярлыкам на моих чемоданах. Уже в самолете я ощутил недомогание, а к тому времени, когда самолет приземлился в бостонском аэропорту «Логан», из моего носа лило и я без конца чихал и сморкался. Должно быть, таможенник сжалился, увидев мое состояние, и не стал досматривать мой багаж. Так что платить пошлину за пять костюмов, купленных в Риме, мне не пришлось. Я воспринял это как добрый знак в компенсацию простуде. Таксист отвез меня в отель «Риц-Карлтон», где я заказал номер на солнечной стороне. Что-что, а наставления Фабиана — непременно останавливаться в лучшем отеле города — я усвоил твердо. Позвонил портье, сказал, что мне нужна Библия, и вскоре мальчишка посыльный принес мне дешевое издание в мягкой обложке. Следующие три дня я не вылезал из постели, пил чай с горячим ромом, поглощал аспирин, потел и дрожал, читал выдержки из книги Нова и посматривал телевизор. По телевизору неизменно показывали такое, что я начал понемногу сожалеть, что вернулся в Америку. На четвертый день я почувствовал себя здоровым. Выписавшись из отеля и расплатившись наличными, я взял напрокат машину. День для езды выдался на редкость неподходящий: промозглый, ветреный, небо заволокло тяжелыми тучами. Но я уже торопился. Чем бы все ни кончилось, я хотел ускорить развязку. Я гнал машину. Отвлекаться было не на что: пейзаж по обеим сторонам дороги выглядел уныло. Бесконечной чередой тянулись мокрые поля, голые деревья и фермерские дома и постройки. Когда я остановился на заправочной станции, низко над головой пролетел самолет, невидимый из-за нависших туч. Ревел он так громко, словно начинался воздушный налет. Сколько раз я, бывало, пересекал эту часть страны, сидя за штурвалом в кабине самолета... Я невольно потрогал в кармане серебряный доллар. В Берлингтон добрался, когда мои часы показывали почти три, и, не мешкая, отправился в школу. Остановив машину напротив школьного здания, я выключил мотор и стал ждать. Вскоре прозвенел звонок, и нестройная орда детишек высыпала наружу. Наконец вышла и Пэт. На ней было меховое пальто, а голову она укутала теплым шарфом. Пэт была близорукой, и я знал, что она не разглядит ни машину, ни тем более меня за рулем. Я уже собрался было

открыть дверцу и вылезти, как заметил, что ее остановил один из школьников, высокий плотный парень в клетчатой куртке. Они начали разговаривать прямо на улице, стоя на ветру, который безжалостно трепал полы пальто и концы шарфа на голове Пэт. Боковое стекло стало запотевать, и я опустил его, чтобы лучше видеть. Я досыта налюбовался на Пэт, поскольку ни она, ни школьник явно не торопились. Поразмыслив над увиденным, я пришел к следующему заключению: передо мной была женщина, довольно милая и приятная, которая несколько лет спустя приобретет типичный облик строгой учительницы и с которой мне не захочется делиться радостями или печалью. В моем сердце оставалась лишь полувостановившаяся память о давних светлых днях, смешанная с чувством горечи и утраты. Я решительно повернул ключ в замке зажигания и запустил двигатель. Увлеченная разговором с мальчиком, Пэт даже не заметила машину, когда я медленно проехал мимо. Взглянув напоследок в зеркальце, я увидел, что две фигурки по-прежнему стоят рядышком, потерявшиеся среди безлюдной серой улицы. Подъехав к аптеке, я позвонил в Сэг-Харбор.— Любовь, любовь! — брезгливо морщась, восклицал Фабиан, когда спустя несколько дней я сидел в гостиной роскошных апартаментов, которые он занимал в нью-йоркском отеле Сент-Риджис. Как обычно, а это было везде, где он жил хотя бы один день, повсюду были разбросаны газеты на нескольких языках. Мы были одни, так как Лили вернулась в Англию. А с Эвелин я сговорился по телефону, что завтра приеду к ней в Сэг-Харбор.— Я-то думал, что вы, во всяком случае, уже прошли через это, — горячился он. — А вы, оказывается, все еще совсем «зеленый». Пока у вас все мило и чудесно, но попомните мои слова... Я молчал, не ввязываясь в спор. Пусть выговорится.— Подумать только — жить в Сэг-Харборе, — возмущался Фабиан, шагая взад и вперед по комнате. Сквозь толстые стены и тяжелые занавеси сюда еле доносился неумолчный рокот уличного движения по Пятой авеню. — Всего в двух часах езды от Нью-Йорка. Так и знайте, что получите пулю в лоб за присвоенные деньги. Когда-нибудь зимой вы бывали в Сэг-Харборе? Что будете там делать, когда схлынет ваша любовь? — Чем-нибудь займусь. Может, стану читать книги, а вам предоставляю работать за двоих. Фабиан сердито фыркнул, и я невольно улыбнулся.— Как бы то ни было, — продолжал я, — мне безопаснее жить в Америке в окружении миллионов других американцев, чем в Европе. Вы же видели, что среди европейцев я, как меченый атом, так и бросаюсь в глаза.— Но я надеялся, что сумею научить вас, как приспособиться к иной среде.— И за сто лет не выйдет, — горячо возразил я.— Сами прекрасно понимаете.— Не такой уж вы безнадежный. За то короткое время, что мы были вместе, уже видны некоторые изменения. Кстати, я вижу, что вы приоделись у моего

портного. — На мне и впрямь был один из костюмов, купленных в Риме. — Да, — подтвердил я. — Вам нравится? — Вы весьма похвально изменились в лучшую сторону с тех пор, как мы познакомились. Вы, кажется, и подстриглись в Риме, не так ли? — От вас, наверное, ничего не укроется, — покачал головой я. — Эх, Майлс, Майлс... — Мне даже страшно представить себе, на кого вы станете похожи, живя в Сэг-Харборе. — Послушать вас, так можно подумать, что я буду жить в каком-то диком краю. А ведь Сэг-Харбор — это часть Лонг-Айленда, одного из роскошных мест в США. — Насколько я могу судить, — сказал Фабиан, все еще расхаживая по комнате, — в США нет и в помине роскошных мест, как вы изволили выразиться. — Позвольте, как это нет? — возразил я. — Помнится, вы сами родом из Лоуэлла, штат Массачусетс. — Ну да, а вы из Скрантона, штат Пенсильвания, — ответил Фабиан. — И нам обоим нужно как можно быстрее позабыть об этом как о досадном недоразумении. Вернее, двух недоразумениях. Ну что ж, женитьба так женитьба. Допустим, с этим я смирюсь. Но вы, похоже, мечтаете о сыне. С этим я тоже готов смириться, хотя это и против моих принципов. Кстати, вы присматривались к нынешним детишкам в Америке? — Да. По-моему, они вполне сносные. — Нет, эта женщина положительно околдовала вас. Хм, адвокат в юбке, — фыркнул он. — Боже, если бы я знал, то ни за что не оставил бы вас одного. Послушайте, а она до встречи с вами бывала в Европе? — Да, приезжала. — Так почему бы вам не сделать ей такое предложение. Вы поженитесь. Ладно. Но поживете год в Европе. Американки любят жить в Старом Свете. Там мужчины пристают к ним до семидесяти лет, особенно во Франции и Италии. Пусть она посоветуется обо всем с Лили, а потом решает. Хотите, я сам поговорю с ней? — Вы можете говорить с ней о чем угодно, но только не об этом. Во всяком случае, это не только ее желание. Я тоже не желаю жить в Европе. — Значит, хотите прозябать в Сэг-Харборе, — мелодраматично простонал Фабиан. — Но почему? — Множество всяких причин. Большинство из них даже не связано с ней. — Мне не хотелось рассказывать о картинах Анжело Квина и о том, каким они послужили толчком для меня. — По крайней мере, вы познакомите меня с ней? — обидчиво спросил Фабиан. — Если вы ни в чем не станете убеждать ее. — У вас же превосходный компаньон, приятель. Ладно, умываю руки. Когда вы представите меня? — Поеду к ней завтра утром. — Надеюсь, не очень рано. У меня в десять часов деловая встреча. Одно деликатное дельце. Потом за обедом все объясню. Останетесь довольны. — Не сомневаюсь, — кивнул я. Позднее, к вечеру, когда в небольшом французском ресторане на Ист-Сайде мы ели жареного утенка с оливками и пили настоящее бургундское вино, Фабиан, перегнувшись через стол, поведал о делах,

которые он за это время провернул. Оказалось, что и я, и он стали значительно богаче с того дня, когда в женевском аэропорту я провожал взглядом самолет, уносивший моего компаньона и гроб с телом Слоуна. Было около шести часов вечера, когда мы подъезжали к дому Эвелин. Над тихой сельской местностью уже сгущались приморские сумерки. По дороге Фабиан остановился в Саутхэмптоне и снял номер в небольшом отеле. Мне пришлось терпеливо сидеть и ждать, пока мой неумный компаньон примет ванну, переоденется и дважды переговорит по телефону с Европой. Между прочим, я сказал ему, что Эвелин приготовила ему гостевую комнату, на что Фабиан ответил:— Спасибо, дружок, но это не для меня. Мне не слишком улыбается всю ночь не спать из-за звуков любовных утех за соседней стенкой. Особенно, если я знаком с участниками игры. Я вспомнил, что говорила мне за завтраком Бренда Моррисси в вашингтонской квартирке Эвелин, и не стал разубеждать Фабиана. Едва мы остановились у дома, как зажегся фонарь над входной дверью. Наше появление не было, таким образом, неожиданностью для хозяйки. Мягкий свет фонаря приветливо озарил широкую лужайку перед домом, который стоял на отвесном берегу над морем. По краю лужайки виднелись заросли молодых карликовых дубков и согнутая ветрами чахлая сосна, стоявшая на самой границе участка. Других домов поблизости не было. Сам дом был маленький, серый, потрепанный непогодами, с крутой крышей и слуховыми окнами. И я невольно спросил себя — ужели здесь мне суждено жить и умереть? Фабиан настоял, что возьмет с собой две бутылки шампанского, хотя я и уверял его, что в этом нет нужды, так как Эвелин любит выпить и у нее все найдется. Он не помог мне нести чемоданы, а взял лишь свои две бутылки, считая это единственной ношей, которая приличествует человеку его положения. Потом он стоял и рассматривал дом, словно готовился к схватке с врагом.— Маловат домишко, вы не находите? — небрежно спросил он.— Не нахожу, — в тон ему ответил я. — Ведь я не разделяю ваших представлений о величии.— А жаль, — подчеркнул он, нервно подкрутив усы. Почему это он нервничает?— Что ж, пошли, — пригласил я.— Может, сперва лучше войти вам одному, — сказал Фабиан, не трогаясь с места. — Я подожду, пока вы встретитесь. Вам, наверно, нужно сказать что-нибудь друг другу наедине.— Ваша предупредительность делает вам честь, но в данном случае она излишняя. Я уже обо всем переговорил с ней по телефону.— Вы ясно сознаете, на что идете?— Совершенно ясно, — ответил я и, твердо взяв его под руку, повел к дому по посыпанной гравием дорожке. Не могу сказать, что этот вечер в доме Эвелин прошел вполне удачно. Дом был очаровательно и со вкусом обставлен, хотя и недорогой мебелью; однако маловат, как заметил Фабиан. Обе купленные мной в

Риме картины висели на стене, господствуя надо всем в комнате. Эвелин была одета буднично, в черных брюках и свитере, как бы подчеркивая, что не устраивает особого приема для первого из моих друзей, с которым знакомится. Она поблагодарила за шампанское, но сказала, что не в настроении пить его, и пошла на кухню, чтобы приготовить нам коктейли.— Пусть шампанское останется до свадьбы, — решила она.— Ну, тогда его будет неизмеримо больше, дорогая Эвелин, — сказал Фабиан.— Даже если и так, — решительно возразила Эвелин, уходя на кухню. Фабиан задумчиво поглядел на меня, как если бы хотел сказать что-то важное, потом вздохнул и молча опустил в большое кожаное кресло. Когда Эвелин вернулась с кувшином и стаканами, Фабиан беспокойно покручивал свои усы, ему было явно не по себе, но он поспешил притворно обрадоваться выпивке. Эвелин помогла мне отнести чемоданы в спальню. Она была не из тех американок, которые считают, что конституция даровала им право не таскать» ничего тяжелее сумочки с косметичкой и чековой книжкой. И была гораздо сильнее, чем выглядела. Спальня оказалась просторной; вместе с примыкающей к ней ванной она тянулась вдоль всего дома. В спальне стояла огромная двуспальная кровать, туалетный столик, книжные шкафы и два плетеных кресла-качалки в алькове. Очень уютная обстановка. Да и лампы, подметил я, стояли так, чтобы было удобнее читать.— Ну как, будешь ты счастлив здесь? — тихонько спросила меня Эвелин. В ее вопросе слышалась некоторая не свойственная ей тревога.— О да, — ответил я и, обняв, поцеловал ее.— А твоему другу, кажется, совсем не нравится у меня? — прошептала она.— Неважно, — как можно уверенней возразил я. — Как бы там ни было, не он, а я женюсь на тебе.— Будем надеяться, — с сомнением сказала Эвелин. — Он честолобив. В нем есть многое от вашингтонских политиков. Сжимает губы, когда злится. Он служил в армии?— Да.— Должно быть, полковник. Напоминает мне полковника, который очень огорчен тем, что война закончилась. Держу пари, что он полковник. Не знаешь?— Нет, никогда не спрашивал.— Но мне показалось, что вы очень близки с ним.— Да, так и есть.— И ты никогда не пытался выяснить, какое у него звание?— Нет.— Странная у вас дружба, — заключила она, высвобождаясь из моих объятий. Фабиан стоял у камина и рассматривал висевшую над ним картину Анжело Квина, изображавшую главную улицу маленького американского городка. Когда мы вернулись в комнату, Фабиан ни словом не обмолвился о картине, которую с таким вниманием разглядывал.— Что касается остального, — с преувеличенной сердечностью обратился он к нам, — то позвольте, дорогие детки, пригласить вас на подобающий случаю обед с моллюсками, крабами и прочими дарами моря. Тут недалеко, в Саутхэмптоне, есть

ресторанчик...— Нам незачем куда-то ездить, — перебила Эвелин. — У нас в Сэг-Харборе ресторан, где подают таких омаров, которых вы никогда не едали. Фабиан поджал губы, но вежливо поклонился:— Как вам будет угодно, дорогая Эвелин. Она вышла за пальто, и мы остались вдвоем.— Мне она и впрямь понравилась, но кто знает, что у нее на уме. Бедный Дуглас!— Вот уж вовсе некого и нечего жалеть, — отрезал я. Фабиан пожал плечами, погладил усы и повернулся к картине над камином.— Откуда она у нее? — спросил он.— Я купил в Риме и подарил ей.— Вы? — несколько удивился он. — Любопытно. А где нашли ее?— У Бонелли, на виа...— А, знаю. Знаю его галерею — перебил он меня.— Старик с прыгающей вставной челюстью. Если случится быть в Риме, загляну к нему. Эвелин вошла с пальто на руке, и Фабиан быстро подскочил к ней, чтобы помочь надеть. Мне это показалось добрым знаком. Омары, как и говорила Эвелин, оказались отменно хороши. Фабиан заказал одну, затем вторую бутылку вина, и напряженность наших отношений ослабела. Он стал хвалить мое умение ходить на лыжах, советовал Эвелин учиться у меня, мимоходом рассказал о нашей с ним жизни в Париже, Гштааде, припомнил пару анекдотов о Квадрочелли, а мы описали ему случай со взрывом яхты. Словом, беседа за столом была живой и непосредственной, в ней, конечно, не упоминались ни Лили, ни Юнис. Заметно было, что Фабиан и так и сяк старался завоевать расположение Эвелин.— Скажите, Майлс, — обратилась к нему Эвелин, когда мы уже пили кофе, — вы на войне были в чине полковника? Спрашивала об этом у Дугласа, но он не знает.— Боже упаси, — рассмеялся Фабиан. — Всего лишь младшим лейтенантом.— А я была уверена, что вы по меньшей мере полковник.— Почему?— У вас такой начальственный вид.— Его я научился напускать на себя, чтобы скрывать недостаток самоуверенности. Когда мы вышли из ресторана, над заливом, застилая его, клубился туман. Садясь в подъехавшее такси, Фабиан сказал:— Мы прекрасно провели время. Надеюсь, и дальше у нас будет так же. Пожелайте мне доброй ночи и поцелуйте на прощание, дорогая Эвелин.— О, конечно, — воскликнула она и поцеловала его в щеку. Потом мы с Эвелин стояли и смотрели вслед такси, его красные огоньки расплывались и таяли в тумане. Долго мы не виделись с Фабианом. Не был он и на нашей свадьбе, так как находился тогда в Лондоне. Но со знакомой стюардессой рейсового самолета прислал нам в подарок великолепный серебряный кофейник эпохи короля Георга. А когда у нас родился сын, мы получили от него из Цюриха, где он в это время оказался, пять старинных золотых наполеондоров. 24

Меня разбудил стук молотка. Часы на тумбочке у постели показывали без десяти минут семь. Я потянулся и зевнул. В новом крыле нашего дома работал плотник Джонсон, любивший при каждом удобном случае повторять, что он честно работает и ему не зря платят деньги. Эвелин пошевелилась рядом со мной, но не проснулась. Она чуть слышно дышала, одеяло наполовину сползло, и мне хотелось обнять и прижать ее к себе, но по утрам она бывала раздражительна и капризна, а кроме того, вчера, приехав из конторы, допоздна разбиралась с делами клиентов. Я поднялся с постели и раздвинул занавеси, чтобы взглянуть, каков денек. Было прекрасное летнее утро, и солнце уже пригревало. Надев плавки, махровый купальный халат и захватив полотенце, я босиком вышел из комнаты, поздравляя себя в душе с тем, что у меня хватило здравого смысла, чтобы жениться на женщине, у которой дом на берегу моря. Спустившись вниз, я заглянул в комнату для гостей, ставшую теперь детской. Молодая девушка, нянчившая ребенка, что-то готовила на кухне. Сын лежал в детской кроватке с боковыми сетками и чмокал от удовольствия после утренней бутылочки молока. Я наклонился над ним. Он был розовый, очень серьезный и совершенно беззащитный. Не был похож ни на меня, ни на Эвелин, а выглядел, как все маленькие дети. Стоя у кроватки сына, я не пытался разобраться в своих чувствах, но, уходя от него, широко улыбался. Затем я отодвинул засов на входной двери, который сразу же поставил, когда переехал в этот дом. Эвелин уверяла, что в этом нет необходимости, что ни ее родители, ни она сама не имели никогда никаких беспокойств от непрошенных гостей. Но я каждую ночь перед тем, как лечь спать, закрывал теперь входную дверь на засов. Лужайка перед домом была мокрой от росы, приятно холодившей мои босые ноги. Я поздоровался с плотником, который вставлял оконную раму. Тот церемонно ответил мне. Он был человек чопорный и придерживался строгих правил поведения. Остальные рабочие приходили на работу к восьми часам утра, а Джонсон предпочитал, как он объяснил мне, работать один с раннего утра, когда никто не мешает. Эвелин, которая знала его еще с детских лет, уверяла меня, что он по своему пуританскому складу не выносит лежебок и рад случаю рано будить их. Пристройка к дому была почти закончена. Мы собирались поместить там детскую и библиотеку, где Эвелин могла бы заниматься. До сих пор ей приходилось работать в нашей столовой. В городе у нее была адвокатская контора, но там ее часто отрывали телефонные звонки. Секретарша и писмоводитель помогали в работе, но все же она не могла управиться с девяти до шести часов дня. Просто поразительно, сколько судебных тяжб возникало в этом, казалось бы, спокойном уголке. Обогнув дом, я спустился к берегу моря. Залив раскинулся передо мной, спокойный, поблескивающий в лучах утреннего

солнца. Сбросив с себя халат, я глубоко вдохнул и прыгнул в воду. Стояли первые дни июля, и вода по утрам была еще очень холодна. Проплыв метров тридцать, я повернул обратно, ощущая, как горит и трепещет каждая частица моего тела. На берегу я снял плавки и вытерся докрасна. В этот час пляж был безлюден, так что моя нагота никого не могла шокировать. Потом дома, приготавливая себе на кухне завтрак, я включил радио, чтобы послушать утренние новости. В Вашингтоне предполагали, что президента Никсона заставят уйти в отставку. Сидя за кухонным столом, я пил апельсиновый сок, не торопясь ел яичницу с грудинкой и гренки с кофе и раздумывал о том, какой чудесный вкус у завтрака, который сам себе готовишь солнечным утром. За год с небольшим, что мы были женаты, я ощутил в себе склонность к домашним делам. И часто, особенно когда Эвелин приходила домой усталая с работы, готовил ужин для нас обоих. Но я заставил ее поклясться, что ни одна душа на свете, и прежде всего Фабиан, никогда не узнает об этом. В последние три недели Фабиан обретался недалеко от нас, в Истхэмптоне, помогая мне создавать там наше предприятие. Дело в том, что в начале года Фабиан побывал в Риме, разыскал Анжело Квина и подписал с ним договор на все его картины, которые тот написал или напишет. Такой же договор он заключил и с другим художником, чьи литографии купил в Цюрихе. Затем Фабиан неожиданно приехал к нам в Сэг-Харбор с предложением, которое показалось мне просто нелепым, но, к моему удивлению, было поддержано Эвелин. Заключалось оно в том, чтобы открыть выставку картин в окрестностях Истхэмптона, поручив мне руководство.— Вы все равно сейчас ничего не делаете,— сказал Фабиан,— так почему бы вам не заняться этим? А я всегда помогу, если понадобится. Многочему вам придется подучиться, но вы доказали свой художественный вкус, открыв художника Квина.— Я купил для подарка две его картины, но вовсе не собираюсь стать знатоком живописи.— Скажите, Дуглас, втягивал ли я вас в бытовые дела? — настаивал Фабиан.— Нет, этого еще не бывало,— признал я. Среди всех его успешных спекуляций золотом, сахаром, вином, канадским цинком и свинцом было приобретение земельного участка в Гштааде (к Рождеству там закончат постройку коттеджей, и все квартиры уже заранее сданы внаем), а также финансирование съемок порнофильма «Спящий принц», который семь месяцев делал полные сборы в Нью-Йорке, Чикаго, Далласе и Лос-Анджелесе, сопровождаемый проклятиями в церковных изданиях. Наши имена, к счастью, никак не были связаны с этой кинокартиной, за исключением чеков, которые нам ежемесячно выписывали. Они поступали прямо в Цюрих, и мои банковские счета (открытый и закрытый) становились с каждым днем все более и более внушительными.— Нет,— повторил я,— жаловаться на вас не

приходится.— Ведь этот район по-своему богат, — продолжал Фабиан. — В нем деньги, картошка и художники. Вы сможете устраивать тут пять выставок в год из одних произведений местных художников и не исчерпаете всех возможностей. Люди здесь интересуются искусством, и у них есть средства, чтобы покупать. Обстановка такая же, как, скажем, на модном курорте. Тут можно продать картину за двойную цену против Нью-Йорка, где она будет висеть и пылиться. Это, конечно, не значит, что мы ограничимся лишь одним этим местом. Начнем пока скромно, чтоб увидеть, как пойдет. А потом разведаем возможности, скажем, Палм-Бич, Хьюстона, Беверли-Хиллз и даже Нью-Йорка... Вы не против того, чтобы провести месяц-другой в Палм-Бич? — спросил Фабиан у Эвелин.— Нет,нисколько, — ответила она.— Более того, Дуглас, значительную часть ваших доходов будут отнимать налоговые ищейки. Вы же мечтали жить в Штатах, так извольте платить налоги. Зато станете спокойно спать по ночам — все будут знать законные источники ваших заработков. И будете иметь официальный повод для путешествий по Европе. Вы же теперь признанный первооткрыватель талантов. А будучи в Европе, сможете наведываться в банки и снимать со своих счетов кое-какие деньжата. Но, главное, вы сможете наконец сделать кое-что и для меня.— Наконец, — подчеркнул я.— Я вовсе не рассчитываю на благодарность, — обиженно поправился Фабиан.— Просто люди должны вести себя по-человечески.— Слушай внимательно, — погрозила мне Эвелин.— Майлс говорит дельные вещи.— Спасибо, моя милая, — любезно поклонился Фабиан. Потом вновь обратился ко мне: — Вы не станете возражать против взаимовыгодного проекта, который мне очень дорог?— Нет, конечно.— Тогда позвольте развить мою мысль. Вы меня знаете. Вы достаточно походили со мной по музеям и выставочным залам, чтобы убедиться, что я кое-что понимаю в искусстве. И в художниках. И вовсе не в смысле стоимости работ. Я люблю художников. Я бы сам мечтал стать художником. Но, увы, не всякому дано... Но я бы мог больше общаться с ними, помогать им, открывать новые имена...Возможно, он был даже не полностью искренен и немного преувеличивал. Когда Фабиан так увлекался, он сам переставал отличать правду от вымысла.— Анжело Квин, — прекрасный художник, спору нет, — продолжал Фабиан, — но, возможно, в один прекрасный день какой-то юноша принесет мне свои работы и я смогу воскликнуть: «Вот то, чего я ждал всю жизнь! Теперь могу все бросить и заниматься только вами». — Хорошо, — сказал я. Откровенно говоря, я с самого начала знал, что ему удастся меня убедить. — Я согласен. Как всегда, впрочем. Остаток своих дней я посвящу строительству музея Майлса Фабиана. Где бы вам больше понравилось? Как насчет Сен-Поль де Ванса?— А что? Почему бы и нет? — серьезно произнес Фабиан.Словом, не

откладывая в долгий ящик, мы арендовали в окрестностях Истхэмптона сарай, покрасили его, почистили, обставили и прибили вывеску: «Картинная галерея у Южной развилки». Я отказался поставить свое имя на вывеске, то ли из скромности, то ли из боязни насмешек. В девять часов утра Фабиан ожидал меня в нашей галерее, где за прошедшие четыре дня мы уже развесили на стенах тридцать картин Анжело Квина. Пригласительные билеты на открытие выставки были разосланы две недели назад. Массу своих друзей и знакомых, которые проводили лето в Хэмптоне, Фабиан обещал вволю угостить шампанским на открытии. Мы предусмотрительно пригласили двух полисменов, чтобы наблюдали за порядком на стоянке автомашин. Я допивал вторую чашку кофе, когда зазвонил телефон. — Дуг, — услышался в трубке мужской голос, — это я, Генри. — Кто? — Твой брат Генри. Ты что, не узнаешь? Более года назад брат был у меня на свадьбе, и с тех пор я не видел его. В двух письмах он сообщал мне, что наш бизнес выглядит довольно многообещающим, что, по-моему, лишь означало его недалекий провал. — Ну, как ты? — спросил я его. — Прекрасно, прекрасно, — торопливо произнес он. — Мне надо сегодня встретиться с тобой. — У меня сегодня ужасно забитый день. Не можешь ли ты... — Это нельзя откладывать. Послушай, я в Нью-Йорке. Всего два часа езды тебе. — Пойми, что никак не могу, Хэнк. — Ладно, тогда я приеду к тебе. — Но я же действительно по горло занят. — Но обедать ты же будешь? — обидчиво прокричал он. — Боже мой, за два года не может один час уделить своему брату! Я приеду к двенадцати часам. Где тебя найти? Я назвал ресторан в Истхэмптоне и объяснил, как проехать к нему. Положив трубку, я с досадой вздохнул и пошел одеваться. Эвелин только что встала с постели, я поцеловал ее, пожелав доброго утра. Против обыкновения она не была с утра в плохом настроении. — Ты пахнешь морем, — шепнула она, прижавшись ко мне. Я ласково шлепнул ее, сказав, что сегодня очень занят, но позже позвоню ей. По дороге в Истхэмптон я решил, что дам брату, если он попросит, самое большее еще десять тысяч. И ни цента больше. Фабиан ходил взад и вперед по выставке, немного поправляя висевшие на стенах картины, хотя, на мой взгляд, они висели совершенно ровно. Девушка, которую мы наняли на лето, расставляла бокалы на длинном столе в конце сарая. На двух картинах Квина, взятых у меня из гостиной, Фабиан прикрепил таблички с указанием, что они проданы. — Надо сломать лед, — объяснил он. — Картины никто не любит покупать первым. В каждом деле свои фигли-мигли, мой мальчик. — Уж и не знаю, что бы я делал без вас. — Послушайте, я еще кое о чем подумываю, — сказал он знакомым мне тоном, обозначавшим, что он уже что-то придумал. — О чем же? — спросил я. — Мы продешевили, — решительно заявил Фабиан. До этого два дня мы сидели и обсуждали цены

на картины. И в конце концов решили за большие картины, написанные маслом, просить по полторы тысячи, а за каждую из тех, что поменьше, — от восьмисот до тысячи долларов.— Мне кажется, что об этом мы уже достаточно говорили, — заметил я.— Да, говорили. Но мы слишком скромны. Народ подумает, что мы сами не очень-то уверены в ценности этих картин.— Что же вы предлагаете?— Две тысячи за большие и от тысячи двухсот до полутора тысяч за те, что поменьше. Доверьтесь моему чутью, Дуглас, — важно произнес он, — и мы сделаем нашего молодого художника известным. Жаль, что он не смог приехать. Следовало бы его модно подстричь, побрить, приодеть, и он бы выглядел весьма привлекательно. Особенно при продаже картин любительницам живописи. Я не стал возражать, но заявил, что буду прятаться в туалете, чтобы у меня не спрашивали цены.— Больше дерзости, мой мальчик, — поучительно сказал Фабиан. — Надо прокладывать успех нашей выставке. Вчера я встретился в одной компании с художественным критиком из «Нью-Йорк Таймс». Он в конце недели приезжает на отдых неподалеку отсюда. Обещал заглянуть к нам сегодня. Замыслы Фабиана будоражили меня, и я чувствовал себя все более взвинченным. О выставке Анжело Квина в Риме упомянула лишь одна незначительная итальянская газета. Выставку, правда, похвалили, но мимоходом, в двух строчках.— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — сказал я. — Потому что я в этом совершенный профан.— Публику надо ошеломлять, — воскликнул Фабиан. — Посмотрите вокруг себя. Этот старый сарай теперь прямо-таки засверкал. Все эти дни я так долго и пристально разглядывал развешанные на стенах картины, что они уже не производили на меня впечатления. Если б только было возможно, я бы спрятался в каком-нибудь укромном уголке на этом прославленном острове и просидел бы на берегу Атлантики, пока не кончилась эта кутерьма с выставкой. Фабиан прошел в маленькую заднюю комнату, которую мы отделили перегородкой; устроив там контору, и принес оттуда бутылку шампанского. По его указанию в числе прочего был куплен и холодильник как необходимая часть обстановки галереи. «Он окупит себя в первую же неделю», — уверял Фабиан, когда холодильник привезли и поставили в конторе. Я следил за тем, как привычно и уверенно открыл он шампанское и разлил в бокалы, не обойдя и нанятую нами девушку.— За нашего художника и за нашу выставку, — провозгласил он, поднимая свой бокал. Мы выпили. Я попытался представить себе количество шампанского, выпитого мной со времени встречи с Фабианом, и невольно покачал головой.— Кстати, ведь чуть не забыл, Дуглас, — сказал он, снова наполняя свой бокал. — Еще одно из наших капиталовложений будет здесь сегодня.— Какое капиталовложение? — Вчера в нашей теплой компании была выдающаяся

гостя, — вспомнив об этом, Фабиан фыркнул от смеха. — Надеюсь, вы помните Присциллу Дин?— О, только ее не хватало! — воскликнул я. Поток осуждений и бранных слов, обрушившийся на наш порнофильм, был в основном направлен по адресу исполнительницы главной роли. Однако это не помешало тому, что ее фотографии — голой и в весьма рискованных позах — появились в двух наиболее популярных журналах. Узнав Присциллу на улице, толпы людей следовали за ней. Ее освистала публика в телетеатре, когда она показалась на сцене, чтобы выступить по телевидению. Все это, конечно, значительно увеличило выручку от демонстрации фильма, но я сомневался, что ее появление на выставке поможет упрочить ценность картин нашего художника Анжело Квина.— Уж не пригласили ли вы ее на сегодня? — недовольно спросил я.— Разумеется, — холодно кивнул Фабиан. — С ее появлением о нашей выставке сообщат во всех газетах. Не огорчайтесь, милый друг. Я отвел ее в сторону и договорился, что наши связи с ней по-прежнему остаются в тайне. Она поклялась в этом жизнью своей матери. Дора, — обратился он к нанятой нами девушке, — вы поняли, что то, о чем мы сейчас говорили, нельзя ни в коем случае нигде разглашать.— Да, конечно, мистер Фабиан, — озадаченно ответила девушка. — Но, откровенно говоря, я ничего не поняла. Кто такая Присцилла Дин?— Падшая женщина, — сказал Фабиан. — И я рад за вас, что вы не знаете ни грязных фильмов, ни журналов. Мы допили бутылку без каких-либо тостов. Брат ожидал меня, когда с небольшим опозданием, вскоре после двенадцати, я вошел в ресторан. Он был не один, рядом с ним сидела очень хорошенькая молодая женщина с длинными рыжеватыми волосами. Генри поднялся из-за стола, и мы пожали друг другу руки. Он теперь не носил очков, его зубы были приведены в порядок, он загорел, хорошо выглядел, немного располнел. И даже покрасил волосы, так что мог сойти за мужчину лет тридцати.— Познакомься с моей невестой, ее зовут Мадлен, — представил он сидевшую рядом женщину.— Я очень хотела познакомиться с вами, — сказала Мадлен, когда я сел за стол. У нее был приятный грудной голос, большие серые глаза, отливавшие синевой. Она не походила на женщину, которая могла бы связать судьбу с никчемным человеком.— Надо бы что-нибудь выпить, — предложил я.— На нас не рассчитывай. Я не пью, — с некоторым вызовом, как бы побуждая меня на расспросы, отказался брат.— И я никогда не пью, — сказала Мадлен.— Что ж, тогда не будем, — согласился я.— Будем ли мы вообще что-нибудь заказывать? Боюсь, у нас мало времени, — заметил брат.— Не буду вам мешать, — сказала Мадлен, поднявшись из-за стола. — Обедайте без меня. Я знаю, что вам надо о многом переговорить. А я пойду пройду по этому милому городку.— Смотри не заблудись, — напутствовал ее

Генри.— Постараюсь, — рассмеялась она. Брат с напряженным лицом, не отрываясь, глядел ей вслед, когда она шла к выходу. У нее были стройные ножки, хорошая фигурка, легкая походка. И он даже затаил дыхание, словно забыл обо всем на свете.— Дорогой праведник, что сие значит? — обратился я к брату.— Ну как она, ничего?— Очаровательна, — заверил я, и вовсе не из желания польстить ему или ей.— А теперь выкладывай все.— Я получаю развод.— Давно пора.— Да, давно бы надо.— Где же твои очки? Генри рассмеялся.— Ношу контактные линзы, — объяснил он.— Спасибо твоему другу Фабиану. Он убедил меня и направил к знакомому врачу. Когда увидишь его, передай ему мой горячий привет.— Можешь сам лицезреть его здесь. Я только что расстался с ним.— Мне нужно к четверем вернуться обратно в Нью-Йорк.— Что ты делаешь в Нью-Йорке? — поинтересовался я, ибо не мог и представить себе, что брат уедет из своего Скрантона.— Я теперь живу там, — ответил брат.— У Мадлен квартира, а наш бизнес сейчас в Оранжеберге, в получасе езды от города. Официант принес два стакана воды. Генри заказал коктейль с креветками и бифштекс. Про себя я отметил, что аппетит у него тоже улучшился.— Приятно, Хэнк, что ты приехал повидаться со мной, но почему такая спешка? Почему именно сегодня?— Юристы хотят сегодня же покончить с заключением договора. Мы выработывали его три месяца, и теперь, когда все учтено, они не хотят откладывать, чтобы другая сторона не выдвинула каких-либо новых условий. Ты знаешь, как настырны юристы.— Нет, не знаю. А что за договор?— Я не хотел докучать тебе, пока все окончательно не определится. И, надеюсь, ты не будешь возражать...— Не буду, если ты толком объяснишь с самого начала.— Я же сообщал тебе, что дело выглядит многообещающим.— Да, — кивнул я, вспомнив, что его «многообещающее» я воспринимал как «ничего не значащее», а то и вовсе «неудачное».— А оно оказалось много лучше. Во много раз лучше, чем можно было ожидать. И мы почти сразу начали расширять предприятие. Сейчас у нас в мастерской более ста рабочих. Наши акции еще невысоки на бирже, но уже растут. В настоящее время мы получили предложения от полудюжины компаний, которые хотят откупить наше дело. И самое значительное — от «Нортерн Индастрис». Это огромный концерн. Ты, наверное, слышал о нем.— Нет, никогда не слыхал. Брат с укором поглядел на меня, как школьный учитель глядит на ученика, не выучившего урок.— Как бы то ни было, уж поверь мне, что это огромный концерн, — наставительно повторил он.— И они готовы хоть сегодня подписать с нами договор и уплатить полмиллиона долларов. Ну как, дошло до тебя?— Вполне, — кивнул я.— Более того, мы, то есть я и двое молодых инженеров, которые предложили идею, сохраняем контроль и управление делами в течение пяти лет. Жалованье нам увеличивается

второе, и, кроме того, за нами остается определенное количество акций. Ты, конечно, вместе со мной участвуешь в деле. Официант принес заказанный бифштекс, и Генри с волчьей жадностью набросился на него, поедая вместе с жареной картошкой и булкой, обильно намазанной маслом. — Теперь подсчитай, Дуг, — говорил он с набитым ртом. — Ты дал двадцать пять тысяч. Наша доля тридцать три процента от полумиллиона, что составляет сто шестьдесят шесть тысяч долларов, из коих две трети твои. — Я и сам знаю арифметику, — перебил я. — И это — не считая выплаты по акциям, — заметил Генри, продолжая жевать. Не то от горячей еды, не то от больших цифр, которые он называл, лицо его покраснело и заблестело от пота. — Даже при нынешней инфляции это все же подходящие деньжата. — Кругленькая сумма, — кивнул я. — Обещал я тебе, что ты не пожалеешь, не так ли? — сказал он. — Совершенно верно. — И мне больше не приходится считать чужие деньги, — с жаром проговорил он и, окончив есть, отложил в сторону нож и вилку. Потом с серьезным видом поглядел на меня. Сквозь контактные линзы глаза его казались глубокими и чистыми. Маленькие красные пятна у носа исчезли. — Ты спас меня от гибели, Дуг, — негромко сказал он. — И я никогда не смогу полностью отблагодарить тебя. — И не пытайся. — А у тебя все в порядке? В жизни и во всем? — Лучше и быть не может, — заверил я. — Выглядишь ты замечательно, братишка. Правда. — Спасибо, ты тоже. — Ну так что? — Он неловко поежился. — Решай: да или нет? — Конечно, да, — быстро ответил я. Он радостно улыбнулся и снова взялся за нож и вилку. Прикончив бифштекс, тут же заказал на десерт черничный пирог. — С таким аппетитом тебе неплохо бы заняться спортом, Хэнк, — посоветовал я. — Я вновь увлекся теннисом. — Приезжай как-нибудь сюда, поиграем вместе, — предложил я. — Здесь на острове сотни кортов. — Прекрасно. С удовольствием пообщаюсь с твоей женой. — Буду рад, — искренне сказал я и вдруг начал громко смеяться. — Чему ты смеешься? — как-то подозрительно спросил брат. — После твоего звонка, когда я ехал сюда, то по дороге решил, что на крайний случай дам тебе еще десять тысяч. И ни цента больше. В первый момент Генри как будто обиделся, но затем тоже стал смеяться. Мы еще продолжали хохотать, когда в дверях показалась Мадлен и подошла к нашему столику. — Что с вами? — спросила она. — Семейные дела, — ответил я. — Что ж. Генри мне потом расскажет. Ты ведь все мне рассказываешь. Генри, не так ли? — Да, все и всегда, — сказал брат и с любовью поднес ее руку к губам. Прежде он никогда столь открыто не выказывал свои чувства. Я видел, что многое в нем изменилось, он стал совсем другим человеком. Если кража ста тысяч у мертвого старика могла помочь так измениться Генри, то разве в какой-то мере это же снимало с меня вину за само преступление? Когда я проводил

их к машине, Мадлен дала мне адрес своей нью-йоркской квартиры. Однако мы и не подозревали, как скоро нам придется увидеться. Выставка, уверял Фабиан, открылась с большим успехом. Одно время на стоянке скопились более шестидесяти машин. Было полно народу, люди приходили и уходили. Много внимания уделялось шампанскому, а уж заодно и картинам. Что касается отзывов о них, то мне приходилось слышать и восторженные.— Пока счет в нашу пользу, — прошептал мне Фабиан, когда мы улучили момент и встретились в баре. Я не заметил в толпе критика из «Нью-Йорк Таймс», но Фабиан сказал, что он здесь и выражение его лица весьма благожелательное. К восьми часам вечера наша Дора прикрепил таблички «продано» на четырех больших картинах, писанных маслом, и на шести поменьше.— Блестяще, — ликуя, бросил Фабиан. — Многие обещали снова прийти. Как жаль, что нет Лили. Она обожает выставки. — Язык у него немного заплетался, он весь день ничего не ел и все носился с бокалом в руке. До этого я никогда не видел его пьяным и не думал, что он может перебрать. Эвелин выглядела на выставке несколько ошеломленной. Среди гостей было довольно много актеров театра и кино, несколько известных писателей, которых она никогда прежде не встречала, но узнавала по фотографиям. В Вашингтоне знакомые ей сенаторы и дипломаты не производили на нее большого впечатления. Тут же был совершенно иной мир, и она от стеснения почти терялась, беседуя с писателем, чьими книгами восхищалась, или с актрисой, чья игра на сцене пленяла ее. Мне показалась очень милой эта черта в ней.— Твой друг Майлс, — сказала она, с изумлением качая головой, — знает как будто всех.— Ты еще не видела и половины тех, кого он знает. Эвелин собралась рано уехать домой, потому что обещала отпустить няньку.— Поздравляю, дорогой, — сказала она, когда я провожал ее к машине. — Все получилось чудесно. — Она поцеловала меня, предупредив, что будет ждать моего возвращения. После духоты переполненного людьми помещения было приятно постоять в вечерних сумерках, подышать чистым прохладным воздухом. Вскоре я увидел, как подкатил большой «линкольн-континенталь» и из него вышла Присцилла Дин с двумя элегантными молодыми людьми. Они были в смокингах, а Присцилла в длинном черном платье с наброшенной на обнаженные плечи ярко-красной пелериной. Она не заметила меня, а мне уж и вовсе не хотелось попасться ей на глаза, и я незаметно прошмыгнул следом за ними на выставку. При появлении Присциллы взоры многих присутствующих обратились на нее. Это длилось несколько мгновений, после чего быстро возобновился обычный гул многоголосой толпы. Фабиан сам проводил Присциллу в бар, причем я не заметил, чтобы она попутно взглянула хотя бы на одну из картин. К тому времени, когда многие разъехались — это

было после десяти вечера, — она все еще торчала в баре. И была пьяна, очень пьяна. Когда на выставке осталось всего человек десять, оба молодых человека стали уговаривать ее уехать. — Нас ведь ждут, дорогая Присси, — уговаривал один из них. — Мы уже опаздываем. Пойдемте. Ну, пожалуйста. — К чертям собачьим, — буркнула она. — Что ж, тогда мы уедем, — пригрозил другой. — Катитесь, — махнула рукой Присцилла, прислонившись к стойке бара. Ее пелерина соскользнула на пол, открыв красивые покатые плечи. — Плевала я на вас, дерьмо этакое. Сегодня я — любительница живописи. Ну вас, зануды. Мой старый друг по Парижу отвезет меня. Верно, Майлс? — Конечно, дорогая, — поморщился Фабиан. — Он правда, староват, но еще о-ля-ля. Постарается. *Tres bien*. Это по-французски, зануды. На выставке уже никого не было. Дора глядела на Присциллу широко открытыми глазами, даже слегка приоткрыв рот. Нанимаясь, она говорила, что ищет спокойную чистую работу, которая даст ей возможность подготовиться к экзаменам. — Не вертитесь вокруг меня, — вдруг обрушилась Присцилла на молодых людей. — Терпеть не могу этого. Оба молодых человека недоуменно переглянулись и пожали плечами. Попрощавшись с нами, они ушли. Фабиан поднял с пола пелерину и набросил ее на плечи Присциллы. Он нетвердо стоял на ногах, немного пошатывался, но старался держаться прямо. — Время уже бай-бай, дорогая детка, — забормотал он. — Я в таком состоянии, что не смогу вести машину, но Дуглас потихоньку довезет вас. — Твое состояние, старый козел, — хрипло рассмеялась Присцилла. — Оно мне хорошо известно. Ну-ка поди ко мне и поцелуй, папочка, — протянула она к нему руки. — Ладно, в машине, — пообещал Фабиан. — Не тронусь с места, пока не поцелуешь, — крикнула Присцилла, уцепившись за стойку бара. Смущенно оглянувшись на Дору, которая отвернулась к стене, Фабиан наклонился и поцеловал Присциллу. — Знаю, что мог бы и покрепче, — сказала она, вытерев губы ладонью и размазав помаду. — В чем дело? Нет, что ли, практики? Может, следует вернуться во Францию, — усмехнулась она, но послушно направилась к выходу. — Дора, — напоследок распорядился Фабиан, — выключите свет, закройте все двери. Уборку оставим на завтра. — Хорошо, мистер Фабиан, — растерянно прошептала Дора, по-прежнему неподвижно стоя у стены. Присцилла настояла на том, что сядет в машине между ними на переднем сиденье. Ее платье было облито шампанским, и от нее неприятно разило перегаром. Прежде чем запустить двигатель, я опустил стекло со своей стороны. — Куда вас везти, дорогая? — спросил Фабиан. — В Спрингс. — Как туда ехать? По какой дороге? — Какого черта, откуда я знаю? Поезжайте, а там найдем дорогу. — Как зовут тех, к кому вы едете? Мы будем искать их дом, — не унимался Фабиан, словно полисмен, пытающийся расспросить

заблудившегося на берегу ребенка. — Вы же должны знать фамилии людей, к которым едете. — Конечно, знаю. Леви, Кoen, Макмаен. Что-то вроде этого. Да мне-то все равно. Одна шушера. — Она наклонилась и включила радио. В машине загрохотала музыка из фильма «Мост через реку Квай». — Ну, чистюля, — сердито обратилась она ко мне, — заводите этот драндулет. Надеюсь, знаете, где Спрингс. — Поехали, — кивнул Фабиан. Мы тронулись и через некоторое время миновали дорожный столб с надписью «Добро пожаловать в Спрингс». Однако я быстро убедился, что только чудом мы сумеем найти тот дом, который Присцилла решила осчастливить своим присутствием. Я замедлял ход у каждой развилки, на каждом перекрестке, потом почти у каждого дома, но Присцилла лишь отрицательно качала головой. Сколько бы мы ни заработали на «Спящем принце», подумал я, все это не стоило такого позора. — Мы зря теряем время, — наконец заявила она. — У меня другая идея. Поедем в Куог к двум моим подругам. Они живут на берегу. По крайней мере, посмотрите Атлантику, ладно? — И, не дождавшись ответа, продолжала: — Девочки просто фантастические. И выделывают такие штучки! Вам они понравятся. Давайте в Куог и как следует позабавимся там. До него больше часа езды, устало проговорил Фабиан. — Ну и что ж такого? Повеселимся немного, — настаивала Присцилла. — У нас был очень трудный день, — пожаловался Фабиан. — А у кого легкий? Поехали в Куог. — Может, отложим на завтрашний вечер? — предложил Фабиан. — Вот зануды, — рассердилась Присцилла. Мы поехали лесом по узкой проселочной дороге, которой я не знал и даже не предполагал, куда она нас приведет. Я уже был близок к тому, чтобы при первой возможности свернуть на Истхэмптон, поместить Присциллу в местный отель и, если понадобится, силой высадить ее из машины, когда в свете фар заметил автомобиль, стоявший поперек дороги. Его капот был поднят, и двое копошились в моторе. Я остановился и крикнул им, чтобы они объяснили, куда ведет эта дорога. Внезапно я скорее понял, чем увидел, что на меня направлено дуло пистолета. Двое медленно подошли к нашей машине. Я не мог в темноте разглядеть их лица, но различил, что на них кожаные куртки и рыбацкие кепки с длинным козырьком. Перегнувшись через Присциллу, которая, очевидно, оцепенела от страха, я прошептал Фабиану: — Они с оружием. — Совершенно верно, дружок, — сказал парень с пистолетом. — Оружие наготове. А теперь слушай внимательно. Оставь на месте ключ от зажигания, потому что мы берем взаймы вашу машину. И вылезай быстро и без шума. И старина пусть вылезает с той стороны. Тоже быстро и без шума. Девочка остается в машине. Мы и ее берем взаймы. Стало слышно, как шумно задышала Присцилла, неподвижно замерев на своем месте. Когда я открыл дверцу и вышел, парень с пистолетом отступил на шаг.

Другой подошел к той стороне, где вылез Фабиан, и сказал ему, чтобы он встал рядом со мной. Фабиан подошел ко мне. Он был взволнован и тяжело дышал. И тут вдруг Присцилла начала вопить. Таких громких и пронзительных воплей я еще никогда в жизни не слышал. — Заткни глотку этой суке! — крикнул парень с пистолетом своему соучастнику. Присцилла продолжала вопить, откинувшись всем телом назад и отбиваясь от парня, который пытался схватить ее за ноги. — Скажите на милость! — досадливо воскликнул парень с пистолетом. Он придвинулся немного к машине, собираясь помочь справиться с Присциллой. Его пистолет при этом слегка отклонился в сторону, и Фабиан тут же стремительно бросился на него. Раздался оглушительный выстрел. Я услышал, как захрипел Фабиан, и тоже прыгнул на парня и схватил его за руку, стремясь вырвать пистолет. Тяжесть наших двух тел была слишком велика для него, и он упал на спину, выронив пистолет. Я схватил пистолет как раз в тот момент, когда второй парень показался в свете фар, спеша на подмогу. Не мешкая, я выстрелил в него, он сразу же повернулся и убежал в лес. Тот, кого мы свалили на землю, быстро пополз на четвереньках. Я выстрелил и в этого, но он прыжками скрылся в темноте. Присцилла все еще истошно вопила. Фабиан, скорчившись, лежал на земле, прижав обе руки к груди. Он тяжело и прерывисто дышал. — Отвезите меня в больницу, голубчик, — с трудом выговаривая слова, попросил он. — И поскорей. И, Бога ради, пусть Присцилла перестанет вопить. Как можно осторожней я поднял Фабиана, чтобы положить его на заднее сиденье машины, и тогда заметил огонь приближавшегося к нам автомобиля. — Погодите, к нам кто-то едет, — прошептал я Фабиану и, взяв в руки пистолет, приготовился к встрече. На переднем сиденье Присцилла теперь уже не вопила, а истерически рыдала, колотясь головой о приборную доску. Когда автомобиль подъехал поближе, я разглядел, что это полицейская машина, и тут же бросил пистолет наземь. Едва машина остановилась, как из нее выпрыгнули два полисмена с револьверами в руках. — Что случилось? — крикнул тот, что бежал впереди. — Напали бандиты. Их двое. Они где-то тут в лесу. Моего друга ранили, — торопливо объяснял я. — И мы собираемся везти его в больницу. — Чье это оружие? — спросил полисмен, подняв пистолет, лежавший у моих ног. — Их оружие. Один из полисменов помог мне уложить Фабиана в нашей машине, а другой занялся осмотром той машины, что стояла посреди дороги с поднятым капотом. — Та самая, — сказал он, подойдя к нам. — Та, что мы ищем. Ее украли прошлой ночью в Монтоке. Они с любопытством поглядели на Присциллу, которая все еще колотилась в истерическом припадке, но ничего не сказали. — Следуйте за нами, — предложил один из них. — Проедем прямо к больнице. Мы помчались за ними по темной дороге. По пути нам повстречалась сначала

одна, а потом и другая полицейские машины, спешившие к месту происшествия. Их, очевидно, вызвали по радио на поиски бандитов ехавшие впереди нас полисмены. Операция длилась три часа. Фабиан потерял сознание еще до того, как мы приехали в больницу. Бегло осмотрев Присциллу, молодой врач велел уложить ее в постель и дать сильное успокаивающее средство. Я сидел в приемном покое, пытаюсь отвечать на вопросы полисменов, как выглядели напавшие на нас бандиты, в какой последовательности и как развивались все события, почему мы оказались в такой поздний час на этой дороге, что за женщина была с нами, ранил ли я кого-нибудь из бандитов, когда стрелял в них. Трудно было собраться с мыслями и изложить все по порядку. Я находился в состоянии если не растерянности, то подавленности и какого-то оцепенения. Вовсе не легко было объяснить им, что за птица Присцилла Дин и почему она не знала, куда ей ехать ночевать. Полисмены были неизменно вежливы со мной, как будто не подозрительны, но они снова и снова продолжали задавать одни и те же вопросы, несколько видоизменяя их, словно то, о чем я рассказывал, не могло произойти так, как я излагал. Домой я позвонил сразу же после того, как Фабиана увезли в операционную, сообщил о несчастном случае с ним, просил Эвелин не беспокоиться, пообещав, что все подробности расскажу по приезду. Уже после полуночи молодой полисмен, переговорив по телефону, подошел ко мне и сказал, что обоих парней задержали. — Вы не попали ни в одного из них, — не сдержав улыбки, сообщил он. Мне следовало утром явиться в полицейский участок для опознания задержанных. Должна явиться также и женщина, которая была с вами, добавил он. Когда Фабиана вывезли из операционной, лицо у него было кроткое и спокойное. Хирург в халате и с марлевой повязкой, болтавшейся у горла, выглядел хмурым и озабоченным, стаскивая с рук резиновые перчатки. — Больной в неважном состоянии, — сказал он мне. — Яснее станет в ближайшие сутки. — В ближайшие сутки, — машинально повторил я. — Это ваш близкий друг? — Да, очень близкий. — Откуда у него такой длинный шрам на груди и животе? — Шрам? Я никогда не видел. — Я помотал головой. — Никогда не видел его раздетым. — Похоже на шрапнель, — произнес хирург. — Должно быть, ранило на войне. А ведь доктору всего года тридцать два — тридцать три, прикинул я. Что он может знать о войне? А вслух сказал: — Да, он воевал. Но никогда не говорил, что был ранен. — Теперь вы знаете, — сухо сказал молодой хирург. — Спокойной ночи. Едва я вышел из больницы, как перед моими глазами блеснула вспышка, так что я невольно вздрогнул. То был лишь первый фотограф, снявший меня. То ли будет завтра, дружок, подумал я, когда вместе с дражайшей Присциллой Дин ты войдешь в полицейский участок. Домой я ехал медленно, дорога смутно

расплывалась передо мной. Эвелин ждала меня. Мы уселись на кухне, выпили по стаканчику виски, и я рассказал ей все от начала до конца. Когда я окончил, она, закусив губу, пробормотала: «Отвратная женщина. Я бы задушила ее своими руками».25

Наутро описание происшествия с моей фотографией появилось в газетах Лонг-Айленда. И уж, конечно, с фотографиями Присциллы. Перед тем как отправиться в полицейский участок, я позвонил в больницу, и мне сообщили, что Фабиан провел ночь спокойно, и разрешили попозже ненадолго навестить его. Присцилла в сопровождении полицейского прибыла в участок немного раньше меня. Должно быть, более десятка фотографов дежурили перед участком, ожидая нашего появления. Мы опознали обоих задержанных, хотя мне было непонятно, как их могла опознать Присцилла, истерически метавшаяся внутри машины. Оба они сознались во всем, так что их опознание было, по существу, чисто формальным. Днем они казались совсем безвредными. Обоим было лет по восемнадцать, не больше. Тощие, довольно плюгавые, они испуганно кривили губы, когда полицейские обращались к ним с вопросами. «Шпана зеленая», — презрительно назвал их один из полисменов. Трудно было представить себе, что всего несколько часов тому назад они тяжело ранили человека, пытались убить меня, а я в свою очередь пытался убить их. Когда я вышел из участка, фотографы все норовили снять меня вместе с Присциллой, но я ускорил шаг и быстро удалился от нее. Я уж по горло был сыт ею, и меня прямо-таки тошнило от ее присутствия. В больнице я зашел сперва к хирургу, который был настроен оптимистически. — Больной перенес операцию намного лучше, чем я ожидал, — заверил он. — Думаю, что выкарабкается. На аккуратно застеленной кровати Фабиан лежал на спине с трубками и датчиками на руках и на груди. Комната была залита солнцем, через открытое окно доносился запах только что скошенной травы. Когда я подошел к кровати, он слабо улыбнулся и, немного приподняв руку, приветствовал меня. — Сейчас говорил с врачом, — сказал я, пододвинув стул к его постели и усаживаясь. — Он считает, что вы, безусловно, поправитесь. — Рад это слышать, — прошептал Фабиан. — Уж больно глупо умирать, спасая честь Присциллы Дин, — чуть усмехнулся он. — Нам следовало свести ее с теми двумя парнями. — И, хрипло рассмеявшись, добавил: — Они бы быстро сговорились между собой. — Скажите, Майлс, с чего это вы вдруг бросились на пистолет? Он слегка качнул головой на подушке: — Кто его знает... Какой-то толчок? Порыв? Осторожность была приглушена выпивкой. А может, от старой

закваски моего штата Массачусетс...— Послушайте, дружище, — спросил я, — откуда у вас шрам на груди и животе? Врач интересовался.— Память об одной стычке, — уклончиво ответил Фабиан. — Сейчас не хочется говорить об этом. У меня к вам просьба. Позвоните Лили и попросите ее, чтобы она, если возможно, приехала на несколько дней.— Сегодня же позвоню.— Спасибо, вы настоящий друг. — Майлс вздохнул. — А хороший был вечер. Такие милые люди. Пошлите телеграмму Квину — поздравьте от моего имени.— Эвелин уже послала, — сказал я.— Какая она заботливая. Вчера она была просто прелестна. И еще попрошу. Откройте ящик и достаньте оттуда, авторучку, бумагу и дайте мне. Я подал ему, что он просил. Фабиан, повернувшись на бок, начал медленно, с трудом писать. Потом вручил мне написанное.— Мало ли что может случиться, Дуглас, а ведь я... — Он остановился, видно, ему было трудно произносить слова. — Это записка в цюрихский банк. Там у меня личный счет, кроме нашего объединенного. Должен признаться, что время от времени я... я отсасывал себе некоторые суммы денег. Проще говоря, Дуглас, обманывал вас. Эта записка возвратит вам все.— О, Бог с вами.— С самого начала я предупреждал вас, что хорошего во мне мало. Я нежно погладил его по голове.— Это всего лишь деньги, дорогой друг, — сказал я. — А мы все же стоим большего. На глазах у него показались слезы.— Всего лишь деньги, — повторил он и вдруг засмеялся. — Я подумал сейчас, что если бы меня не подстрелили, то все бы, наверное, решили, что вся эта история — рекламный трюк для Присциллы. Вошла медсестра и укоризненно взглянула на меня, давая знать, что пора уходить.— Не оставляйте выставку, — напутствовал меня вдогонку Фабиан, когда я уже выходил из комнаты. На следующий день из Лондона прилетела Лили. Я встретил ее в аэропорту Кеннеди и повез в больницу. Она была по-дорожному изящно одета, я узнал то коричневое пальто, которое запомнил по первой встрече во Флоренции. Мы быстро помчались по широкой автостраде, Лили была сдержанна и спокойна, но курила сигарету за сигаретой. Я передал ей слова врача о том, что Фабиан, похоже, поправится. В ответ она только молча кивнула. Когда мы миновали Риверхед, я заговорил:— Хирург сказал, что на груди у Майлса огромный шрам, который тянется до живота. Говорит, похоже на ранение шрапнелью. Вы что-нибудь знаете об этом? Я спросил Майлса, но он умолчал.— Да, я тоже видела шрам, — сказала Лили. — В первую же ночь, которую мы провели вместе. Фабиан очень стыдился его. Он ведь так заботится о своем теле. Поэтому он никогда не плавает и вечно ходит в рубашке с галстуком. Я его особенно не расспрашивала, но однажды он сам рассказал. Он был летчиком-истребителем... Впрочем, вы, должно быть, это знаете?— Нет. Лили затянулась сигаретой и улыбнулась.— Просто удивительно, по какому принципу он решает, кому что говорить, мой

милый Майлс. Так вот, он был летчик-истребитель. И, должно быть, настоящий ас. От знакомых американцев я узнала, что он награжден почти всеми мыслимыми медалями. — Она чуть усмехнулась. — Зимой сорок четвертого их отправили во Францию. Операция, по его словам, была просто убийственная, да еще в штормовую погоду. Как бы то ни было, его и его лучшего друга сбили над Па-де-Кале. Друг погиб. Майлс попал в плен к немцам. Его пытали. Вот откуда шрам. Когда союзники взяли госпиталь, где он находился, Фабиан весил всего сотню фунтов. Можете себе представить? Она молча докурила сигарету. Потом сказала: — Теперь вы, наверно, понимаете, почему он вел такой образ жизни? — Частично, — ответил я. Некоторое время мы ехали молча. Потом Лили спросила: — У вас как будто были дела с ним, не так ли? — Да, были. — Вы помните, что я предупреждала вас относительно его денежных расчетов? — Помню. — И он обманывал вас? — Немного. Она рассмеялась сдавленным смехом. — Меня тоже обманывал. Дорогой старый друг Майлс. Его не назовешь честным человеком, но он всегда был праздничным. И дарил радость другим. Я, конечно, не берусь судить, но, быть может, это важнее всего. — Она закурила новую сигарету. — Горько подумать, что его не будет с нами. — Будем все же надеяться. — Ничего другого не остается. Потом мы ехали молча, пока не остановились у здания больницы. — Мне хотелось бы побыть с ним вдвоем, — сказала Лили, выходя из машины. — Конечно, — согласился я. — Я завезу ваши вещи в отель. Затем буду у себя дома, если понадобится. Поцеловав ее в щеку, я смотрел ей вслед. Неторопливо и уверенно вошла она в больницу в своем нарядном коричневом пальто. Уже темнело, когда я подъехал к дому. Перед ним стоял какой-то незнакомый мне автомобиль. Опять репортеры, с отвращением подумал я, шагая по дорожке к дому. Машины Эвелин не было, и я догадался, что это нянька впустила кого-то в дом. Отперев своим ключом входную дверь, я увидел мужчину, сидевшего в гостиной и читавшего газету. Когда я вошел, он поднялся. — Мистер Граймс? — вопросительно обратился он. — Да. — Я позволил себе войти к вам и дожждаться вашего прихода, — вежливо сказал он. Это был худощавый, предупредительный на вид человек с рыжеватыми волосами. На нем был хорошо сшитый темно-серый летний костюм и белая рубашка с черным галстуком. На репортера он совсем не походил. — Моя фамилия Вэнс — представился он. — Я адвокат и прибыл по поручению своего клиента. Получить обратно сто тысяч долларов. Я подошел к серванту, достал бутылку виски и налил себе. — Хотите шотландского? — спросил я. — Нет, благодарю. Со стаканчиком виски я сел в кресло. Вэнс продолжал стоять. Опрятный, невысокий, совсем не угрожающего вида мужчина. — Меня давно интересовало, когда же вы наконец придете. — Это отняло некоторое время, — пояснил он. Голос у него был сухой, негромкий,

поучительный. И почти сразу же становилось скучно слушать его. — Найти вас было нелегко. К счастью, — он потряс газетой, — вы вдруг засияли здесь героем. — Это только так кажется. В нашем грешном мире ничто не сияет. — Совершенно верно, — сказал он. Потом внимательно оглядел комнату. Из детской в это время послышался плач ребенка. — Прекрасное место у вас. Восхитительный вид. — Да, — промычал я, чувствуя себя очень усталым. — Мой клиент поручил известить вас, что вам дается три дня на возврат денег. Ему бы не хотелось быть вынужденным прибегнуть к чрезвычайным мерам. Я молча кивнул. Даже это стоило мне большого усилия. — Остановился я в отеле «Блэкстоун». Хотя, быть может, вы предпочитаете, чтоб я ожидал вас в «Святом Августине»? — деланно улыбнулся он. — Приду по указанному вами адресу. — Деньги верните в тех же купюрах, как вы их взяли. Стодолларовыми билетами. Я снова кивнул. — Полагаю, вы выполните все, что от вас требуется. А теперь мне пора ехать. В дверях он остановился. — Вы не спросили, кого я представляю, но я все равно не смог бы ответить. Могу лишь указать, что ваша смелая, так сказать, проделка оказалась небесполезной. Понятно, вам жаль возвращать деньги, но, быть может, вас утешит то обстоятельство, что вы тогда спасли ряд значительных лиц... Весьма значительных, — подчеркнул он, — от очень больших неприятностей. В девять часов вечера этого же дня я поднимался в лифте дома по Восточной Пятдесят второй улице Нью-Йорка. У себя я оставил записку, что по срочному делу на один-два дня выехал в Нью-Йорк. Я не стал звонить в контору Эвелин, так как хотел избежать всяких расспросов. Брата Генри я застал дома как раз в тот момент, когда он с Мадлен собирался идти в кино. Они были обеспокоены моим неожиданным приходом. — Мне бы хотелось переговорить с тобой наедине, Хэнк, — сказал я. Но брат отрицательно покачал головой: — От Мадлен у меня нет никаких секретов. Говори при ней. — Ладно, — согласился я. — Короче говоря, мне нужны, Хэнк, сто тысяч в стодолларовых билетах. У меня нет времени ждать, пока их переведут с моего счета в Европе. А при себе я таких денег не имею. В моем распоряжении только три дня. Сможешь ты сделать это для меня? Мы все стояли посреди комнаты. Генри вдруг опустил на стул. Привычным еще с детства жестом потер рукой глаза. — Как-нибудь сделаю, конечно, — пробормотал он. Все было улажено за два дня. Из вестибюля «Блэкстоуна» я позвонил в номер Вэнса. Он был у себя. С увесистым чемоданчиком я поднялся к нему. Подождал, пока он тщательно пересчитал деньги. — Все в порядке, — сказал Вэнс. — Благодарю вас. — Чемоданчик можете оставить себе, — сказал я, направляясь к выходу. — Очень любезно с вашей стороны, — отозвался Вэнс, провожая меня к дверям. Я очень быстро гнал машину. Нужно было попасть в

больницу к тому часу, пока еще пропускали. Днем я позвонил Лили, и она сказала, что Фабиан провел ночь спокойно. Я хотел сообщить ему, что, как он и предвидел, пришли за деньгами, и я отдал их. Когда вошел в больницу, медсестра в регистратуре сразу же окликнула меня. — Вы опоздали, — сказала она. — Мистер Фабиан скончался сегодня в четыре часа дня. Мы пытались разыскать вас... — Да, это было трудно, — сказал я. Меня удивило, как спокойно звучал мой голос. — А леди Эббот здесь? Медсестра покачала головой. — Миссис Эббот, наверно, уже нет в городе. — В силу обычного у американцев подозрительного отношения к титулам сестра не назвала ее «леди». — Она заявила, что ей больше нечего здесь делать. И она хочет успеть на вечерний самолет в Лондон. — Что ж, весьма благоразумно с ее стороны. Завтра утром я заеду, чтобы договориться о похоронах. Торопиться теперь было ни к чему, и я медленно свернул на Истхэмптон, так как домой мне сейчас не хотелось возвращаться. Я подъехал к арендованному нами сараю со свежей вывеской «Картинная галерея у Южной развилки». В нем было темно. Вспомнились последние слова Фабиана, которые он вдогонку сказал мне: «Не оставляйте выставку». Вынув из кармана связку ключей, я отпер дверь. И сел на скамью посреди темного сарая, думая о бойком, не вполне честном, лукавом человеке, который умер сегодня. Слезы показались у меня на глазах. Потом поднялся и включил свет. Стоя посреди выставки, я оглядывал развешанные по стенам картины, в которых отразилась жизнь американца, скитавшегося по захолустным уголкам своей страны. notes

Примечания

1 лицо, заключающее пари на бегах и скачках и собирающее денежные заклады.

2 район Нью-Йорка

3 один из самых престижных районов Вашингтона

4 термин в покере, обозначающий наличие у игрока карт в порядке старшинства

5 14 февраля (франц.)

6 позор (итал.)

7 будьте добры (итал.)

8 да, синьора (итал.)

9 к телефону, синьора (итал.)

10 Наконец-то! (итал.)

11 хорошо, синьор (итал.)

12 добрый вечер (итал.)

13 тем хуже (франц.)

14 старинный английский колледж, где обучаются главным образом дети из аристократических семей

15 нет (нем.)

16сокращенное название Международной организации уголовной полиции (International Criminal Police Organization)

17макароны и жареные овощи (итал.)

18 слушаю (итал.)

19 до свидания (итал.)

20 милая Италия (итал.)

21 извините (итал.)